

ISSN 0131-677X

ТЮРКОЛОГИЯ

3

БАКУ . 1992

ТЮРКОЛОГИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 3

МАЙ — ИЮНЬ

БАКУ — 1992

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Айтматов И. Т. (президент АН Республики Кыргызстан)
Бабаев А. Г. (президент АН Туркменистана)
Кайбышев О. А. (президент АН Башкортостана)
Осипов Ю. С. (президент Российской АН)
Салаев Э. Ю. (президент АН Азербайджана)
Салахитдинов М. С. (президент АН Республики Узбекистан)
Султангазин У. М. (президент АН Казахстана)
Хасанов М. Х. (президент АН Татарстана)

Абдуллаев А. З. (Азербайджан)
Асланов А. М. (Азербайджан)
Базен Л. (Франция)
Баскаков Н. А. (Россия)
Бодроглигети А. (США)
Брендемоен Б. (Норвегия)
Бунятов З. М. (Азербайджан)
Васильев Д. Д. (Россия)
Габен А., фон (ФРГ)
Гуннар Я. (Швеция)
Гянджеи Т. (Великобритания)
Данкофф Р. (США)
Дёрфер Г. (ФРГ)
Иоханнес Л. (ФРГ)
Каграманов Дж. В. (Азербайджан)
Калужинский С. (Польша)
Кляшторный С. Г. (Россия)
Коркмаз З. (Турция)
Льюис Дж. (Великобритания)

Меликофф И. (Франция)
Менгес К. Г. (Австрия)
Набиев Б. А. (Азербайджан)
Нитки Х. (Иран)
Орузбаева Б. О. (Кыргызстан)
Прицак О. (США)
Рона-Таш А. (Венгрия)
Серткая Ф. О. (Турция)
Синор Денис (США)
Трыарский Э. (Польша)
Тумашева Д. Г. (Татарстан)
Финн Р. (США)
Хазаи Г. (Венгрия)
Хей'ат Джавад (Иран)
Худиев Н. М. (Азербайджан)
Эргин М. (Турция)
Эрджиласун А. (Турция)
Эрен Х. (Турция)
Язган Т. (Турция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Э. Р. Тенишев (Москва), первый зам. главного редактора Б. И. Асланов (Баку), зам. главного редактора С. Н. Иванов (Санкт-Петербург), зам. главного редактора К. М. Мусаев (Москва), А. К. Алекперов (Баку), А. А. Ахундов (Баку), Г. Ф. Благова (Москва), К. Н. Велиев (Баку), Т. И. Гаджиев (Баку), Э. А. Грунина (Москва), М. З. Закиев (Казань), Е. З. Кажобеков (Алма-Ата), А. Т. Кайдаров (Алма-Ата), Я. В. Караев (Баку), И. В. Кормушин (Москва), Р. Г. Кузеев (Уфа), Е. А. Поцелуевский (Москва), К. А. Талыбзаде (Баку), З. Г. Ураксин (Уфа), А. М. Щербак (Санкт-Петербург), Н. Г. Юзеев (Казань)

УЧРЕДИТЕЛИ: АН Азербайджана, Башкортостана, Казахстана, Республики Кыргызстан, Российской АН, АН Татарстана, Туркменистана, Республики Узбекистан

Адрес редакции: 370143. Баку-143, пр. Азизбекова, 31. Редакция журнала «Тюркология». Тел.: 39-22-86, 39-24-57

Manuscripts and books for review should be sent to Professor Aslanov V. I.
370143. Baku-143, Azizbekov avenue, 31, «Tyurkologia». Tel.: (8922) 39-22-86

ые противостоят элементам второго ряда как неогубленным. Эти два признака составляют основу противопоставления узбекских гласных

фонем на парадигматическом уровне, и ими же исчерпываются дифференциальные фонологические признаки. Однако почти во всех исследованиях по фонетике узбекского языка выделяется еще третий признак противопоставления, а именно *ряд* (*мягкость, твердость*). Введение признака различения по ряду обусловлено неразграничением в этих исследованиях языка и речи, а соответственно фонемы и звука. Противопоставление по ряду для современного узбекского литературного языка не является фонологическим. Несомненно, рядовой признак входит в число конститутивных признаков гласных звуков, однако фонологическое противопоставление по данному признаку узбекскому языку не свойственно. Поэтому у четырех фонем из шести в речи — по три аллофона: [y], [i], [+y]; [u], [ü], [+u]; [a], [ä], [+a]; [o], [ö], [+o] (см.: [16. С. 48—55; 2. С. 111—211]); [e] и [э] ни в парадигматике гласных, ни в речи противопоставления по признаку ряда не имеют.

Оппозиции [+y] и [+u], [+a] и [э] привативны по признаку *огубленность*. В этих оппозициях маркированы (сильны, отмечены) [+u] и [э], а [+y] и [+a] не отмечены. Позицией нейтрализации для них является положение перед согласным [v], а для пары [+a] — [э] — еще и перед [q] и [γ]: oqu- 'читать', oquvсу 'ученик', qušla- 'зимовать', qušlov 'зимовка', qušloq 'место зимовки, кишлак', jaга- 'быть пригодным', jaгоу 'пригодное'.

Привативна также и оппозиция [+y] ~ [e], где сильным членом выступает [e]. Данная оппозиция нейтрализуется в позициях перед согласными [э] и [h] [17]: mehmān < myhmān; eʔān < iʔān.

Материалы современного узбекского языка диктуют необходимость выделения особой фонемы [+ū] (орфогр. *ий*), которая, правда, имеет ограниченное распространение и встречается только в заимствованных словах; ср.: лит.-орфогр. *қариб* 'состарившийся', *қарийб* 'близко', *китоби* 'его книга', *китобий* 'книжный', *тир* 'подпорка', *тийр* 'стрела', *тира* 'подписать', *тийра* 'темный', *сина* 'испытывай', *сийна* 'грудь'. Однако фонема [+ū] не осознается как самостоятельная по причине того, что признак *долгота/краткость* в узбекской вокалической подсистеме иррелевантен, и потому этот звук передается сочетанием (*ий*) и (*ийи*): *қийин* 'трудный', *кийик* 'газель', *тийин* 'копейка'.

Фонемы [+y], [+u], [+o] представляют собой продукт конвергенции общетюркских фонем [y], [i], [u], [ü], [o], [ö], которые сохраняли свою самостоятельность в старотюркском языке [6. С. 31—34] и на начальных этапах развития староузбекского языка [7. С. 66—68]. Конвергенция [y] и [i] началась еще в XI в., что подтверждает параллелизм в употреблении форм типа *tylqa/tilgä* 'языку'; *iškä/yšqa* 'работе' в материалах из «Кутадгу билиг» и «Дивана» Махмуда Кашгари, и завершилась к XIV в. (Алишер Навои уже не выделяет особые фонемы [y] и [i] [8. С. 14], а говорит лишь о фонемах [+y], [+ū] и [e] [18. С. 114]).

Конвергенция мягких и твердых лабиализованных гласных происходила с XV в. (ср.: параллелизм форм типа *köngülʔa/köngülʔä* 'сердцу') по XVIII в. (Навои выделяет противопоставление четырех губных звуков, передаваемых на письме буквой «вав» [7. С. 66—68; 8. С. 16—17; 18. С. 114]).

В [+y], [+u], [+o] конвергировались также долгие гласные арабского и персидского языков [+ū], [+ū]. Следует заметить, что в современном узбекском языке [+ū] в словах иранского происхождения чаще переходит в [+o]; объясняется это тем, что узбекское [+o] более долгое, чем узбекское [+u] (см.: [3. С. 44]).

Фонема [e] в первом слоге развилась из сужения общетюркского [ä], в последующих — отчасти из [+y̆] в словах арабского и иранского происхождения и из [+y] и [+y̆] перед [ɣ] и [h]. Наличие самостоятельной фонемы [e] в старотюркском языке отдельными исследователями не без основания подвергается сомнению [7; 11]. Однако в староузбекском языке эта фонема уже фигурирует. Переход [+y̆] в [e] в словах арабского и иранского происхождения произошел, видимо, после XVII в.: darviš > darveš 'дервиш'. К этому же времени, вероятно, относится и нейтрализация оппозиции [+y] ~ [e] перед [ɣ] и [h]. Переход [+y̆] и [+y] перед [ɣ] и [h] в [e] не случаен и связан с тем, что в узбекском языке, по экспериментальным данным, [e] более долгий, чем [+y] [З. С. 19], особенно если учесть, что [ɣ] и [h] в ауслауте чаще всего не произносятся и компенсируются удлинением предыдущего гласного.

В узбекскую фонему [+a] слились в ряде слов общетюркское [a], [ä] второго и последующих слогов, краткий [a] слов арабского, иранского, а позже и русского происхождения, безударное русское (o). Фонема [+a], сложившаяся в XV в., тесно связана с сужением [ä] в первом слоге и формированием самостоятельной фонемы [e] в староузбекском языке.

Произношение специфической фонемы [ɔ] узбекского языка по диалектам сильно отличается одно от другого (см.: [19. С. 206—208]). Данная полугубная фонема развилась частично из общетюркского [a] и [+ä] в арабских и иранских словах. Позже с ней слилось русское ударное [o]. Общетюркское [a] в узбекское [ɔ] регулярно переходит лишь в позиции перед [q], [ɣ], [v]. В остальных случаях переход [a] в [ɔ] не имеет никаких закономерностей и определяется орфографическими и орфоэпическими словарями. Точно назвать диалект, на который ориентировано употребление [ɔ] в литературном языке, мы не можем; ср.: в бухарском говоре *ака*, в ташкентском *окä*, лит.-орфогр. *ака* 'старший брат', но в бух. *bala*, в ташкент. (*böla*), лит.-орфогр. *бола* 'ребенок'.

Литературной нормой фонема [ɔ] стала в связи с принятием графики на основе русского алфавита. В узбекском алфавите на латинской основе буква (a) передавала как общетюркское [a], так и [+ä], отчасти и [+a] в словах арабского и иранского происхождения (ср. орфографию ряда слов в двух узбекских письменностях послереволюционного периода: *zaman* — *замон* 'время'; *adam* — *одам* 'человек'; *Nəvaij* — *Навоий* 'Навои'; *yuzici* — *ёзувчи* 'писатель'; *yazgan* — *ёзган* 'писавший'; *alqab* — *алқоб* 'прозвище', т. е. одна из характерных черт современной узбекской фонетики — оканье — в качестве литературной нормы утвердилась недавно.

Как видим, шесть фонем современного узбекского литературного языка представляют собой продукт конвергенции и дивергенции четырех пар старотюркских (и пратюркских [11. С. 65]), а также долгих и кратких гласных арабского и гаджикского (персидского) языков. Этапы развития гласных узбекского языка и их соответствия гласным новоузбекского, староузбекского и старотюркского языков отражены на рис. 2.

Однако представленную схему можно считать научно обоснованной лишь в том случае, если вслед за большинством исследователей исходить из первичной фонологичности противопоставлений гласных по ряду (твердости/мягкости) в пратюркском языке-основе, во многих его промежуточных звеньях, в старотюркском и староузбекском языках. Однако некоторые факты допускают рассмотрение про-

Старотюрк. яз. XI-XIV вв.	Староузб. яз. XIV-XVII вв.	Новоузб. яз. XVIII-XX вв.	Совр узб. яз. XX в.
/ɯ/	/ɯ/	/ɯ/	/ɯ/
/y/	/y/	/y/	/y/
/a/	/e/	/e/	/e/
/a/	/a/	/a/	/a/
/a/	/ā/	/ā/	/ā/
/u/	/u/	/u/	/u/
/u/	/ū/	/ū/	/ū/
/o/	/o/	/o/	/o/
/o/	/o/	/o/	/o/

Рис. 2

тивопоставления гласных по ряду не как фонологического явления, а как позиционно обусловленного варьирования, откуда можно предположить, что на языковом фонологическом уровне существовали лишь индифферентные по рядовым противопоставлениям гласные фонемы, которые в речи выступали как узбекские фонемы в твердом, мягком и среднем вариантах. Судя по материалам некоторых тюркских рунических памятников (ТРП), такая фонологическая гипотеза вполне допустима. Наиболее древние из них позволяют подвергнуть сомнению бесспорность фонологичности противопоставления гласных по ряду, так как в большинстве случаев твердость/мягкость гласного в составе морфемы определяется синтагматическими отношениями — «качеством соседнего согласного» [20. С. 60] (разрядка наша. — Х. Н.). В языке ТРП мы обнаруживаем такое состояние развития тюркских языков, когда твердые и мягкие гласные [a] и [ā], [y] и [i], а также согласные [m], [p], [ŋ], [š], [č], [z] графически не различались, в отличие от последовательно различающихся [b] и [b'], [d] и [d'], [q] и [k], [ɣ] и [g], [l] и [l'], [n] и [n'], [r] и [r'], [s] и [s'], [t] и [t'], [j] и [j'] [20. С. 62]. Если сопоставить ряды согласных, имеющих и не

имеющих буквенные обозначения для различения твердости и мягкости, то нетрудно заметить, что в этих рядах симметричность фонологической системы нарушена, ср.: [b] ~ [p], [n] ~ [m], [s] ~ [z], [s] ~ [š]. Первые из этих соотносительных пар имеют противопоставление по твердости/мягкости, а вторые его не имеют, хотя субстанциально и функционально они не только в языке ТРП, но и почти во всех языках мира очень близки.

Если учесть, что начиная с VIII в. развитие системы согласных тюркских языков обнаруживает тенденцию к устранению противопоставления согласных по твердости/мягкости и к его компенсации путем достижения фонологичности противопоставления гласных по ряду (что вполне гармонирует с действием закона экономии в развитии языка), то можно предположить, что в ТРП мы застаем именно такое состояние развития тюркских языков, когда, видимо, была утрачена фонологичность противопоставления по твердости/мягкости у отдельных согласных и достигнута фонологичность противопоставления по ряду у отдельных гласных. В большинстве современных тюркских языков этот процесс завер-

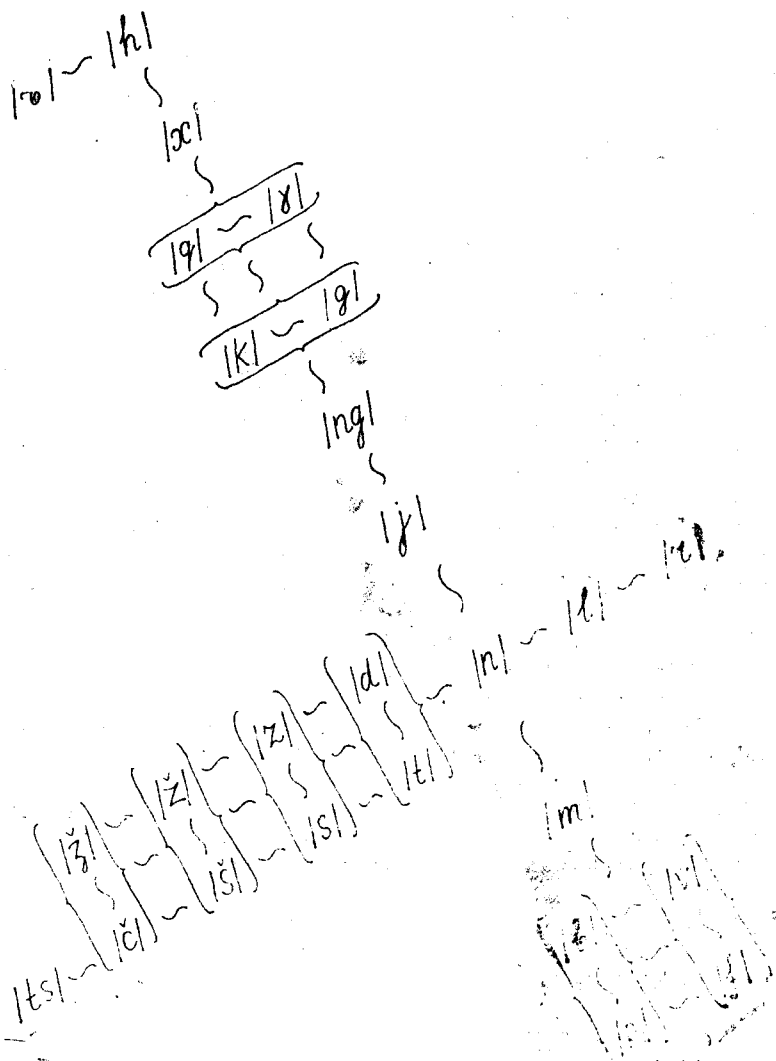

Рис. 3

шился, — полностью снята фонологичность противопоставления по ряду у согласных, фонологическую значимость приобрело различие гласных по ряду, как средство закрепления фонологичности различения гласных по ряду в начальных слогах слова и как пограничный сигнал между словами развился сингармонизм. В узбекском же языке благодаря некоторым интер- и экстралингвистическим факторам фонологичность противопоставления [q] и [k], [ɣ] и [g] была не только сохранена, но и получила дальнейшее развитие, что воспрепятствовало как дивергенции твердых и мягких вариантов гласных в самостоятельные фонемы, так и развитию сингармонизма, точнее — замене гармонии согласных гармонией гласных.

Схема, представленная на рис. 3, не только отражает парадигматику консонантов по субстанциальному (фонетическому, артикуляционному) признаку, но и выделяет те из конститутивных признаков фонем, которые одновременно являются дифференциальными. Упорядочение фонем по вертикальному ряду определяется местом их образования и идет по направлению (снизу вверх) от губ к гортани. Противопоставление фонем по горизонтальным рядам основывается на их конститутивных признаках по способу образования. Противопоставление по звонкости/глухости образует пропорциональные ряды привативных оппозиций, нейтрализуемых в абсолютном исходе слова, в начале аффиксальных морфем и т. д., поэтому в парадигматике консонантов эти согласные пары в целом выступают своими архифонемами (на схеме заключены в фигурные скобки).

Поскольку вопросы функциональной нагруженности оппозиций согласных в узбекском языке совершенно не исследованы, конструировать парадигматику консонантов по функциональной нагруженности мы пока не можем. Лишь на основании предварительных данных можно предполагать, что смыслоразличительная функция оппозиций [ʔ] ~ [h], [ʒ] ~ [z], [ǯ] ~ [ž], [s] ~ [ʒ], [v] ~ [f] сомнительна, смыслоразличительной функцией оппозиции [p] ~ [f], [g] ~ [k], [ɣ] ~ [g], [b] ~ [v], [h] ~ [x], [ts] ~ [ç] нагружены очень слабо. В последнем орфографическом словаре узбекского языка, охватывающем более 65 000 слов [21], смыслоразличительная функция этих оппозитивных пар, по наблюдениям специалистов [22], такова:

- 1) [ts] ~ [ç]: tsirk 'цирк', çirk 'грязь', tsex 'цех', çex 'чех';
- 2) [h] ~ [x] (4): halq 'горло', xalq 'народ', hil-hil 'разваренный', xil-xil 'разнообразный', hol 'положение', xol 'родинка', huš 'разум', xuš 'добро';
- 3) [p] ~ [f] (7): pakt 'пакт', fakt 'факт', palak 'пассада', falak 'небосвод', pol 'пол', fol 'гадание', para 'пара', fara 'фара', port 'порт', fort 'форт', pors 'порция', fors 'перс';
- 4) [ɣ] ~ [g] (6): ɣužum 'горсть', gužum 'дуб', ögit 'наставление', öyit 'удобрение', ɣög 'незрелый', gög 'могила', ɣöl 'толстяк', göl 'простак', ɣov 'барьер', gov 'бык', ɣul 'оковы', gul 'цветок';
- 5) [b] ~ [v] (7): baqo 'вечность', vaqo 'мизер', vaza 'ваза', baza 'база', balet 'балет', valet 'валет', baxš 'подавание', vaxš 'Вахш', bino 'здание', vino 'вино', bokal 'бокал', vokal 'вокал', karbon 'карбон', karvon 'караван';
- 6) [g] ~ [k] (8): gazak 'закуска', kazak 'казак', gal 'очередь', kal 'плешивый', tanka 'танк', tanga 'монета', gög 'могила', kög 'слепой', gul 'цветок', kul 'зола', ögir- 'наворачивать', ökig- 'реветь', eg- 'клонить', ek- 'сеять', tug- 'завязывать', tuk 'волосок';
- 7) [q] ~ [ɣ] (14): öqit- 'обучать', öyit 'удобрение', tiq- 'втыкать', tiɣ 'лезвие', tögip 'вдоволь', toɣip 'обруч колеса телеги', žiq 'мокрый',

ʒiʁ 'нрав', qazo 'смерть', ʁazo 'священная религиозная война', qajir- 'сгибать', ʁajir 'чужак', qoʁa 'скала', ʁoʁa 'идея', oqiz- 'пускать' (жидкость), ʁʁiz 'рот', boʁ 'сад', boq- 'смотреть', baqir- 'кричать', bayir 'печень', jaq- 'жесть', jay 'масло', jay- 'идти' (о дожде), jaq- 'быть по нраву'.

Можно полагать, что это неполный список словесных пар, где смысловозначение проводится с помощью вышеприведенных пар фонем. Однако и его вполне достаточно для того, чтобы сделать важный вывод: большинство слов — не тюркского происхождения, из 48 пар лишь 8 (öqir-ökir, eg-ek, tug-tuk, oqit-oʻyit, oqiz-oʻyiz, baqir-bayir, jaq-jay) основываются на исконно тюркской лексике. Несомненно, все это указывает на особое положение фонем [ʁ], [h], [x], [ʒ], [ts], [v], [f] в фонологической системе узбекского языка. В литературном языке все они выполняют смысловозначительную функцию, и даже [ʁ] (ср.: tar 'температура'; taʁ 'характер', masul для узбека не понятен, masʁul 'ответственный'), но в устной речи [ts] заменяется на [s], [ʒ] на [ʒ], [ʁ] на вторичную долготу; [h] и [x] в большинстве говоров не различаются [2]. Все эти фонемы в узбекском языке закрепились под воздействием контактировавших с ним иранских, арабского и русского языков. Если говорить точнее, то звуки [h], [x], [z], [v], [f], [ts] и даже [dz] не чужды были древним тюркским, не чужды они и современным языкам. Однако функцию смысловозначительных средств — фонологической значимости и строго определенного места в парадигматике консонантов — перечисленные звуки приобрели позже, под воздействием языковой интерференции. Судя по рис. 3, имеющиеся в фонологической системе консонантов «пустые клетки» были восполнены соответствующими фонемами, чему фонологическая система не только не противодействовала, но, наоборот, даже способствовала.

Что касается двух пар согласных, различающихся в узбекском языке *твёрдостью/мягкостью*, — фонем [q], [ʁ], [g], [k], то, как известно, [q] и [k] — смычные фонемы — считаются древнейшими (они были присущи различным пратюркским языковым состояниям) [11. С. 170—179]. Спиранты [ʁ] и [g], по мнению тюркологов, — явления поздние, результат озвончения [q] и [k] [11. С. 177—178]. Именно этим и обуславливается слабая фонологическая нагруженность оппозиций [q] ~ [ʁ], [k] ~ [g], [ʁ] ~ [g]. Однако все четыре фонемы в узбекском языке весьма устойчивы и широкоупотребительны, если не считать оглушения [g] в ауслауте. Относительно [ʁ] можно сказать, что эта фонема всегда сохраняет свой звонкий и спирантный характер. Даже спирантизация и озвончение литературно-орфографического [q] в ауслауте является литературной нормой произношения.

Противопоставление фонем [q], [ʁ], [k], [g] в позиции начала аффиксальных морфем полностью нейтрализуется. В этой позиции выступает архифонема [q], [k], [ʁ], [g]. Качество начального звука аффиксальной морфемы всецело определяется исторической твёрдостью/мягкостью корня и характером предшествующего согласного: qirgʁin 'резня', tizgʁin 'узда', keskin 'резкий', fölqin 'волна', botqa 'в саду', tirikka 'живому', betka 'в лицо', jerga 'в землю'. Поэтому в современном узбекском языке в составе чаще всего упрощенных аффиксальных морфем [q], [k], [ʁ], [q] выполняют дополнительную функцию указания твёрдости/мягкости исторического корня. Таким образом, отсутствие противопоставления гласных по ряду в узбекском языке компенсируется регулярным противопоставлением мягких [g], [k] твёрдым [q], [ʁ], а это значит, что закрепление фонем и оппозиций [ʁ] ~ [q], [k] ~ [g] вызвано влиянием не только арабского и таджикского языков, но и ре-

лиktов пратюркского противопоставления твердых и мягких основ в целом.

Из всего изложенного можно сделать вывод о том, что резкое отличие фонологической системы узбекского языка от таковой других тюркских языков есть результат одного из возможных путей развития фонологической системы тюркских языков вообще. Иноязычный субстрат и его влияние определили выбор узбекским языком пути развития по линии индифферентности гласных на основе противопоставления по рядам (по твердости/мягкости) у отдельных согласных. В тех тюркских языках, где противопоставление согласных по твердости/мягкости полностью преодолено, развилось противопоставление гласных по ряду на фонологическом уровне.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.: Л., 1960.

² Решетов В. В. Узбекский язык. Ташкент, 1956. Ч. 1.

³ Махмудов А. Гласные узбекского языка. Ташкент, 1968.

⁴ Он же. Сонорные узбекского языка. Ташкент, 1980.

⁵ Он же. Согласные узбекского литературного языка. Ташкент, 1986.

⁶ Щербак А. М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII веков из Восточного Туркестана. М.; Л., 1961.

⁷ Он же. Грамматика староузбекского языка. М.; Л., 1962.

⁸ Абдурахманов Г., Рустамов А. Навоий тилининг грамматик хусусиятлари. Тошкент, 1984.

⁹ Умаров Э. XV аср ўзбек тили унлилари ҳақида // Ўзбек тили ва адабиёти. 1982. № 1, 6.

¹⁰ Он же. О гласных староузбекского языка XV века // Сов. тюркология. 1983. № 5.

¹¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика/Отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1984.

¹² Щербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

¹³ Наряду с транскрипцией, принятой редакцией «Советской тюркологии», мы пользуемся знаками [ɔ] для обозначения специфического полугубного гласного узбекского языка и [ɣ] — гортанного, взрывного глухого согласного (араб. айн и хамза).

¹⁴ Грамматика современного русского литературного языка/Под ред. Я. Ю. Шведовой. М., 1970.

¹⁵ Знак «+» перед гласным указывает на индифферентность данной фонемы к противопоставлению по ряду.

¹⁶ Шоабдурахманов Ш., Асқарова М., Ҳожиёв А., Расулов И., Дониёров Х. Ҳонзирги ўзбек адабий тили. Тошкент, 1980. 1 қисм.

¹⁷ В орфографии ряда слов допускается написание [и] перед [х]: ташбиҳ, танбиҳ, носиҳ и др. Однако в произношении [и] имеет более открытый характер и переходит в [e].

¹⁸ Навоий Алишер. Асарлар. Тошкент, 1967. Т. 14.

¹⁹ Абдуазизов А. А. Элементы общей и сравнительно-типологической фонологии. Ташкент, 1979.

²⁰ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников. Л., 1980.

²¹ Ўзбек тилининг имло луғати. Тошкент, 1976.

²² Здесь мы оперируем данными, полученными молодыми исследователями М. Ярашевым и М. Абузаловой, которые специально изучают данный вопрос.

Х. С. ДЖАНИБЕКОВ

**АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ И ГЕТЕРОГЕННОСТЬ ЧЛЕНОВ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

Подход к членам предложения как к компонентам многомерной функциональной единицы, каковой является предложение [1], связан с постановкой вопроса об их генетической принадлежности к разным уровням и, следовательно, о нетождественности их источников. В этом смысле внешняя одноплановость членов предложения — категориально однопорядковых компонентов — является результатом формально-структурного «выравнивания» генетически разнопорядковых сущностей, детерминированных такими факторами, как а) соотношение и взаимодействие плана грамматического членения с планом актуального членения в формально-семантической структуре предложения и принцип разграничения членов предложения по их принадлежности к разным планам; б) первичность и стабильность отношений предметно-грамматического членения и вторичность и лабильность отношений актуального (коммуникативного) членения; в) взаимоотношение предметно-грамматической и коммуникативно-грамматической структур предложения как исходной основы и производных образований; г) непосредственный характер связи членов предложения исходной структуры с частями речи — в отличие от опосредованной связи между последними и членами предложения производных коммуникативно-синтаксических структур — соответственно своеобразию их схождения и расхождения с логическим суждением; д) релятивно-случайностный характер явлений коммуникативного (актуального) синтаксиса в противоположность объективно-необходимостным отношениям, на которых основывается исходная предметно-грамматическая структура предложения.

Частным проявлением взаимодействия грамматического и актуального членения предложения является функциональное синтаксическое преобразование двух основных структурных типов предложения — глагольного и именного — под действием единого коммуникативного фактора. По своей направленности соответствующий трансформационный процесс представляет собой коммуникативную унификацию структурно-дифференцированных типов предложения. Эта унификация находит свое формальное выражение в производных от глагольного и именного предложений актуальных трансформациях, имеющих конвергентный характер и относящихся к «надграмматическому» — актуальному синтаксису, например: исходное именное предложение: *Бу келек жашха тарды* 'Эта рубашка узка сыну' → производная актуальная трансформация: *Бу келекни тар болгъаны жашхады* 'Эта рубашка узка сыну'; исходное глагольное предложение: *Анасы жашына келек тигеди* 'Мать шьет сыну рубашку' → производная актуальная

трансформа: *Анасыны келек тикгени жашынады* 'Мать шьет рубашку сыну'. Актуальные трансформы, будучи явлениями конвергенции, содержат в себе «встречный момент». В образовании актуальной трансформы от именного предложения участвует вспомогательный глагольный компонент, в частности *бол* 'быть'. При этом она условно может определяться как вербализованная параллель именного предложения. Актуальная трансформа от глагольного предложения, наоборот, создается преобразованием глагольного сказуемого в причастную (именную) форму, например *тикгени* 'шьет ... что', и с этой точки зрения ее можно обозначить как номинализированную параллель глагольного предложения [6].

Производные структуры (трансформы) *Бу келекни тар болгъаны жашхады* и *Анасыны келек тикгени жашынады*, находясь с исходными предложениями в отношениях дивергенции, представляют относительно друг друга разновидность конвергенции, ибо возникают как специальная синтактико-предикативная форма с одним общим назначением — выражать актуальное членение. Дальнейшее рассмотрение ограничивается случаем актуальной номинализации и некоторых особенностей соответствующей структуры и ее компонентов.

Поскольку глагольное предложение и его номинализированные параллели (актуальные трансформы) [8] — это соответственно исходная и производные единицы, то возникает вопрос о взаимоотношении их членов предложения и характере связи с частями речи. Исходя в принципе из того положения, что синтаксическая структура глагольного предложения построена по правилам предметно-грамматического членения, а синтаксическая структура его номинализированных параллелей является формальным выражением «надграмматического» актуального членения, можно говорить о системно-иерархической детерминированности членов предложения и их разноуровневной принадлежности.

Примечательно в этом отношении содержащееся в «Грамматике алтайского языка» пояснение, которое относится к коммуникативной организации вопросительного предложения: «...когда сила вопроса относится не к глаголу, а к другому какому-либо слову, то для выразительности или определительности вопроса это слово ставится непосредственно пред глаголом, а для совершенной определительности предложение перестраивается так, что вопрошаемое слово становится в конце предложения как сказуемое, а глагол обращается в причастие в значении подлежащего. Он ли там был — *анда ол јурген бе* или: *анда јурген кјжі ол бо?*» [9. С. 274].

Важным моментом в данном положении является не только указание наряду с порядком слов на специальную формально-синтаксическую структуру, а именно на номинализированную параллель исходного ГП, в которой актуальное членение выражается однозначно, но также и замечание, что прежние члены предложения меняются местами и становятся новыми членами предложения.

Теория актуального членения предложения, сформулированная Б. Матезиусом [10. С. 239; 11], подтверждая лингвистический статус коммуникативного уровня предложения как фактора, принципиально отличного от уровня грамматического членения, способствовала осмыслению предложения как сложной целостности, состоящей из иерархически организованной системы взаимодействующих уровней. Это обстоятельство является одним из важных моментов, которые связаны непосредственно с категорией членов предложения и с их пониманием не только как компонентов грамматического членения, но и как явле-

ний, в детерминировании которых участвуют также другие уровни предложения, в частности актуальное членение.

Говоря об отношении актуального членения к формальной и смысловой организации предложения, В. А. Белошапкова отмечает: «Актуальное членение автономно, оно представляет собой отдельное устройство в общем синтаксическом механизме. Актуальное членение не соотносительно с грамматическим. Это проявляется, во-первых, в том, что актуальное членение всегда бинарно, в то время как грамматическое членение предполагает какой угодно по количеству состав членов» [5. С. 501]. А. Ю. Айхенвальд предлагает коммуникативную организацию предложения считать особой организацией, а не специальным синтаксическим или супрасинтаксическим уровнем языка или явлением, принадлежащим какому-либо языковому уровню [12. С. 11]. Но уже тот факт, что имеет место неизбежное «воздействие, давление актуального членения на формально-грамматическую структуру предложения» [13. С. 39], говорит в пользу их закономерного взаимодействия.

Признание автономности, а вернее — суверенности, фактора актуального членения, связано с вопросом многоярусности структуры предложения, в которой «на синтаксическое, формальное членение предложения „наслаивается“ членение иного порядка, названное В. Матезиусом актуальным» [14. С. 32]. Освещая положительно данный вопрос, М. Я. Блох пишет: «...на подчинительно-определятельную иерархию предложения, составляющую его номинативное членение, накладывается актуальное членение предложения» [15. С. 101]. Данная точка зрения поддерживается указаниями на стабильный характер грамматического членения в противоположность подвижности актуального членения [16. С. 210; 17. С. 9].

Поскольку совокупность актуальных членений как «коммуникативная парадигма предложения» [18. С. 91] есть однозначно дифференцированная репрезентация потенциальных смыслов его многозначного грамматического членения, то бинарность актуального членения отражает двучленность выражаемого им суждения [17. С. 9; 19. С. 6; 20. С. 24]. В этом плане актуальное членение предложения относится к его грамматическому членению как часть к целому.

Будучи важнейшим аспектом коммуникативно-содержательного плана предложения [21. С. 243] и отражая главную, коммуникативную, функцию языка [22. С. 372], актуальное членение располагает системой формальных средств своего выражения, основными из которых являются интонация и порядок слов [23. С. 246—250; 19. С. 11; 24. С. 466], а дополнительными — лексические единицы (частицы, модальные слова) [25. С. 84], синтаксические конструкции [5. С. 505; 17. С. 9] и перифразирования [26. С. 179; 27. С. 341; 28. С. 130; 29. С. 264; 30. С. 78; 31. С. 95].

Применительно к карачаево-балкарскому языку эта система универсальных средств выражения актуального членения предложения дополняется типологически релевантным формально-синтаксическим средством на уровне предикации и предложения как основной структурно-синтаксической и функциональной единицы речи [32. С. 41; 33. С. 254; 34. С. 11], а именно системой актуальных трансформ исходного глагольного (именного) предложения, что свидетельствует о стремлении актуального членения к самостоятельной форме выражения через «сказуемость как основы предложения» [35. С. 284].

Наличие разноуровневных предикаций, в частности первичной (логико-предметно-номинативно-)грамматической и производной (акту-

ально-) коммуникативной, свидетельствует о том, что синтаксическая категория сказуемости, располагающая личными предикативными аффиксами [36. С. 6; 37. С. 16; 38. С. 132], является общей принадлежностью обоих уровней.

С каузальной точки зрения, признаки потенциальной осуществимости предикации по актуальному членению предложения проявляются уже в рамках предикации по грамматическому членению, в частности в особенностях взаимодействия логического ударения и порядка слов, в соположении информационного ядра, лексического уточнителя актуального членения и сказуемого, в характере перифрастического удвоения или обособления рематического члена в специальных структурах.

Иллюстративным примером может служить следующее исходное ГП из устной речи с «нейтральным» порядком слов: личное глагольное сказуемое — носитель фразового ударения в конечной позиции — и предшествующее ему неопределенное прямое дополнение: *Бюгюн Ахмат негеринден письмо алды* 'Сегодня Ахмат получил от своего друга письмо'.

При выражении актуального членения посредством интонации и порядка слов выделяемый логическим ударением рематический член может: а) сохранять свое структурное место: *Бюгюн алды Ахмат негеринден письмо*; *Бюгюн Ахмат алды негеринден письмо*; *Бюгюн Ахмат негеринден алды письмо*; *Бюгюн Ахмат негеринден письмо алды*; б) «выноситься в инициальную позицию» [29. С. 185]: *Бюгюн алды Ахмат негеринден письмо*; *Ахмат алды бюгюн негеринден письмо*; *Негеринден алды бюгюн Ахмат письмо*; *Письмо алды бюгюн Ахмат негеринден*; в) входить в интерпозицию: *Ахмат бюгюн алды негеринден письмо*; *Бюгюн Ахмат алды негеринден письмо*; *Бюгюн негеринден алды Ахмат письмо*; *Бюгюн письмо алды Ахмат негеринден*; г) смещаться в конечную позицию: *Ахмат негеринден письмо бюгюн алды*; *Бюгюн негеринден письмо Ахмат алды*; *Бюгюн Ахмат письмо негеринден алды*; *Бюгюн Ахмат негеринден письмо алды*.

Во всех перечисленных случаях инверсионных смещений, связанных с особенностями рационально-логическими и эмфатическими модификациями и представляющих собой начальный этап конечных структурных перестраиваний по актуальной предикации, наблюдается одна общая сквозная закономерность: рематический член притягивает к себе глагольное сказуемое, в результате чего они оказываются в контактном положении [39], выступая как доминанта и зависимое слово [41. С. 147] на коммуникативно-информативном уровне. Это стяженное единство предвосхищает возможность предикации по актуальному членению, поскольку рематический член, притягивая к себе глагольное сказуемое, превращает его в свой служебный компонент и оно играет своеобразную роль личной флексии при информационном ядре как логическом предикате. Последний стремится отойти от стадии такого сочетания и достичь статуса грамматического сказуемого как стержневого компонента предложения-высказывания [42. С. 162]. Для этого ему требуется присоединить к себе личные предикативные аффиксы. Но так как последние входят в морфологическую структуру глагольного сказуемого, это «присоединение» на данной ступени происходит еще опосредованно, т. е. в составе глагола и через глагол. Данная закономерность последовательно повторяется и в сфере вопросительного предложения, когда актуальное членение находит однозначное выражение на уровне исходной грамматической структуры в вопросительных словах [16. С. 211; 43. С. 94] или через маркировку

рематического члена вопросительным аффиксом [44. С. 209]. Последнее, притягивая к себе личное глагольное сказуемое, тем самым приближают предикативные аффиксы с целью последующего «присвоения». Например: *Къачан алды Ахмат негеринден письмо?* 'Когда получил Ахмат письмо от своего друга?'; *Бюгюнмю алды Ахмат негеринден письмо?* 'Сегодня ли получил Ахмат письмо от друга?'.
 +

Коммуникативно-синтаксическое единство «рематический член + глагольное сказуемое» оказывается достаточно монолитным и выступает как целостная единица по отношению к лексическим средствам выражения актуального членения (частицы, модально-выделительные слова и т. д.), которые занимают контактное положение — препозитивное или постпозитивное — не с одним только рематическим членом, а с вышеупомянутым единством в целом. Например: препозитивная частица *ма* 'вот': *Ма бюгюн алды Ахмат негеринден письмо* 'Вот сегодня получил Ахмат от своего друга письмо'; *Ма Ахмат алды бюгюн негеринден письмо* 'Вот Ахмат получил от друга сегодня письмо' и т. д.; постпозитивная частица *да* 'ведь, же': *Бюгюн алды да Ахмат негеринден письмо* 'Ведь сегодня же получил Ахмат от друга письмо' и т. д. Совместное употребление таких частиц соответственно «берет в рамку» все единство: *Ма бюгюн алды да Ахмат негеринден письмо* 'Ведь сегодня же получил Ахмат от друга письмо' и т. д.

Такую же постпозицию всего единства занимает повторяющийся рематический член, являющийся экспрессивным средством усиления подтверждения последнего [45], например: *Бюгюн алды бюгюн Ахмат негеринден письмо* 'Сегодня, сегодня получил Ахмат от друга письмо'; *Ахмат алды Ахмат бюгюн негеринден письмо* 'Ахмат, Ахмат получил сегодня от друга письмо' и т. д.

В вышеприведенных случаях и их вариациях актуальное членение «совмещается» с грамматическим членением предложения, не нарушая в принципе последнего. Поэтому в этих пределах приемлемо высказывание, что «актуальное членение не меняет первичного характера конструктивной связи, оно лишь перестраивает компоненты предложения, нагружая их дополнительной нагрузкой данного нового, темы—ремы» [20. С. 65].

Переходную ступень от совмещенных средств выражения актуального членения к его специальному предикативному выражению актуальными трансформами исходной грамматической структуры представляют собой особые синтаксические структуры, обороты и перифразирования, содержащие удвоенную выраженность ядра. Последняя достигается установлением логико-семантической связи рематического члена с его общим (родовым) коррелятом, выраженным соответствующим местоимением или местоименным словом, например: *Къачан десенг, бюгюн алды Ахмат негеринден письмо* — букв.: 'Когда, спросишь если, то сегодня получил Ахмат письмо от друга'; *Ким десенг, Ахмат алды бюгюн негеринден письмо* — букв.: 'Кто, спросишь если, то Ахмат получил сегодня письмо от друга' и т. д. Здесь обобщенно-местоименный коррелят (*къачан* 'когда', *ким* 'кто') выступает в добавочной конструкции, и потому структура исходного предложения сохраняет в себе свои компоненты. В другом случае данный коррелят входит в исходную грамматическую структуру, занимая место рематического члена — своего видового коррелята — как его субститут, а сам рематический член оказывается вытесненным за рамки исходной грамматической структуры, т. е. изолированным от своих первичных семантико-синтаксических связей. При этом наблюдается перифрастическая взаимозамена наклонений, положительного—отрицательного ас-

пектов, утвердительной — вопросительной форм, т. е. тех категорий, которые релевантны для уровня предложения-высказывания, например: а) замена изъявительного условным наклонением: исходное предложение с индикативным сказуемым: *Бюгюн Ахмат негеринден письмо алды* 'Сегодня Ахмат получил письмо от друга' → актуальные перифразирования с использованием условного наклонения и вопроса: *Ахмат негеринден письмо къачан алды десенг, бюгюн* — букв.: 'Когда Ахмат получил письмо от друга, спросишь если, — так это сегодня' [43. С. 504, 505] и т. д.; б) перифраза-вопрос с использованием отрицательного аспекта: *Бюгюн алмай, къачан алды Ахмат негеринден письмо?* — букв.: 'Если не сегодня, то когда получил Ахмат письмо от друга?'; в) перифраза-отрицание: *Бюгюнден башха заманда алмады Ахмат негеринден письмо* 'Не иначе как сегодня получил Ахмат письмо от друга'; *Ахматдан башха киши алмады бюгюн негеринден письмо* 'Никто иной, как Ахмат, получил сегодня письмо от друга' и т. д.

При всех специфических формальных особенностях подобных актуальных перифразирований и их разновидностей общим для них является вытеснение рематического члена ядра за пределы первичной грамматической структуры и его изолирование от соответствующих синтаксических связей в ней. Благодаря этому рематический член оказывается «свободным» для вхождения в новую структуру, в новом оформлении и в новой функции, что осуществляется уже на «надграмматическом» уровне [47] предикации по актуальному членению, в которой рематический член оформляется как синтаксическое сказуемое с соответствующим коренным перестраиванием всей грамматической структуры исходного предложения и использованием его членов для построения новой трансформационной структуры. Например:

ИСХОДНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Бюгюн Ахмат негеринден письмо алды 'Сегодня Ахмат от друга письмо получил'

ПРОИЗВОДНЫЕ НОМИНАЛИЗИРОВАННЫЕ АТ

1. Сказуемое АТ — *Ахмат(ны) негеринден письмо алгъаны бюгюн* обстоятельство вре-д ю 'Это сегодня Ахмат получил письмо от друга' мени ГП *бюгюн* (букв.: 'Ахмата от друга — его письмо получение сегодня есть')
2. Сказуемое АТ — *Бюгюн негеринден письмо алгъан Ахматды* подлежащее ГП *Ах-* 'Это Ахмат получил сегодня письмо от друга' *мат* (букв.: 'Сегодня от друга письмо получивший Ахмат есть')
3. Сказуемое АТ — *Бюгюн Ахмат(ны) письмо алгъаны негерин-* косвенное дополне-*б е н д и* 'Это от друга получил Ахмат сегодня ние ГП *негеринден* письмо' (букв.: 'Сегодня Ахмата письма получение от друга есть')
4. Сказуемое АТ — *Бюгюн Ахмат(ны) негеринден алгъаны пись-* прямое дополнение *мо ду* 'Это письмо получил Ахмат сегодня от друга' ГП *письмо* (букв.: 'Сегодня Ахмата от друга получение письма есть')

Материализуясь синтаксически в предикативной связи на собственном (коммуникативном) уровне, актуальное членение находит свое выражение в «собственных» членах предложения и собственных синтак-

сических структурах, созданных на материале исходного предложения, т. е. на базе первичной синтаксической структуры, а не частей речи. В этом плане основным формальным различием между исходным предложением и его производными АТ является одинарная предикация первого (по грамматическому членению) и — в противоположность этому — двойная предикация последних: имплицитированная предикация исходного ГП и эксплицитированная вторичная — актуальная — предикация АТ. Из данного факта вытекает вывод, соответствующий постановке вопроса о гетерогенности членов предложения: в то время как члены исходного ГП формируются на базе частей речи, компоненты бинарных актуальных трансформ образуются из членов исходного предложения, т. е. члены предложения исходной глагольной структуры выполняют одну синтаксическую функцию, а компоненты номинализированных АТ — двойную: как члены свернутой структуры исходного предложения и как компоненты развернутой предикативной структуры собственно АТ. Интерпретация данного положения применительно, например, к АТ I будет следующей: синтаксическое сказуемое АТ — *бююндю* 'сегодня есть', являющееся соответствием логического предиката, рематического члена и грамматического сказуемого, выражено не темпоральным наречием *бююю* 'сегодня' как частью речи, а обстоятельством времени как членом исходного ГП; синтаксическое же подлежащее АТ *алгваны* 'получение его', выступающее стержневым компонентом тематической части, которая выражает субъект логического суждения, представляет собой коммуникативно-синтаксическую трансформу номинализации личного сказуемого *алды* 'получил' как члена исходного ГП.

Традиционный принцип классификации, по которому рассматриваемые номинализированные АТ глагольного предложения отнесены к категории именного предложения [38. С. 137—141; 49. С. 383—387], а их двучленная структура, построенная по актуальному членению и логическому суждению, разлагается поликомпонентно, исходя из соответствующих частей речи, т. е. по правилам грамматического членения, нивелирует категориальные своеобразия этих функциональных единиц вторичного предикативного образования коммуникативно-логического уровня.

Тот факт, что «части речи в системе предложения не просто повторяют себя, но и подвергаются известной трансформации, определяемой особенностями самого предложения» [50. С. 285], находит свое радикальное проявление при АТ, ибо как компоненты последних они подвергаются двойной трансформации.

«Основные общественно осознанные категории явлений и отношений объективной действительности и — соответственно — категории человеческого мышления получили выражение в языке в лексико-грамматических классах знаменательных частей речи» [20. С. 31]. Непосредственная связь членов исходного предложения с частями речи и ее опосредованный характер при компонентах АТ предопределяют соответственно различное отношение этих структур к логико-понятийным категориям. «Логические категории занимают ведущее положение, устанавливая общую структуру предложения. Их грамматическое выражение получает в каждом языке свою передачу по тем нормам, которые вырабатываются их синтаксическими системами» [51. С. 12—13].

Логико-понятийные категории и логико-семантические отношения находят свое первичное синтаксическое выражение в структуре исход-

ного предложения, поэтому последнее имеет более универсальный характер, чем вторичная более уникальная структура производных АТ, в синтаксической семантике которых логические понятия и их отношения выражаются опосредованно, преломляясь через исходную структуру, вследствие чего и грамматическая семантика этих структур имеет разную степень «расхождения» с логико-понятийной сферой. Из отношения исходного ГП к его номинализированным АТ как единицы ко множеству определяется необходимостный характер первого и случайностный характер последних. Данное соотношение имеет ряд проявлений, в частности: 1) соответствие членов исходного ГП логическим понятиям деятеля-действия, предмета-признака и такое построение предложения, при котором предикативная связь отражает логико-семантическое отношение между субъектом и предикатом как между конкретным (частным) и общим понятиями [52. С. 26; 53. С. 104; 38. С. 128—129; 33. С. 255; 2. С. 25], тогда как в АТ эти отношения представлены в обратном порядке, т. е. в своей противоположности, при которой подлежащему соответствует вторичное, признаковое, релятивное понятие, а сказуемому — первичное понятие носителя признака: подлежащее выражает общее (родовое) понятие, сказуемое — конкретное (видовое) [54]; 2) отношение АТ к исходному ГП как части к целому, в связи с чем номинализированная трансформация исходного ГП по актуальному членению представляет собой имплицитирование целого и эксплицирование части, в результате чего на предикативно-коммуникативном уровне они «меняются местами»: целое занимает место части, часть — место целого; 3) выраженность сказуемого исходного ГП только одной частью речи (глаголом) в отличие от потенциальной возможности выражения предиката АТ всеми и каждым членом исходного предложения; 4) эксплицирование центрального положения деятеля—носителя признака как активного причинного начала в структуре исходного предложения в противоположность его имплицитированию в АТ; 5) выражение каузальной зависимости действия-признака от деятеля—носителя признака в исходном предложении, тогда как в АТ действие-признак «опредмечивается» и отчуждается как независимая от своего носителя «субстанция», по отношению к которой ее носитель формально-синтаксически предстает в качестве зависимого компонента.

Как указывает И. И. Мещанинов, «форма служит способом выражения определенного содержания. Должно быть определенное содержание для того, чтобы форма для его передачи появилась или приурочилась к нему» [56. С. 49; 22. С. 400; 57. С. 161]. Номинализированные актуальные трансформы исходного ГП представляют собой специальный синтаксический способ выражения актуального членения. Их компоненты (члены предложения) создаются на «надграмматическом» уровне из членов исходного предложения и отражают переход предшествующих количественных изменений структуры грамматического членения предложения в новое качество на уровне коммуникативного членения предложения. Если начальным этапом системы средств выражения актуального членения предложения является просодическое средство (интонация), то конечной формой его выражения — линейно-синтаксическая единица: специальная предикативная структура со своими членами предложения.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ С этой точки зрения показательны выделенные В. Г. Адмони пять видов ядра предложения: 1) логико-грамматическое; 2) иерархическое; 3) структурное; 4) комму-

никативное; 5) структурно-семантическое [2. С. 281—282]; ср. также: «многоступенчатость внутреннего строения предложения» [3. С. 60] или же: четыре этапа формирования смысла высказывания и соответствие им разных видов субъекта [4. С. 30—31] и разнообразие способов описания объективного содержания предложения, в частности описание с опорой на понятие пропозиции, вида суждения, семантической структуры предложения (последнее включает в себя и проблему актуализации) [5. С. 480—486].

² Адмони В. Г. Строй современного немецкого языка. Л., 1972.

³ Шведова Н. Ю. Об идентификации предложений на основе их стационарных характеристик // Проблемы структурной лингвистики. 1978. М., 1981.

⁴ Бабина Т. П., Белошапкова В. А. К вопросу о семантическом субъекте // Филол. науки. 1984. № 1.

⁵ Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1981.

⁶ В отличие от широкого понимания «номинализации» [7. С. 85], данное понятие используется здесь в узком смысле, в пределах коммуникативно-синтаксического преобразования глагольного предложения в актуальные трансформы, которые содержат исходное глагольное сказуемое в причастной форме, а информационное ядро высказывания — как сказуемое.

⁷ Гак В. Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта // Синтаксис и стилистика. М.: Наука, 1976.

⁸ В последующем используются следующие условные сокращения: ИП — именное предложение; ГП — глагольное предложение; ВП — вербализованная параллель именного предложения; НП — номинализированная параллель глагольного предложения; ИС — структура исходного предложения; АТ — актуальная трансформация.

⁹ Грамматика алтайского языка / Сост. члены Алтайской миссии. Казань, 1869.

¹⁰ Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

¹¹ Распилов И. П. Актуальное членение предложения. Уфа, 1961.

¹² Айхенвальд А. Ю. О статусе топикализации в берберских языках // Восточное языкознание: Грамматическое и актуальное членение предложения. М.: Наука, 1984.

¹³ Быкова Е. М. О соотношении формальной и актуальной структур предложения // Там же.

¹⁴ Белова А. Г. Синтаксическое и актуальное членение в письменном тексте арабского языка // Там же.

¹⁵ Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. М., 1986.

¹⁶ Ломтев Т. А. Грамматическое и логическое в предложении // Исследования по славянской филологии. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1974.

¹⁷ Солнцев В. М. Грамматическая структура и актуальное членение предложения // Восточное языкознание: Грамматическое и актуальное членение предложения. М.: Наука, 1984.

¹⁸ Русская грамматика. М.: Наука, 1982. Т. 2: Синтаксис.

¹⁹ Ковтунова И. И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

²⁰ Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

²¹ Леонтьев А. А. Функции и формы речи // Основы речевой деятельности. М.: Наука, 1974.

²² Мартин А. Основы общей лингвистики / Пер. с фр. // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып. 3.

²³ Матезиус В. Основная функция порядка слов в чешском языке // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

²⁴ Бэбби Л. Порядок слов, падеж и отрицание в бытийных предложениях русского языка // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 15.

²⁵ Кривоносов А. Т. Некоторые вопросы взаимодействия уровней языка // Уровни языка и их взаимодействие. М., 1967.

²⁶ Ср.: Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ. М., 1968.

²⁷ Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. М., 1960.

²⁸ Щерба Л. Б. Фонетика французского языка. М., 1957.

²⁹ Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М.: Наука, 1976.

³⁰ Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. М.: Наука, 1985.

³¹ Шевякова В. Е. Некоторые аспекты функционального синтаксиса // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука, 1985.

³² Кацнельсон С. Д. Историко-грамматические исследования. М.; Л., 1949.

³³ Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975.

³⁴ Руднев А. Г. Синтаксис современного русского языка. 2-е изд. М., 1968.

- ³⁵ Виноградов В. В. Из истории изучения русского синтаксиса: (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1958.
- ³⁶ Дмитриев Н. К. К истории аффиксов сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. М., 1956.
- ³⁷ Севортян Э. В. Категория сказуемости // Там же.
- ³⁸ Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М.: Наука, 1973.
- ³⁹ Ср.: логическое и эмоциональное выделение члена предложения и его перемещение к сказуемому [40. С. 222—223].
- ⁴⁰ Тенишев Э. Р. Строй саларского языка. М.: Наука, 1976.
- ⁴¹ Ахманова О. С., Микаэлян Г. Б. Современные синтаксические теории. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1963.
- ⁴² Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- ⁴³ Белошанкова В. А. Современный русский язык: Синтаксис. М., 1977.
- ⁴⁴ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.
- ⁴⁵ Глагольно-предикатные случаи таких повторов ремы У. Б. Алиевым выделены в отдельное «подтвердительное наклонение глагола» (см.: [46]).
- ⁴⁶ Алиев У. Б. Наклонение и время глагола карачаево-балкарского языка // Вопросы категории времени и наклонения глагола в тюркских языках. Баку, 1968.
- ⁴⁷ Возражения Г. В. Колшанского против разграничения грамматической и коммуникативной «двуслойности» в предикации предложения представляются оправданными для тех случаев, когда актуальное членение не имеет собственной предикации и своего формально-синтаксического выражения [48. С. 108—109].
- ⁴⁸ Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: Наука, 1975.
- ⁴⁹ Грамматика карачаево-балкарского языка: Фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик, 1976.
- ⁵⁰ Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1965.
- ⁵¹ Мещанинов И. И. Соотношение логических и грамматических категорий // Язык и мышление. М., 1967.
- ⁵² Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- ⁵³ Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова.
- ⁵⁴ Справедливое для исходного предложения положение, что «предикативное отношение признака к его носителю является общим для любого предложения, собственно грамматическим значением данной единицы синтаксического уровня» [55. С. 92], применительно к актуальным трансформам может быть приемлемо и в обратном смысле, т. е. как предикативное отношение носителя к его признаку.
- ⁵⁵ Золотова Г. А. К построению функционального синтаксиса русского языка // Проблемы функциональной грамматики. М.: Наука, 1982.
- ⁵⁶ Мещанинов И. И. Проблемы развития языка. Л., 1975.
- ⁵⁷ Стросон П. Ф. Грамматика и философия // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 43: Логический анализ естественного языка.

Н. Н. ТЫДЫКОВА

К ВОПРОСУ ОБ АДЪЕКТИВНЫХ ФОРМАХ ГЛАГОЛА
В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать некоторые именные формы алтайского глагола в свете концепции вторичной репрезентации [1. С. 90, 306—326; 2. С. 115—131], которая, судя по появившимся публикациям [3. С. 41—52; 4. С. 96—103], вызывает интерес у исследователей тюркских языков. В основу этой концепции положена гипотеза о том, что некоторые словоизменительные категории являются морфологическими средствами выражения результатов окказионального, эпизодического представления какой-либо семантики, имеющей в языке собственные средства выражения, в иных образах, в частности предмета, признака или обстоятельства. Так, действие может, например, «опредмечиваться» [5. С. 142], т. е. представляться в виде предмета (*свистеть* — *свист*), приобретать вид признака (*свистеть* — *свистящий*) или обстоятельства (*свистеть* — *свистя*).

Глагольное или отглагольное имя, выражающее результат подобного переосмысления, признается средством вторичной репрезентации какого-либо явления, которое первично воспринято языком как действие.

Поскольку значения предмета, признака или обстоятельства функционируют вместе с тем как частеречные классифицирующие грамматические значения, формирующие три знаменательные *именные* части речи — существительное, прилагательное и наречие, — операции, имеющие целью вторичную репрезентацию, т. е. представление глагольной семантики в этих образах, оправданно трактовать как морфологическую номинализацию действия [3. С. 41].

К числу глагольных средств вторичной репрезентации относятся: 1 — имена действия (субстантивные формы), выражающие опредмеченное действие; 2 — причастия (адъективные формы), которые трактуются как формы, передающие действие, представленное в виде признака; 3 — субстантивно-адъективные формы, отражающие действие и в виде предмета и в виде признака. Деепричастия (адвербиальные формы) функционируют как формы, обозначающие действие, в виде обстоятельства. Все эти частные категории называют обычно именными формами глагола, или глагольными именами.

Рассмотрим одну из разновидностей глагольных имен, а именно адъективные формы алтайского языка [6].

1. Форма на *-галак* распространена во многих тюркских языках Сибири. Исследователи определяют ее как «двухаспектную форму еще не совершенного, ожидаемого (или ожидавшегося) действия» [9. С. 471]. Авторы «Грамматики алтайского языка» совершенно справедливо называли эту форму «причастием, еще не осуществившимся» [10. С. 67].

В алтайском языке формой на *-галак* передается в качестве признака действие, которое еще не совершилось: 1. *Чыккалак кулунга абра јазаба* [11] 'Еще не родившемуся жеребенку телегу не делай'; 2. *Јайылгалак чечектер кырда көп болды* 'На горе было много нераспустившихся цветов'; 3. *Ол одус јашка јеткелек јиит те болзо, чыйрак, аткыр, јалтанбас, санаалу-укаалу јуучыл болгон* [12. С. 35] 'Хотя он был юношей, не достигшим и тридцати лет, тем не менее считался ловким, метким, храбрым, умным бойцом'.

Следует отметить, что в современном литературном алтайском языке форма с показателем *-галак* в определительной функции встречается сравнительно редко [13]. Чаше она употребляется в предикативной функции, называя при этом действие, которое не произошло: 4. *Јайзан сөзин айткалак* [12. С. 52] 'Зайсан своего слова еще не сказал'; 5. *Терен кјс једип, туулар баштай баштапкы карлар көрјүне де берген болзо, је кайучыл болуп барган кижи келгелек* [12. С. 47] 'Хотя наступила уже глубокая осень и на вершинах гор показались первые снега, но человек, ушедший на разведку, до сих пор не вернулся'.

В местном падеже форма на *-галак* приобретает обстоятельственную функцию, выходя тем самым за пределы категории причастия и оказываясь обстоятельством формы. При этом она имеет значение сигнализации об отсутствии действия-обстоятельства, что позволяет ей передавать в качестве смыслов различные хронологические соотношения между действиями — как предшествование ('не успел, как...', 'как только...' — прим. 6), так и следование обстоятельства за уточняемым действием ('пока еще не...' — прим. 7, 8): 6. *Айыл-јурттан чыккалакта, ат чакызынан айрылгалакта, алды јанында кожон угулды, Алтын-Санар кыс көрјүнди* [17. С. 29] 'Не успел (он) выйти из дома, от коновязи не отъехал, как впереди послышалась песня, показалась девушка Алтын-Санар'; 7. *Ол јерди байлар блаап алгалакта, ондо бир тушта карыган Токуштын адазы, Борлойдун таадазы, көчүп јүретен* [18. С. 12] 'Одно время, когда ту землю еще не отобрали баи, кочевал там отец старого Токуша, дед Борлоя'; 8. *Колхозчылар јалан-дарда коно-тјне иштегилеп, аш бышкалакта, өлөннин планын бүдүрерге албадангылап јат* [19. С. 52] 'Колхозники, работая день и ночь на полях, стараются, пока не поспели хлеба, выполнить план по сему'.

Форма с показателем *-галак* не имеет отрицательной формы, что находится в полном соответствии с ее негативным значением.

Н. П. Дыренкова признает возможность замены формы на *-галак* формой на *-ган* с отрицательным аффиксом *-ба/-бе*: *Бис келгелек (келбеген) нөкөрибисти сакып турыбыс* 'Мы ожидаем еще не вернувшегося товарища'. Но эта замена допустима тогда, «когда речь идет о лице» [20. С. 153].

2. *Форма на -гадый*. Н. П. Дыренкова называет эту форму «спрягаемой формой имени, выражающего возможность, вероятность совершения действия или близости его наступления, имеющего значение возможного будущего („пожалуй“, „как бы“, „похоже что“)» [20. С. 151].

В следующих примерах форма с показателем *-гадый* выступает в определительной функции и называет в качестве признака потенциальное действие: 9. *Келишкедий сөстөр качан да болзо кийинде табылып јат* [21. С. 9] 'Нужные слова, как всегда, находятся после'; 10. *Сөстөгөдий өскөкыстар јок по?* [19. С. 328] 'Неужели нет других девушек, которых можно сосватать?'; 11. *Чын тартыжуда јана баспагадый, чындыкла јуучыл улус отокто барына Түйкей сүйүнп, айылы јаар санаазы көдүринилј јортты* [12. С. 93] 'Тюкей, ра-

дуюсь тому, что в отряде есть справедливые и боевые люди, которые не отступят в настоящей борьбе, с приподнятым настроением поскакал в сторону дома'.

В предикативном использовании форма на *-гадый* передает потенциальное будущее, т. е. такое действие, которое мыслится еще не происшедшим: 12. *Эки кѳстин ортозында одус кучалу койлор тургадый, эки жарын ортодо одус айгырлу мал тургадый* [17. С. 300] 'Между глаз могут стоять овцы с тридцатью баранами, между двумя лопатками может расположиться табун с тридцатью жеребцами'.

Очень часто такая форма употребляется с отрицанием: 13. *Айылдын ичинде тал-табыш сѳрекей ле болды, мылтык та атсан, угулбагадый* [17. С. 299] 'Шум-гам в доме был очень сильным, казалось, что если даже выстрелишь из ружья, невозможно будет услышать'.

Приведенный материал не позволяет согласиться с В. Н. Тадыкиным, который считает, что «само по себе действие в причастии на *-гадый* лишено временного значения» [8. С. 92].

Необходимо заметить, что в алтайском языкознании имеется точка зрения, согласно которой финитные формы с показателем *-галак* признаются формами особого наклонения — «потенциального, или наклонения возможности» [22. С. 11].

Учитывая тот факт, что «категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом» [23. С. 472], а также то, что категория наклонения может включать лишь финитные формы глагола, форму с показателем *-гадый*, относящуюся к неличным (именным, инфинитным) формам глагола, неправомерно было бы включать в глагольную категорию сказуемости.

Итак, можно сказать, что основное значение формы на *-гадый* — «могущий, способный совершить действие».

3. Форма на *-ачы* отличается от двух предыдущих форм тем, что употребляется только в определительной функции; в функции предиката она не зарегистрирована: 14. *Сынаруны суудан чыгарып алаачы чул Сынарунын эки колынан келип алала, эки качарынан окшоп, айдат* [17. С. 306] 'Парень, вытащивший Сынару из воды, взяв Сынару за обе руки, целуя в обе щеки, говорит'.

Как отмечает В. Н. Тадыкин, «причастие на *-ачы* означает действие-признак, которое обычно совершается предметом, присуще предмету более или менее постоянно. Оно нередко передает и значение назначения, возможности, склонности предмета» [8. С. 97—98].

Следует отметить, что в современном алтайском языке в том значении, которое предлагает В. Н. Тадыкин, все чаще употребляется не форма на *-ачы*, встречающаяся обычно в эпосе, сказках и поговорках, а субстантивно-адъективные формы на *-атан* или *-ар*; ср., напр.: *одын жаратан малта* вместо *одын жарачы малта* 'топор, которым раскалывают дрова'; *билер кижги* вместо *билеечи кижги* 'знающий человек'.

Взаимодействуя с глаголом *бол-* в форме деепричастия, форма с показателем *-ачы* образует конструкции, имеющие значение имитации действия, представленного в виде признака. Употребляя эту форму, коммуникант сообщает, что производитель действия, называемый конструкцией с *-ачы*, не производит данного действия, а делает вид, будто совершает его. Соответственно отрицательной формой на *-баачы* и глагола *бол-* выражается тот факт, что производитель действия в конструкции показывает себя не действующим, не находящимся в том состоянии, которое в действительности имеет место: 15. *Карчага амырап уйуктазын деп, Нѳкѳш уйуктаачы кижги болуп, тым жада берди* [12. С. 28] 'Чтобы Карчага уснул, Некѳш, притворившись спящим

человеком, тихо лег'; 16. *Каргаа ла Ыламыш айылдап келеечи улус болуп, Аринын јүрүмин алтай улустан сурагылап туратан* [19. С. 41] 'Каргаа и Диламыш, делая вид, что приехали погостить, тайком выпрашивали у алтайцев о жизни Арины'; 17. *Чынаар јылтырууш кара кѳстѳриле кыстар јаар улам-улам кѳрјп, кјлјмзиренерде, кыстар сны кѳрбѳѳчи улус болдылар* [12. С. 53] 'Когда Чынаар улыбался, часто поглядывая своими блестящими черными глазами на девушек, девушки делали вид, что не замечают его'.

В некоторых случаях у конструкции с *-ачы* и глаголом *бол-* появляется смысловой оттенок намерения: 18. *Сахар Угарыч фронтко атанган сонгында райком онын ордына јангы кижии ийеги болуп, мынчага јетире ийбеген* [19. С. 92] 'После того как Сахар Угарыч ушел на фронт, райком, обещавший направить на его место нового человека, до сих пор его не прислал'.

Форма с показателем *-ачы* способна субстантивироваться. Но так как данное явление выходит за рамки настоящей статьи, отметим лишь, что в случае окказиональной субстантивации эта форма называет производителя действия: *кычырачы* 'читатель', *туружачы* 'участник' и т. д.

Фактический материал показал, что *-ачы* не имеет временных значений.

Как видно из приведенных примеров, все три причастные формы способны передавать как агентивные взаимоотношения между признаком и предметом — носителем признака (в большинстве примеров: (1) — *еще не родившийся жеребенок*, (3) — *юноша, не достигший 30 лет*, (11) — *неотступающие люди*, (15) — *спящие люди*), так и иные ((10) — *девушки, которых можно сосватать*, *топор, которым раскалывают дрова*). Это убеждает в том, что сами по себе причастия индифферентны к характеру такого рода взаимоотношений и не имеют в своих значениях агентивной семы.

Таким образом, трем глагольным формам алтайского языка — на *-галак*, *-гадый* и *-ачы* при всем различии их значений присуще общее довольно существенное свойство: они функционируют как средство выражения действия, представленного признаком. Эти три формы взаимодействуют в речи с категорией залога и с формой отрицания (исключение составляет форма на *-галак*, имеющая специфическую негативную семантику) и, следовательно, должны трактоваться как причастия.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Гузев В. Г. Система тюркских словоизменительных категорий в функционально-семантическом аспекте на материале староанатолийско-тюркского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1986.

² Он же. Очерки по теории тюркского словоизменения: Глагол: (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.

³ Маматов М. Ш. К вопросу о категории номинализации действия: (на материале узбекского языка) // Сов. тюркология. 1998. № 5.

⁴ Телицын Н. Н. Атрибутивные и субстантивно-атрибутивные формы древнеуйгурского глагола // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1988.

⁵ Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938.

⁶ Ср., напр.: [7. С. 247—248; 8. С. 42—103].

⁷ Баскаков Н. А. Очерк грамматики ойротского языка // Ойротско-русский словарь. М., 1947.

⁸ Тадыкин В. Н. Причастия в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1971.

⁹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. М., 1988.

¹⁰ Грамматика алтайского языка/Сост. членами Алтайской миссии. Казань, 1869.

¹¹ К. с. — Кеп сѳс (поговорка).

¹² Шодоев Иван. Кызаланду јылдар. Горно-Алтайск, 1973.

-
- ¹³ Ср.: [14. С. 514; 15. С. 220; 16. С. 947].
- ¹⁴ Баскаков Н. А. Алтайский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. 2.
- ¹⁵ Грамматика хакасского языка. М., 1975.
- ¹⁶ Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь. М.: Сов. энцикл., 1963.
- ¹⁷ Улагашев Николай. Эр-Самыр. Горно-Алтайск, 1986. Т. 2.
- ¹⁸ Коптелов Афанасий. Улу көчүш. Горно-Алтайск, 1959.
- ¹⁹ Кокышев Лазарь. Алтайдын кыстары. Горно-Алтайск, 1980.
- ²⁰ Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940.
- ²¹ Шолохов Михаил. Көдүрилген солок. Горно-Алтайск, 1960.
- ²² Черемисина М. И., Тыбыкова А. Т. О модальных формах сказуемых алтайского языка // Компоненты предложения: (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1988.
- ²³ Виноградов В. В. Русский язык: (грамматическое учение о слове). 3-е изд., испр. М., 1986.
-

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

И. Г. ГАЛЯУТДИНОВ

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА

(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА БАШКИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА)

В 1987 г. Советским комитетом тюркологов совместно с Институтом языкознания (лаборатория тюркологии и монголистики) АН СССР был проведен всесоюзный симпозиум по теме: «Принципы, методы и источники составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков» (Москва, 16—17 февр.).

Участники симпозиума были единодушны в признании трехчленного соотношения дисциплин («Историческая грамматика конкретного общенародного языка» — «Историческая грамматика литературного языка» — «История литературного языка»), предложенного Э. Р. Тенишевым [1. С. 67—78]. Мнения тюркологов расходились лишь в вопросе: «является ли язык фольклора устной формой литературного языка?». Одни ученые язык фольклора принимают за устную форму бытования литературного языка (ср., напр.: «в фольклоре отразилась устная форма литературного языка» [2. С. 82]; «язык фольклора — органическая часть литературного языка, устную ветвь которого он исторически составлял» [3. С. 45]), другие — за самостоятельную систему.

Роль фольклорной традиции в сложении литературных языков, действительно, велика. Язык фольклора, в особенности язык эпической поэзии, со своей богатой лексикой, веками отшлифованной фразеологией, мудрыми пословицами и поговорками, меткими выражениями, устойчивыми синтаксическими единицами, стилистическими фигурами и другими поэтическими особенностями, способствовал становлению единого общенародного языка, созданию высокохудожественных средств выражения, вошедших впоследствии в литературный язык. Хотя у фольклора и литературы немало общего, однако в структурно-функциональном плане они резко отличаются друг от друга и рассматриваются как две самостоятельные системы.

Язык башкирского фольклора, входящий в более широкую систему «общенародный язык», представлен языком эпических произведений (эпос, кубаир, айтеш и т. п.); обрядовых, исторических и лирических песен; прибауток, считалок и частушек; пословиц, поговорок и загадок; народных сказок; преданий и легенд, кулемесов (анекдотов); мунаджатов и байтов и т. д.

Противостояние друг другу диалектов и литературного языка бесспорно. В каком же отношении находятся язык фольклора, литературный язык и территориальные диалекты?

Язык башкирского фольклора отличается от диалекта и литературного языка тем, что для него характерно не единство нормы, а ее вариативность. Кроме того, в отличие от литературного языка, ему присущи некодифицированность норм, монофункциональность и разговорность.

Разноплановость фольклора в жанровом отношении сказывается и на его языковых особенностях [4. С. 179—192]. Язык сказок, например, включает в себя некоторые наддиалектные элементы, однако в целом он совпадает с диалектной речью. Обрядовые, свадебные песни, причитания (сеңләүзәр), частушки (такмактар) в языковом отношении мало чем отличаются от обиходно-разговорной речи. Более консервативен язык кубаиров, героических сказаний и исторических песен, не во всем совпадающий с говором их исполнителей. Он содержит традиционные формулы, архаичные и наддиалектные элементы, которые восходят к разным историческим эпохам, но основа его тесно связана с диалектной речью, что невозможно для литературного языка [5. С. 186]. А. П. Евгеньева — исследователь языка русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. — пишет: «Певец творит на своем диалекте, пользуясь своими нормами, но в создаваемом им произведении будет меньше диалектизмов, чем в его обиходной речи, потому что былинку, песню и т. д. он создает, опираясь на традицию, которая помогает ему в отборе типических и ярких форм» [6. С. 17].

В устно-поэтическом творчестве башкирского народа особое место занимают эпические произведения [7. С. 45—152; 8; 9]. Создателями, распространителями и хранителями башкирского эпоса были народные сэсэны-импровизаторы, такие, например, как Хабрау, который воодушевлял народ на борьбу с монгольскими завоевателями; Кубагуш, известный в середине XVI в.; Карас из племени тиляу (первая половина XVIII в.); Махмут, живший в XVIII в. в кочевье у оз. Аушкуль (Учалинский р-н Башкортостана); мудрый и отважный Банк, участвовавший в Крестьянской войне 1773—1775 гг.; легендарный полководец и поэт-импровизатор Салават Юлаев; Ишмухамет Мырзакаев (1781—1878) из аула Янги-Балапан (Абзелиловский р-н Башкортостана); Габит (около 1850—1922) из аула Идрис (Баймакский р-н Башкортостана); сэсэны начала XX в.: Хамит, Гатиатулла Биккужин, Мухаметша Бурангулов, Сабирьян, Мухаметкулов, Хайрулла Ишмурзин и др. [10. С. 484—492].

Искусство сэсэнов, безусловно, своими корнями уходит в глубокую древность. Имена многих из них, к сожалению, забыты. Такова уж специфика устно-поэтического творчества народа: любое произведение фольклора, созданное вначале мастером слова — сэсэном, в дальнейшем коллективно «шлифуется». Эпические сюжеты, передающиеся из поколения в поколение, обогащаясь и совершенствуясь сказителями, становятся впоследствии традиционными.

Большинство башкирских эпических произведений построено на основе гармонического чередования прозы и стиха. В прозаической части эпоса употребляются главным образом различные формы глаголов прошедшего времени: *бала сактан ук батыр за булған, ти* [11. С. 206] 'говорят, с детства отличался большой силой'.

Используемые в некоторых случаях глаголы исторического настоящего времени усиливают реальность события, сказитель выступает как его очевидец или даже как соучастник: *Урман аша үтеп бара биргәс, Тандыса эреле-ваклы күләүекле урынға килеп сыға, арырак омболло-омболло булып аккан бер йылға күрә. Бында төрлө-төрлө кош-тарзың зыулашканы, кыскырышканы, найрашканы, сыр-сыу килгәне ишетелә* [11. С. 255] 'Проходя лесом, Тандыса очутилась на поляне с озерами и озерцами, а подальше увидела реку с многочисленными омутами. Было слышно, как шумели, пели, чирикали, порхали разные птицы'.

Стихотворные части эпических сказаний выполняют в основном

функцию диалога тех или иных персонажей и отражают их думы и переживания: *Шунан Акбулат бей, Айһылыуға карап:*

— Айһылыуым, әйтсәле
Баштан үткән бар хәлең... —
тигәс, Айһылыу бынау һүзәрзе һөйләгән, ти:
— Бер көн сыктым яланға
Бүртә юрға уйнатып,
Һарайзағы бар кыззы
Үз артымдан әйәртеп... [11. С. 189—190].

Потом Акбулат-бий, глядя на Айхылу, сказал:

— Айхылу моя, расскажи
Все, что приключилось с тобой...
И Айхылу рассказала так, говорят:
— Однажды в поле выехала я
На резвом караковом рысаке,
Все девушки из дворца
Последовали за мной... [11. С. 401].

Диалог как общенародная синтаксическая модель прямой речи искусно передан в словесных состязаниях сәсэнәв (айтешәх). В этом отношении показателен язык кубайра «Акмырза сәсэн менән Кобағош сәсэндең әйтешкәне» («Словесное состязание Акмурзы сәсэнә с Кубағуш сәсэнә»):

<i>Акмырза:</i> Яманға каршы тулкынған, Якшыға карап урғылған, Диңгеззән дә ятыулы Уралдан да артыулы — Нимә булыр? — Әйт шуны, Сәсэн булһан, тап шуны... <i>Кобағош:</i> Донъяла иң тулкынлы, Кайнап торған упкынлы, Уралдан да артыулы, Диңгеззән дә ятыулы — Тунмай яткан — ил зары, ау, Тынмай яткан ил зары [12. С. 65—66].	<i>Акмурза:</i> Встающий против зла морским валом, Устремляющийся к хорошему бурливо, Что глубже моря, Что выше Урала, Что это может быть, скажи, Если ты сәсэн, находи... <i>Кубағуш:</i> На свете самое бурливое, Бездной кажущееся кипящей, Что выше Урала, Что глубже моря — Это бесконечное горе народное, ау, Неугасаемое горе народное (Пер. автора)
--	---

Отдельные эпические поэмы и песни полностью состоят из стихов. Их обычно называют кубайром (*кобайыр* 'хорошая, славная песня') — песней, прославляющей родину и ее доблестных батыров, — и считают формой эпической поэзии, предшествовавшей жанру исторической песни [7. С. 67—77; 13]. Стихотворная строка кубайра состоит из семи слогов. В стихотворных частях эпических сказаний чаще всего употребляется кубайрский семисложный стих [14. С. 9—14], однако здесь можно встретить и другие формы и размеры устной поэзии. Например, стихотворные строки сказания «Конгур Буга» построены на песнях моло-

В башкирском устно-поэтическом языке имена с аффиксом принадлежности 2-го лица ед. ч. нередко употребляются в основном падеже вместо винительного:

Коль тебя за руку возьму, — сердце
Само тебе расскажет [все] без слов;
Коль коснусь твоих ног, — твой путь
Сам откроется для тебя [11. С. 395].

Азак сиктә үз уйым
Һинә әйтеп бирәйем [11. С. 77].

А потом все, что думаю я,
Выскажу тебе [11. С. 287].

Кан-яу асмай арала,
Но кланганың бирәйем.

Ни теләһәң алырға,
Һорағанһың бирәйем [11. С. 173].

Не разжигая между нами кровавой войны,
Отдам тебе то, что пожелаешь ты.

Что пожелаешь ты взять,
Попроси — и тебе я отдам [11. С. 385].

Ирле — бисә икәүһе
Йөрәгене һайлаған [11. С. 56].

Муж и жена
Сердце себе выбирали
[11. С. 266].

Урал: «Атам һүзен тотамын,
Миндә басты битене
[11. С. 140].

Печаль покрыла ее лицо,
Родимые пятна появились на нем
[11. С. 350].

В устно-поэтической речи наиболее употребительной формой в 1-м лице является вариант типа *аламын* 'беру', *киләмен* 'иду', который в современном башкирском языке употребляется реже:

Урал: «Атам һүзен тотамын,
Мин ул канды йотмамын.

Урал: «Не нарушу наказ отца,
Крови этой не глотну.

Һис бер йәнде һукмамын.

Не загублю ни одной [живой]
души,

Һөлөк һурған канды мин
Кабырсактан йотмамын»
[11. С. 58].

Кровью, высосанной пиявкой,
Из ракушки не напьюсь»
[11. С. 268].

Очень часто встречается и форма настоящего времени в 1-м лице — вариант типа *укыйым* 'читаю':

Йылан илене күрәйем,
Бар серене беләйем
[11. С. 88].

Повидаю змеиную страну,
Все тайны узнаю ее.

Обращает на себя внимание также употребительность в башкирских героических сказаниях формы 2-го лица настоящего времени типа *күрәмһең* 'ты видишь', *беләмһең* 'ты знаешь':

Ана, егет, күрәмһең,
Ул коштарзы беләмһең?
[11. С. 73].

Вон, егет, видишь их?
Знаешь ли ты этих птиц?

В языке эпоса используется иногда и архаичный вариант аффикса -каз/-кәз понудительного залога:

Урын һалып яткыззы.
Йоклатырға бәпләне [11. С. 134].

Спать уложила меня,
Баюкала, чтоб я заснул
[11. С. 344].

Интересно также послеложное сочетание на -ған *һуң*, употребляемое без аффикса исходного падежа вместо литературного -ғандан *һуң*. Данная форма особенно характерна для языка эпоса «Урал-батыр»:

Урал уңға киткән һуң,
Озон юлға төшкән һуң
[11. С. 69].

Урал направо пошел,
Он ступил на долгий путь
[11. С. 279].

Часто встречается отрицательная форма деепричастия на -майсы/!-мәйсе вместо полной формы на -майынса/!-мәйенсә:

Шүлгән таяк алғас та
Һомайзы ла кәтмәйсе,
Айһылыузы күрмәйсе,
Самрауға әйтмәйсе,
Бер як кырга сыккан да,
Таякты бер һуккан да
Барыһын һузан баһтырған
[11. С. 130].

Шульген посох схватил,
Не дожидаясь Хумай,
Не встретившись с Айхылу,
Ничего не сказав Самрау,
В сторону отошел,
Посохом ударил [по земле],
Водой всех затопил [11. С. 340].

К особенностям устно-поэтической речи относится и употребление

междометий, которые, функционируя в начале, середине и конце предложения, не только выражают различные чувства и эмоции, но и создают ритмичность стиха:

Ай, Кара юрғам,
Вай, Кара юрғам,
Өстөндәге бикәсенде
Үптерһәнә, юрғам [11. С. 225].

О мой Кара Юрга!
Ой, мой Кара Юрга!
Красавицу, что [сидит] верхом
на тебе,
Позволь мне поцеловать,
иноходец мой!
[11. С. 436].

Особую функцию выполняет междометие *ай*. Дополняя рифму, оно усиливает эмоциональное воздействие:

Ай тыуған ер, тыуған ер,
Олатайҙар торған ер [16. С. 143].

О родная земля, земля родная,
Земля, где жили деды наши.
(Пер. автора)

В языке башкирского фольклора часто встречается обращение, выраженное существительным:

Йөрәк итем, балам, күз нурым,
Күрә алмаһам, кабат, хуш инде [11. С. 258].
Дитя мое — долька сердца, очей моих свет,
Прощай, если [тебя] вновь не увижу [11. С. 470].

Оно может повторяться и иметь предшествующее ему определение:

Эй батыр ир, батыр ир,
Яу кайтарған батыр ир
[11. С. 250].

Муж-батыр, муж-батыр,
Врагов заставив отступать, муж-
батыр [11. С. 462].

Для башкирской устно-поэтической речи наиболее характерны своеобразные синтаксические конструкции, состоящие из простого предложения с однородными членами и деепричастными оборотами на *-ып/ /-еп*, однотипных придаточных предложений времени с формой на *-ғанда/-гәндә*, *-канда/-кәндә*, а также из сложного предложения и раскрывающие одну целую тему [17. С. 50—55]. В башкирском литературном языке они возникли именно на базе устно-поэтического творчества.

Синтаксический строй кубаиров составляют различные типы сложноподчиненных и сложноподчиненных предложений. К таковым следует отнести сложноподчиненные синтаксические конструкции с послелогом *тип*:

Данлы Урал буйында,
Йәмле Урал куйынында
Бергә ғүмер һөрәм тип,
Урал буйына килгән, ти,
Кешегә буй биргән, ти [11. С. 157].

На славной уральской земле,
Под укрытие прекрасных Уральских [гор],
Решив вместе со всеми жить,
На уральские земли пришел он, говорят,
Покорился он человеку, говорят.

(Пер. автора)

В языке произведений башкирского фольклора представлен богатый и обширный словарный состав башкирского языка. Многие лексические единицы носят наддиалектный характер, но тем не менее не все они употребительны и активны в современном литературном языке. Ограничимся несколькими примерами:

Болғар күндән матурлап,
Башына йүгән кейелгән [11. С. 166].

Украшенная кожей болгарской
Уздечка на его голове [11. С. 377].

Болғар тарткы, айыллы,
Тукумдары ынйылы [11. С. 193].

[Из кожи] болгарской подпруга на нем,
Украшенный жемчугом чепрак [11. С. 405].

В этих примерах эпитет «болгарский» представлен в значении «прекрасный», «ценный», «золотой». Появление его есть результат торговых контактов башкир с Волжской Булгарией в X—XIII вв. [18. С. 30—31]:

Егетем, батыр икәнһең,
Куз карамдай һаналған
Илгә кашка икәнһең
[11. С. 149].

Егет мой, ты батыром оказался,
Словно зрачок глаза,
В стране своей героем оказался
[11. С. 360].

Кашка — «герой». В литературном языке вместо *кашка* функционирует иное слово — *батыр* 'герой, храбрец'.

Другие слова и словосочетания, характерные для языка башкирских кубаиров: *айза* 'секира, бердыш'; *аң* 'зверь, хищник'; *армыт-армыт* 'ветвисто, разветвленно'; *аяулы* 'дорогой, почетный'; *байман* 'блаженство, счастье'; *барас* 'борзая, борзой'; *берек* 'крепкий, прочный'; *буҫыу* 'испугаться, притаиться'; *бәлләп үстереу* 'взлелеять (ребенка)'; *ейегеу* 'разлагаться, расщепляться'; *емет* 'еда, пища'; *еҫер* 'невольник, узник'; *йөрөк* 'ходкий, быстрый'; *камка* 'шуба'; *кара* 'мелкий скот, скотина'; *кускара* 'баран'; *меңбаш* 'тысячник'; *сай* 'высохшая долина реки'; *сура* 'мужчина'; *торон* 'внук'; *туп* 'группа'; *түш булыу* 'быть парой, товарищем'; *уган* 'ему'; *ут* 'травя'; *унган* 'героизм, героизм'; *үнәр* 'шафер, дружка'; *ыу* 'яд'; *эргә* 'основа, фундамент'; *яркырау* 'сверкать, блистать'; *яу күсе* 'вражеское войско'; *куржын* 'переметная сумка'; *суңка* 'острый'; *сабар* 'конный посыльный, гонец'; *наскар* 'вояк'; *көң* 'раб, рабыня'; *кузак* 'спутник, попутчик'; *алып* 'герой, богатырь'; *алымсығым* 'невестка'; *торка* 'шлем'; *калъян* 'особая сумка для стрел'; *калта* 'охотничий кожаный пояс' и т. п. (см.: [16; 19; 20]).

В языке кубаиров, безусловно, есть диалектизмы с точки зрения современной литературной нормы. Они применяются главным образом для сохранения рифмовки стиха:

Күктә торған буз аттың
Урынын үзем күргәззем
[11. С. 99].

Место им указал,
Где на небе этот белый конь
укрыт [11. С. 309].

Диалектизмы встречаются в любом месте текста кубаиров:

Билең бөгөп, үзәнде
 Ботон — ботса ботарлап,
 Бырағытһа бер сакта ...
 [11. С. 63].

И согнет тебя пополам,
 Разорвав тебя на куски,
 Откинет прочь от себя ...

В данном примере слово *бырағытыу* 'отбросить, кинуть' является диалектизмом; в современном литературном языке чаще функционирует другое слово — *бырактырыу, алып ташлау* 'отбросить, сбросить'.

К диалектизмам относятся также следующие лексические единицы: *курак* 'жеребец-вожак (в табуне)' — в современном литературном языке (далее: лит.): *өйөр айғыры*; *макһынмау* 'не принимать в счет' (лит. *һанға һукмау*); *һаһыр* 'желание, надежда' (лит. *теләк, өмөт*); *һаһак* 'чучело, пугало' (лит. *караскы*); *сайлау* 'украшать, украсить' (лит. *бизәу, матурлау*); *тоһоу* 'осаждать, оцеплять' (лит. *камау*); *һеүлек* 'пиявка' (лит. *һөлөк*); *һоңғау* 'указать, махнув рукой'; *һармаклау* 'приговаривать напевно, с прибаутками' (лит. *һамаклау*); *һан* 'одинокый' (лит. *һаңғыз*); *ужарып* 'разъярившись' (лит. *ажарланып*); *бураһаһыу* 'горячиться, злиться' (лит. *туһыһыу, аһыуһаныу*); *бермекләп* 'посидиночке, порознь' (лит. *берәмләп*); *һилеткән* 'покорил, подчинил' (лит. *һаш эйҙергән, күндергән*); *әһегеп* 'томясь, истомив' (лит. *зарығып*); *һыуатлап* 'попив воду' (лит. *һыу эһеп*); *һрай* 'нацеливать, по направлению к ...' (лит. *төһәп, табан*); *аһыһтым* 'я понял' (лит. *аһһаным*); *төһләк* 'юг' (лит. *көһһыак*); *көһтыһыһ* 'восток' (лит. *көһһығыһ*) и др. (см.: [16; 19; 20]).

В языке башкирского фольклора в большом количестве встречаются арабские и персидские слова; первые из них проникли в башкирский язык через религиозную и светскую арабскую литературу, последние — в результате живого общения в прошлом башкир с иранцами, а также через персидскую литературу [21. С. 113—128]. Наиболее употребительны следующие арабизмы и фарсизмы: *һамә* (фарси) 'письмо, книга'; *һиғһмәт* (араб.) 'богатство'; *таһиб* (араб.) 'врач, доктор'; *тикә* (фарси) 'кусочек, обломок'; *тәкһбир* (араб.) 'читать, оказывать почтение'; *фәһри* (араб.) 'уважаемый, почетный'; *хәһил* (араб.) 'друг, товарищ'; *шәһир* (араб.) 'известный, знаменитый'; *һад* (фарси) 'память'; *гәһнаһ* (фарси) 'грех'; *хур кызы* (фарси) 'гурия'; *каһыр* (фарси) 'тесто'; *һорһай* (фарси) 'сурна'; *бәһләуән* (фарси) 'богатырь'; *батша* (фарси) 'царь'; *сәһреғоһ* (фарси) 'самруг' (миф.); *һуһай* (фарси) 'птица счастья'; *аждаһа* (фарси) 'дракон, змей'; *һнуар* (фарси) 'зверь'; *сәһфәр* (араб.) 'путешествие'; *саһыр* (араб.) 'терпение'; *хәһлә* (араб.) 'хитрость'; *хыһнат* (араб.) 'преступление'; *ғоруһ* (араб.) 'гордый'; *һуап* (араб.) 'ответ'; *вәғәзә* (араб.) 'обещание'; *һәһфе* (араб.) 'страсть' и т. п.

Язык башкирских кубаиров характеризуется высоким поэтическим слогом, множеством стилистических оборотов, лексических и грамматических повторов. Он музыкален, исполняется напевно, эмоционально воздействует на слушателя. Структура кубаира своеобразна: есть строфы, состоящие из двух стихов и включающие в себя более двадцати строк; рифмы бывают парные, редифные; встречаются они в начале и в середине строки, иногда целая строфа построена на одной рифме [8. С. 249—252].

В стиховых комплексах кубаиров существенную роль играют анафоры и эпифоры. Для примера приведем отрывок из сказания «Акһак Кола», где имеются анафоры:

Көң эйткэнгә мин төшмәм,
 Көң койганды мин эсмәм,
 Көң корғанға мин инмәм,
 Көң йәйгэнгә мин ятмам [11. С. 240].

Служанка просит, а я не сойду с коня,
 Служанка [кумыс] налила, а я не выпью его,
 Служанка поставила [шатер], а я не войду,
 Служанка расстелила [постель], а я не лягу [11. С. 452].

Примеры эпифоры из того же сказания:

Ерәнсәй — ерән менгән ул,
 Елбәгәй елән кейгән ул,
 Елә лә сабып килә ул,
 Каскан өйөрзө кыуа ул [11. С. 239].

Сел верхом на рыжего коня он,
 Надел на себя развевающийся дзилян он,
 Во весь опор скачет он,
 За сбежавшим табуном гонится он.

Показательны строки, оформившиеся на основе звукоподражания. Подобные приемы более всего характерны для кубаирского стиха, и генезис их восходит к начальному периоду формирования образности языка [8. С. 255]. Например:

Сыңғыр, сыңғыр сынраған	Сынг-сынг призывающим
Йылкыһы күп Уралтау,	Коням богатый Урал-тау,
Мөңөр, мөңөр мөңрәгән	Му-му-му мычащим
Һыйыры күп Уралтау	Коровам богатый Урал-тау,
Алпан-толпан атлаған	Алпан-тулпан (вразвалку)
	шагающим
Айыуы күп Уралтау.	Медведям богатый Урал-тау.

В языке кубаиров весьма выразительны эпитеты и сравнительные конструкции, сфера применения которых довольно широка, а способы использования — многообразны. Например, эпитет, характеризующий образ волка, в сказании «Кузый-курпяс и Маян-хылу» образован целым предложением:

Ете кабып бер йотам бүре сығыр,
 Унан нисек касырһың, балам,
 Нисек касырһың, балам?

Семь раз кусающий, но раз глотающий волк выйдет,
 Как от него убежишь ты, мой сынок,
 Как убежишь, мой сын?

Таков же в принципе эпитет, использующийся для создания образа орла: *Ете елненеп, бер тибәм бөркөт* 'семь раз устремляющийся, но раз бьющий орел'.

В кубаирах представлены также оригинальные сравнения. Например:

Имсәк имгән балалай,	Словно младенец, сосущий грудь,
Тамырҙарын тарбайтып,	Корни свои расставив,
Ер дымыны имгәндәр [11. С. 62].	Они высасывали влагу из земли.

Постоянные эпитеты и сравнения обычно употребляются в так на-

зываемых «общих местах» героического эпоса: при описании богатырского коня Акбузата и его снаряжения; в стихах, посвященных восхвалению родной страны; в определении типических качеств главного героя эпических сказаний (Сюкем-батыра, Салават-батыра); при характеристике красавицы (невесты или жены) батыра и т. п.

Особенно велика роль эпитета, сравнения и гиперболы в создании образов персонажей сказок. Язык сказок характеризуется простотой, доступностью структуры предложения, близостью к разговорно-бытовой речи. Сказки по композиции отличаются от других жанров фольклора. В башкирских сказках довольно четко выделяются традиционные формулы (инициальные, медиальные, финальные), которые обладают особым набором синтаксических конструкций, построением присказок и концовок.

В зачине сказки предложение состоит из нескольких однородных обстоятельств, расположенных в порядке перехода от общего к частному (обстоятельства времени, места и т. д.), — при этом подлежащее занимает последнее место, а сказуемое находится перед подлежащим [22. С. 45]. Приведем несколько зачинов башкирских сказок:

Борон-борон заманда, кәзә команда, үрзәк үрәтник, дөйәгөш дикәтник, төлкө түрә, казәр казый булып хезмәт иткән сакта; һайышкан һалдат, карға карауыл, ярганат ясауыл, айыу атаман, ябалак янарал булғанда йәшәгән, ти, бер бабай менән бер әбей [23. С. 290] 'В давние-давние времена, когда коза была командиром, утка в урядниках ходила, индюк был десятником, лиса — начальником, гуси — казиями, сорока — солдатом, ворона — стражником, летучая мышь — есаулом, медведь — атаманом, филин — генералом, жили, говорят, старик со старухой'; *Борон-борон заманда бик алышта бер илдә, Арка-йорт ерендә йәшәгән, ти, бер карт менән бер карсык* 'В старые-старые времена в одной стране, на земле под названием Арка-юрт, жил, говорят, старик со старухой' [24. С. 214].

Медиальные формулы и общие места сказок (формулы женской красоты, характеристика внешнего облика героя, богатырской силы героя, описание его коня, борьбы героя с противником, действий сказочных персонажей и т. п.) передаются разнообразными эпитетами и сравнениями. Н. К. Дмитриев в своей «Грамматике башкирского языка» приводит из сказки «Таштугай» описание коня, где употреблено большое количество однородных определений при одном определяемом: *бығаса бер әзәмғабирмәй торған үткер, тәкә каты тояклы, ялбыр сәсле, озон бәкәлле, куян ботло, карсыға түшле, тар бөйөрлө, кырас яллы, камыш колаклы, бақыркүзле, ас яңаклы, осло зйәкле, суртан һыртлы, қалқыу мондалы йүгерек, туры ат...* 'До сего времени не поддававшийся ни одному человеку, гибкий, с твердыми копытами, как у горного барана, с пушистой шерстью, с длинными бабками, с бедрами, как у зайца, с грудью, как у ястреба, с узким крупом, с темной гривой, с ушами, как камыш, с медными глазами, с худыми щеками, с острым подбородком, со спиной, как у щуки, с кругым затылком, быстроходный, гнедой конь...' [24. С. 216—217].

В башкирских народных сказках можно встретить и стандартные (общие) фразы:

— Алыш бармы, көрәш бармы? — Биться или бороться?
— Алыш та бар, көрәш тә бар. — И биться будем, и бороться.

Йыл үсәһен, ай үскән, ай үсәһен кен үскән 'За месяц он рос, как за целый год, а за день — как за месяц'; *Ай киткән, йыл киткән, артына эйләһен караһа, энә буйы (сабата буйы йәки балта һабы буйы) ер кит-*
3*

кән 'Шел он месяцы и годы, оглянулся: оказывается, одолел расстояние с иглу (с лапоть или с топорщице)'; Әссәләмәғәләйкүм, инәй кеше!... шул сәләмең булмаһа, ике өзөп бер һоғонор инем 'Здравствуй, бабушка!... если бы ты не поздоровался со мной, разорвала бы я тебя и съела'; Уңға киткән уңар һулға киткән туңар 'Кто пойдет направо — удачлив будет, налево — себя погубит'.

Многочисленные фразеологизмы из народных сказок и эпических произведений вошли в литературный язык, напр.: бер бите ай бер бите кән 'очень красивая внешностью', ете кат ер астында 'за тридевять земель', ете диңгез аръяғында 'за семью морями', каф тау артында 'очень далеко', ел етмәс ат 'резвый, быstroногий конь', ел теймәс ерәнсә 'недо-трога' и т. п. [25. С. 178—180].

Финальные формулы башкирских сказок через стабильные словесные выражения передают обычно благополучное завершение сказочного действия и носят утвердительный характер: Улар әле булһа ал да гөл донъя көтөп яталар, ти [23. С. 140] 'До сих пор живут они все вместе, говорят, горя не зная'.

Иногда сказочник стремится представить события реальными и старается убедить слушателей в том, что сам был участником событий: Гөрләшеп туй яһайзар. Бал эсеп, аш ашап, мин дә шунда йөрөгәнмен. Ёгөн генә кайттым әле [23. С. 99] 'Зашумела, загудела свадьба на всю округу. И я там был, мед-брагу пил, мясо ел. Вот только сегодня вернулся домой'; Кисә генә барып килдем, кунак булдым, әле лә дьу килтереп, донъя көтөп яталар, икән [23. С. 151] 'Вчера только у них в гостях был, они и сейчас живут дружно и весело'.

Встречаются сказки, которые заканчиваются пословицей: Кайны картты яңынан батша итеп ултыртып, үзе: «Сит илдә солтан булғансы, үз илемдә олтан булайым», — тип тыуған-үскән иленә қайтып китте, ти [23. С. 135] 'Снова посадив на царский трон своего тестя, сам решил: «Чем быть на чужбине султаном, лучше жить на родине ултаном (подметкой)». Вернулся, говорят, на родину'. Некоторые финальные формулы сказок характеризуются словесной игрой: Әкиәтем — ары, үзем — бире, һике астында — һигез бүре [23. С. 87] 'Сказка моя — туда, сам я — сюда, а под лавкой — восемь волков сидят'.

Весьма своеобразны язык и ритмико-синтаксическое строение башкирских пословиц и поговорок. Для них, в частности, характерны:

— имена действия на -мак/-мәк: Урак урмак — уйнамак, бесән сапмак — йән сырмак 'Жать хлеб — играть, косить сено — выдыхаться'; Алмак күрке — бирмәк 'Долг платежом красен' и т. д.;

— тавтология глаголов: Күлдә камыш матурлай, ирзе намыс матурлай 'Камыш красит озеро, честь красит мужчину'; Килән булдым — кәйнәгә яраманым, кәйнә булдым — киләнгә яраманым 'Невесткой стала — свекрови не угодила, свекровью стала — невестке не угодила';

— редулицированная форма деепричастия на -а/-ә:

Ат менмәгән ат менһә,
Саба-саба үлтерер;
Тун кеймәгән тун кейһә,
Каға-каға бөтөрөр.

Если тот, кто не садился на коня,
Сядет на коня, — насмерть загонит,
Если тот, кто никогда не надевал шубы, наденет шубу,
Истреплет, выколачивая пыль;

— обстоятельство причины, выраженное причастием в дательном падеже: *Ат арымай тау менгәнгә, арымай юртып килгәнгә, арый карай белмәгәнгә* 'Лошадь не устает от подъема на гору, не устает, когда бежит рысью, а устает от неумелого ухода';

— обстоятельство образа действия в виде деепричастия: *Калаклар йыйғанды табаклар түкмә* 'То, что собрано ложкой, не вываливай миской';

— обстоятельство сравнения с деепричастием на *-ғансы/-гәнсе*: *Куян булып қасқансы, ыласын булып үлеу артығырак* 'Чем убежать зайцем, лучше умереть соколом'; *Таузай теләгең булғансы, сәңсә бармақтай эшең булһын* 'Чем иметь большое желание, лучше иметь маленькое дело';

— обстоятельство меры и степени с деепричастием на *-ғансы/-гәнсе*: *Эшләһәң тирләгәнсе, ашарһың туйғансы* 'Будешь трудиться до пота, будешь есть досыта';

— обстоятельство меры и степени, выраженное числительным: *Ете кат үлсә, бер кат киҫ* 'Семь раз отмерь, один раз — отрежь'; *Батыр бер үлә, куркак кырк үлә* 'Храбрый раз умрет, а трус — сорок раз'; *Ике уйла, бер һөйлә* 'Два раза подумай, один раз — скажи';

— составное косвенное дополнение, состоящее из имени в основном падеже с послелогом *артынан* 'сверх', *буйынса* 'по': *Икмәк корһак артынан йөрәмәй* 'Хлеб за брюхом не ходит';

— составное косвенное дополнение, представленное именем в основном падеже, местоимением в родительном падеже с послелогом *менән* 'с': *Улың менән мактанма, улыңдың эше менән мактан* 'Не хвались сыном, хвались его делом';

— составное косвенное дополнение, выраженное именем в дательном падеже с послелогом *күрә* 'по': *Кунагына күрә кәзере, үлегенә күрә кәбере* 'Как по гостю почет, так по покойнику могила';

— определение, которое относится к сказуемому, а обстоятельство и дополнение — к подлежащему: *Шаян кеше—якшы кеше, яман кеше—шакшы кеше* 'Веселый человек — хороший человек, злой человек — плохой человек';

— предложения со сказуемым *бар* 'есть' или *юк* 'нет': *Аты бар батыр, аты юк ятыр* 'Тот, у кого есть конь, — батыр; тот, у кого нет коня, лежит (без дела)'; *Эше юктың ашы юк; эше барзың ашы бар* 'У того, у кого нет работы, нет и еды; у кого есть работа, у того есть и еда';

— сказуемое безличного предложения в виде безличной сложной формы возможности на *-п бул-/булма-*: *Тай биреп йырлата алмағанды, ат биреп тә туктатып булмай* 'Кого не заставишь петь, обещая жеребенка, того не остановишь, обещая лошадь';

— сказуемое обобщенно-личного предложения, представленное глаголом 2-го лица ед. ч. условного и изъявительного наклонений: *Асыны татымаһаң, сөсөнә белә алмаҫһың* 'Если не попробуешь горького, то не узнаешь сладкого';

— сказуемое обобщенно-личного предложения, выраженное глаголом повелительного наклонения: *Атаңдың ғына улы булма, халқыңдың да улы бул* 'Будь сыном не только отца, но и своего народа'; *Һакалға ышанма, ақылға ышан* 'Не верь бороде, верь уму';

— сказуемое придаточного предложения условия в виде глагола условного наклонения на *-һа/-һә*: *Укыуы кыйын буһа, йәшәүе рәхәт булып* 'Учиться трудно, зато жить будет легко';

— сказуемое придаточного уступительного предложения, представленное глаголом 3-го лица ед. ч. на *-һа ла/-һә лә*: *Батыр үзе үлһә лә, даны үлмәй* 'Герой умирает, но его слава живет';

Оренбургский тракт, укатанный и ровный,

По дороге голуби бегут;

— древнеуйгурского аффикса исходного падежа *-дын/-дин, -зын/*

/-зин:

Алтын ғына йөзөк фэйрүзэ каш—
Бохарадин түгел,

Золотой перстень да бирюзовый
камень —

Хиуадин.

Не из Бухары, а из Хивы;

— междометий *ай, эй, най, эй*, употребляющихся для дополнения рифмы и выражения эмоций:

Табак та ғына табак *ай* ақ қағыз,

Буранбайзың язған хаттары.

Лист да лист белой бумаги —

Это письма, написанные Буранбаем;

— побудительного предложения с глагольным сказуемым в форме 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения с частицей *-сы/-се:*

Һайрамасы, һары

Не пой же, желтый соловей мой,

һандуғасым,

Өзәләп-өзәләп талда, якында;

Заливаясь на иве поблизости;

Бүлдермәсе минен

Не прерывай же мои мысли,

уйзарымды,

Мин уйлайым қауышыу һақында.

Я думаю о свидании;

— составного обстоятельства цели, выраженного глаголами изъявительного или желательного наклонения с послелогом *тип:*

Капкан һалдым Кара ташка

Поставил капкан на Черной
скале,

Күк бүрене алам тип.

Чтобы поймать серого волка.

Йусылаттым қозасаны

Сосватал я сваху,

Бисәлеккә алам тип.

Чтобы взять ее в жены.

Таким образом, башкирский фольклор — это особый тип функционального варьирования языка. Исследователи адыгских языков З. Ю. Кумахова и М. А. Кумахов справедливо пишут: «Находясь в определенных соотношениях с территориальными диалектами и оказывая воздействие на развитие и формирование литературного языка в его письменной и устной разновидностях, устно-поэтическая речь выделяется как особый тип речи, особенности которой не укладываются в рамки местных диалектов и литературного языка» [15. С. 28]. Язык башкирского фольклора в языковой ситуации сохраняет за собой относительную самостоятельность и отличается от других языковых образований (диалекты, обиходно-разговорный язык и литературный язык) следующими признаками:

1) разговорная (звуковая) форма и возможная письменная фиксация некоторых произведений устно-поэтического творчества (например байты) [29];

2) относительный наддиалектный характер синтаксиса и лексики, хотя сәсэнны и певцы были носителями того или иного диалекта;

3) монологический характер, хотя ему не чужд и диалогический (например айтеш);

4) неподготовленное, спонтанное высказывание, хотя имеются традиционные формулы;

5) ограниченная группа пользователей (сәсэнны, певцы, курайсы и др.), хотя обрядовые песни могут исполняться коллективно;

6) региональная вариантность нормы при сохранении общих закономерностей традиционного построения текста;

7) некодифицированность языкового образования, хотя оно и характеризуется традиционностью, т. е. наличием стабильных, стандартных и общих типовых формул — моделей, постоянных эпитетов и сравнений, богатой фразеологией, устойчивыми синтаксическими единицами, стилистическими фигурами и т. п.;

8) стилистическая монолитность (моnofункциональность), которая определяется как особый функциональный стиль, и т. п.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Тенишев Э. Р. Принципы составления исторических грамматик и историй литературных тюркских языков // Сов. тюркология. 1988. № 1.

² Абдуллин И. А. Некоторые аспекты источниковой базы истории литературных языков // Там же. № 3.

³ Гаджиев Т. И. Дифференциальный подход к предметам исторической грамматики и истории литературного языка // Там же. № 6.

⁴ См.: Кукбаев Ж. Ф. Хәзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы. Өфө, 1966.

⁵ Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.: Наука, 1981.

⁶ Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.; Л., 1963.

⁷ Харисов А. И. Литературное наследие башкирского народа: (XVIII—XIX вв.). Уфа, 1973.

⁸ Киреев А. Н. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970.

⁹ Валеев Д. Ж. Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа, 1989.

¹⁰ Подробнее см.: Сагитов М. М. Башкирские сказители и их эпический репертуар // Башкирский народный эпос. М.: Наука, 1977.

¹¹ Башкирский народный эпос/Сост. А. С. Мирбадалева, М. М. Сагитов, А. И. Харисов. М.: Наука, 1977.

¹² Башкорт халык ижады/Төзөүсе, баш һүз языусы, аңлатмалар биреүсе А. И. Харисов. Өфө, 1954. I том.

¹³ Сагитов М. М. Боронго башкорт кобайырзлары. Өфө, 1987.

¹⁴ Подробнее см.: Киреев А. Н. О своеобразии кубайрского стиха // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. 1976. Уфа, 1976.

¹⁵ Кумахова З. Ю., Кумахов М. А. Функциональная стилистика адыгских языков. М.: Наука, 1979.

¹⁶ Башкорт халык ижады: Эпос/Төзөүсе, баш һүз языусы, аңлатмалар биреүсе М. М. Сагитов. Өфө, 1973. 2 к.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Сәйетбатталов Ф. Ф. Башкорт теленең стилистикаһы. Өфө, 1985. 2 к.

¹⁸ Мирбадалева А. С. Башкирский народный эпос // Башкирский народный эпос. М.: Наука, 1977.

¹⁹ Башкорт халык ижады: Эпос/Төзөүсе, баш һүз языусы, аңлатмалар биреүсе М. М. Сагитов. Өфө, 1973. 2 к.

²⁰ Башкорт халык ижады: Эпос/Төзөүсене, инеш мәкәлә һәм аңлатмалар авторы Н. Т. Зәрипов. Өфө, 1982. 3 к.

²¹ Ишбердин Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. М.: Наука, 1986.

²² Зайнуллин М. В. О выражении экспрессивности и эмоциональности в башкирских народных сказках // Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. 1976. Уфа, 1976.

²³ Башкорт халык ижады: Әкиәттәр/Төзөүселәр М. Минһажетдинов, Ә. Харисов; аңлатмалар. Л. Барат менән М. Минһажетдиновтыкы. Өфө, 1976. 1 к.

²⁴ Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.; Л., 1948.

²⁵ Ураксин З. Г. Фразеология башкирского языка. М.: Наука, 1975.

²⁶ Все приведенные тексты башкирских песен взяты из сборников [12; 27; 28].

²⁷ Башкорт халык ижады: Бәйеттәр, йырзәр, такмактар/Төзөүселәр, инеш мәкәлә һәм аңлатмалар авторзлары М. М. Сагитов менән М. Ә. Мәмбәтов. Өфө, 1981.

²⁸ Башкорт халык ижады: йырзәр һәмкөйзәр/Төзөүсе, баш һүз языусы, аңлатмалар биреүсе Р. С. Сөләйманов. Өфө, 1983.

²⁹ Башкорт халык ижады: Бәйеттәр/Төзөүселәр М. М. Сагитов, Н. Д. Шонкаров. Өфө, 1978.

М. Б. МАМЕДОВ

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ И ТИПИЗАЦИИ РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ

В обогащении словарного состава литературного языка немалую роль играет диалектная лексика. Диалектные слова и термины привносятся в литературный язык чаще всего через разговорный язык или из художественных произведений.

Диалектная лексика — ценнейший и незаменимый материал в изучении истории языка, при составлении толковых словарей, в терминоведении. Как диалектная лексика, так и всякого рода диалектизмы (фонетические, лексические, фразеологические, семантические) являются в художественных произведениях, особенно в романах, одним из основных стилистических средств, используемых писателями в целях индивидуализации и типизации речи персонажей. Диалектные слова в художественной речи выполняют следующие функции: индивидуализация речи персонажей; передача местного колорита; передача исторического колорита изображаемой эпохи; обогащение художественного языка новыми и эмоционально-экспрессивными оттенками.

Рассмотрим некоторые спорные вопросы, связанные с терминами «диалектная лексика» и «диалектизмы». Дело в том, что отождествление понятий «диалектная лексика» и «диалектизмы» приводит чуть ли не к запрету на использование диалектных слов в художественном произведении. Между тем термин «диалектизм», неся отрицательный оттенок, содержит диалектные черты, тогда как диалектная лексика, охватывая слова, связанные с территориальными особенностями функционирования национального языка, обогащает словарный состав литературного языка, причем диалектные слова могут употребляться не только в речи персонажей, но и в авторском повествовании — в зависимости от тематики и идейной направленности художественного произведения, изображаемой эпохи и места событий, характеров героев. Такова, например, этнографическая лексика территориально-терминологического характера. Если большая часть представленной в художественной литературе диалектной лексики перешла в литературный язык, то диалектизмы, использованные в художественных произведениях с той или иной целью, остаются исключительно в художественном языке, выполняя конкретно-стилистические функции, и ни в коем случае не проникают в литературный язык.

Чтобы правдиво, реалистично охарактеризовать своих героев, художник должен заставить говорить каждого из них его же языком, в соответствии с социальным положением, культурным уровнем развития и т. д. Поэтому естественно, что речь какого-либо персонажа будет отличаться не только от авторской речи, но и от речи другого персо-

нажа. По словам А. М. Демирчизаде [1], употребление типичных диалектных слов целесообразно в том случае, если возникает необходимость выразить органическую взаимосвязь образа или системы образов художественного произведения с определенными местными, областными условиями, оживить образ местными чертами и придать колоритность языку художественного произведения. Так, в основу типизации образа Бановши в пьесе М. Ибрагимова «Кендчи гызы» положено то обстоятельство, что героиня является носительницей шекинского диалекта азербайджанского языка. В речь героини автор вводит, например, слово *јаншаг* 'болтун, пустомеля, краснобай, говорун, пустослов, празднослов':

- Бә н ә ф ш ә — Дәдәм дејир ки, кишинин *јаншағы* өзү гij-мәтә минмәз, сөзү гijмәтдән салар.
 Ва н ид — Бир сөзә бах — *јаншаг!* Кәрәк јанында бу бoјда лүгәт кәздирәсән ки, бунун данышығыны баша дүшәсән.
 Б ә н ә ф ш ә — Лүгәт нә кәрәк? Јадында сахла, сәнин кими агзыны бошуна гојан адамлара *јаншаг* дејәрләр [2. С. 259].
 Б а н о в ш а — Мой батька говорит, что пустослов-*јаншаг* мужской породы не набьет себе цену, а только обесценит слово.
 Ва х ид — Смотри-ка, что за слово *јаншаг!* Надо таскать с собой вот такой словарь, чтобы понять, о чем она говорит.
 Б а н о в ш а — К чему словарь? Запомни, что таких болтунов, как ты, называют *јаншаг*.

«Диалектологический словарь азербайджанского языка» [3] относит это слово к кубинскому диалекту азербайджанского языка: *јаншаг*, а также производный глагол *јаншагла*.

Народный писатель республики Байрам Байрамов в романе «Карван јолу» («Караванный путь») употребил устами персонажа слово *балхы*, характерное для карабахского диалекта и отсутствующее в «Диалектологическом словаре азербайджанского языка»: *Һејиф дөјүл балхы кәтүрәнин башы ганамаја?! [4. С. 13].* В авторском повествовании он поясняет, что это этнографическое слово переводится как «свадебный барашек», т. е. «барашек, запрашиваемый свадебным конным отрядом у чабана того овечьего стада, которое повстречалось ему в пути». В том же романе употреблено и слово *өддәк*, характерное для речи Хамиды-ханум:

— *Сән ки, лап өддәк миш сән, — Һәмидә онунла зарафат еләди [4. С. 78].*

— Ведь ты совсем струсил, — пошутила Хамида.

Өддәк — один из многочисленных в диалектах и говорах азербайджанского языка синонимических ряда с общим значением «трус»; ср. также *ағчијәр* и др. В разговорном языке есть выражение *өдүнү јемәк* 'проглотить желчь', т. е. 'испугаться'. *Өддәк* — производное не от *өд* 'желчь', а от глагола *өддә-* 'излить желчь'; ср. разговорное выражение *сарысыны удмаг*, аналогичное *өдүнү јемәк*. В речи слуги там же есть слово *мазамат* в выражениях *өзүнү мазамата миндирмәк* 'набивать себе цену', отличающее речь этого слуги от речи других персонажей. Интересно отметить, что в «Диалектологическом словаре азербайджанского языка» аналогичная семантическая функция зафиксирована при заглавном слове *мазат*. Безусловно, это слово — иранского происхождения: недаром оно имеется в бакинском и сальянском (т. е. восточ-

ных) диалектах азербайджанского языка (ср.: перс. *мэзэ*). Наконец, речь чабана Фарзали индивидуализирует часто употребляемое им *ејзэн* в значении «всегда» [4]. (Слово характерно для физиулинского и зардобского говоров). Для речи чабана характерно также простонародное глагольное слово *тәпмәк* в значении «идти, исходить откуда-либо»:

— *Охујарсан, гәшәнк сәсин вар, — оғланы үрәкләндирмәк истәди ханәндә.*

— *Үрәјимнән тәпәндә охујурам, — чобан деди* [4. С. 16].

— Поешь, у тебя прекрасный голос, — ханенде хотел воодушевить парня.

— Пою, когда идет из сердца, — сказал чобан.

Иногда одно диалектное слово в речи персонажа, определяя его характер, помогает также раскрытию идейного содержания произведения или авторского замысла. В этом отношении примечательно слово *еркәк* в атрибутивной функции: *еркәк адам* ‘храбрый человек’, *еркәк-еркәк данышмаг* ‘говорить смело’. Оно употреблено в повести Сейрана Сахавата «Гызыл тешт» («Золотой таз») в диалоге секретаря райкома Гусейнова с главврачом, акцентируя двуликость, хамелеонство руководящего работника:

— *Сән билирсән ки, сәндән башга бу бојда рајонда һеч кәс мәнлә еркәк - еркәк данышмыр* [5. С. 9].

— Ты знаешь, что кроме тебя во всем районе никто не говорит со мной смело.

Слово *гадасы* ‘душенька’, ‘дорогой’, употребляемое в середине или в конце каждого предложения одним из героев романа Исы Гусейнова «Идеал» — Чах-чухом Халыгом (*Мәнә вахтында гулаг ассајдын кор олмаздын, гадасы* ‘Если бы ты в свое время послушался меня, то не раскаялся бы, дорогой’ [6. С. 166], и выражение *дәрдин алым* ‘милый’, ‘дорогой’ (досл.: ‘да заберу я твою беду’), часто встречающееся в речи Эллезоглы (— *Динчәл, гал кечәни. Сонрасыны өзүн биләрсән, дәрдин алым* ‘Отдохни, переночуй. А там поступай как хочешь, голубчик’ [6. С. 56]), носящие диалектный характер, вполне соответствуют сущности этих героев и типизируют их речь.

Выражение *өткәм-өткәм (данышмаг)* ‘говорить с гонором’, встречающееся в речи Камилова из романа «Мехман» Сулеймана Рагимова, писателя, наиболее часто обращающегося к диалектной лексике (— *Көрүнүр, һарадаса, јухарыда бунун бир дајысы вар!.. Јохса бу ушаг белә өткәм-өткәм данышмаз* ‘— Видимо, у него где-то наверху есть рука! Иначе он не говорил бы с таким гонором!’ [7. С. 109]), и выражение *башына дөнүм* ‘милый’, ‘дорогой’ (досл.: ‘да обойти мне вокруг тебя’), которое то и дело употребляет человек в калошах (— *Һеч полад да дөзмәз бу ишә, башына дөнүм!* ‘— Даже сталь не выдержит этого, милый ты мой!’ [7. С. 57]), как нельзя лучше способствуют раскрытию характера героев и типизируют их речь.

В диалектах и говорах азербайджанского языка имеются фразеологизмы, которые в устах персонажей приобретают специфическую функцию индивидуализации речи. Так, важность, авторитетность, вес персонажа в казахском, гянджинском, карабахском диалектах и говорах создает выражение *чәкијә кәлмәк*. Это выражение типично, например, для речи милицейского дежурного в повести Вагифа Насиба «Көнә һамам ичиндә» («Внутри старой бани»): *Ики чәкијә кәлән дејәндә ки, рајком, испалком-зад ез јериндә, белә сынагдан чыхыб адына шунгуруг гошдурмајан ики кишидән бири демәк истәјирдим* [8. С. 22]. ‘Говоря о двух авторитетах — райкоме, исполкоме и т. п., само собой, я хотел бы сказать о двух мужчинах, которые вышли из

такого испытания, не будучи осмеянными'. Интересно, что при авторском пояснении данного выражения фигурирует еще одно диалектное сочетание: *шунгуруг гошдурмаг* — в значении «высмеивать», не зафиксированное в наших словарях.

Особую экспрессивно-эмоциональную окрашенность речи персонажей придают употребленные в названной повести Вагифа Насиба выражения типа *чин атына минмэк* 'взбеситься', *бабасыны далына шэләләмэк* 'заарканить своего предка', *чичәји чыртламаг* 'обрадоваться', *үзүнә үз кејинмэк* 'надеть маску', *гаһмар дурмаг* 'заступаться', *габагында ат сәјиртмэк* 'гарцевать', характерные для народных говоров.

Часто в речи персонажей писатели используют также выражения, обозначающие клятву, проклятья, характерные для азербайджанских диалектов и говоров. Так, функции индивидуализации и типизации речи героя романа Ю. Самедоглу «Гәтл күнү» («День казни») [9] выполняет выражение *башын һаггы*, свойственное больше всего казахскому диалекту азербайджанского языка (в значении «клянусь твоей головой»). Диалектная и экспрессивная окрашенность еще больше усиливается, если *баш* 'голова' приобретает эпитет *һејкәл* ('статуя') *башын һаггы*: *Бура бах, бу һејкәл башын һаггы, бир беләсини дә даға кедәндә вурмушду* [10. С. 140] 'Смотри-ка, клянусь твоей ценной головой (подобной статуе), когда ходил в горы, убил точно такого же'.

Вообще, диалектные выражения типа *дәдәм чаны* 'клянусь батей', *дәдәмин үз гојдуғу торпаг һаггы* 'клянусь землей, где лежит батя', *дәдәмин суфаты һаггы* 'клянусь лицом бати', *гағамын чаны* 'клянусь братом', *һәнәмин чаны* 'клянусь бабушкой', *чижим чаны* 'клянусь матерью', выражающие клятвенные заверения, представляют собой весьма подходящие лексические средства индивидуализации речи персонажей. Такую же роль играют и различные формы обращения, характерные для диалектной речи. Они показывают, в частности, душевное состояние, умянастроение героя; напр.: — *Ај киди дүнја, көр Мурадхан да һаралардан кәлиб, һарда отуарармыш* [5. С. 20] 'О бранный мир! Смотри-ка, куда забрался Мурадхан и куда упал'.

Наконец, весьма эффективно типизируют живую разговорную речь присущие диалектам выражения одобрения и осуждения с ярко окрашенной эмоциональной экспрессией. Они характерны обычно для речи представителей старшего поколения женского пола, напр.: *Белизин иплији гырылмајыф һа. Хышын бурнуну дәрин салын* [10. С. 70] 'Спина-то ведь у вас не лопнула. Глубже зарывайте острие сохи'; — *Аллаһ балаларыны көзүнә чыраг еләсин, бала, — Тәмрәз деди* [11. С. 60] '— Дай бог, чтобы твои дети стали светочами очей твоих, сынок, — сказал Тамраз'; — *Јохду бүрүшүк көпәјоғлу, әлимдән һеч јана гачыб гуртара билмәјәчәк* [5. С. 37] '— Нет уж, скрученный сукин сын, не сможешь никуда уйти от меня'.

Нередко писатель использует диалектно отмеченные характеристики как бы в комплексном виде. Так, в одном абзаце речевого отрезка наряду с диалектной лексикой оказываются представленными и фонетические, и семантические, и грамматические особенности тех или иных диалектов и говоров азербайджанского языка. В этом отношении особенно внимания заслуживает речь Чабана Махмуда из романа Ф. Эйвазлы «Гачаг Кәрәм»: — *Һә, чанаварын бир биждији дә вар. Бир дә көрүрсән, кәлер кежәнин зинријиндә јатағын далыны ешир ... Ешдији дешикдән гујругуну ичәри салер ки, көрсүн јерә дәјәжәһми, дәјими, онда дүшүф, башдыјажах гојуаннарын гујрухларыны чапмаға* [10. С. 211]

«—Да, у волка есть еще одна хитрость. Смотришь, придет темной ночью, проделает дыру с задней стороны хлева... Сунет хвост в проделанную дыру, проверяет, коснется ли он земли, если коснулся, спустится и начнет резать баранов».

Следует, кстати, отметить, что использование в художественных произведениях диалектной лексики нередко носит формальный характер. Представители Баку и Апшерона говорят только *һари* вместо *бәли*, карабахцы произносят *дај* вместо *даһа*, гянджинцы—*кедажам* вместо *кедачгајам*, казахцы — *кедерәм* вместо *кедирәм*, нухинцы (шекинцы) — *кәлитди*, *чији* вместо *кәлир*, *ана* и т. п., и этим будто бы достигается индивидуализация и типизация речи персонажа. На самом же деле это весьма примитивное представление не имеет ничего общего с речевыми задачами подлинного образца высокохудожественного литературного произведения.

Иногда встречаются и такие факты, когда речь одного персонажа пересыпана словами сразу нескольких говоров. Бывает и так, что одно и то же слово на одной и той же странице в устах одного и того же человека звучит то согласно нормам литературного языка, то с диалектной особенностью. К счастью, подобных случаев не так уж много.

Богатый словарный состав диалектов и говоров располагает сотнями терминов, синонимов, словозначений, отсутствующих в литературном языке. И потому писатель не может не думать о развитии и обогащении литературного языка за счет внутренних ресурсов национального языка. Наблюдая за языком азербайджанских художественных произведений, мы пришли к выводу, что значительная часть диалектной лексики, зафиксированной в речи персонажей и в авторском повествовании, не отражена ни в одном из существующих словарей азербайджанского языка. Между тем лексикализация этого, так сказать, «бесхозного» участка азербайджанского языка не только способствовала бы дальнейшему обогащению словарного состава литературного языка, но и дала бы бесценный материал для углубленного изучения истории языка в связи с историей народа.

Систематическое изучение взаимосвязей, соотносительных опосредствований литературного языка, народно-разговорных форм речи и диалектных особенностей национального языка народа продолжает оставаться одной из важнейших и актуальных проблем азербайджанского языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дәмирчизадә Ә.* Азәрбајҹан дилинин үслибијҹаты. Бақы: Азәртәдриснәшр, 1962.
2. *Ибраһимов М.* Әсәрләри: 10 ч. Бақы, 1980. 5 ч.
3. Азәрбајҹан дилинин диалектоложы лугәти. Бақы, 1964.
4. «Азәрбајҹан» журналы. 1985. № 3.
5. «Улдуз» журналы. 1987. № 7.
6. *Һүсејнов Иса.* Идеал: (роман). Бақы: Јазычы, 1986.
7. *Рәһимов Сүлејман.* Мейман: (роман). Бақы, 1981.
8. «Азәрбајҹан» журналы. 1987. № 6.
9. *Сәмәдоғлу Јусиф.* Гәтл күнү. Бақы, 1987.
10. *Ејвазлы Фәрман.* Гачаг Кәрәм: (роман). Бақы: Јазычы, 1986.
11. «Азәрбајҹан» журналы. 1985. № 12.

А. А. ДЖОЛДАСОВА

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАЗАХСКО-РУССКОГО
ДВУЯЗЫЧИЯ В СФЕРЕ КИНО**(НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА КАЗАХСКИХ КИНОДРАМАТУРГОВ-
БИЛИНГВОВ)

Одним из характерных признаков современного этапа развития мировой культуры является обеспеченность жизнедеятельности социума такими средствами массовой коммуникации, как пресса, радио, телевидение и кино. Последнее от прессы, радио и телевидения отличается тем, что имеет двойственную природу: с одной стороны оно средство массовой коммуникации (МК), а с другой — вид искусства.

Находясь с национальной культурой в отношениях изоморфизма, киноискусство в то же время как один из метамеханизмов этой культуры обладает своей сложной организованной знаковой системой коммуникации, своим языком. Социальная функция этого языка — «сочетание функции передачи и хранения информации с эстетическим воздействием, обусловленное двойственной природой кино» [1].

В нашем исследовании под определением «язык кино» понимается естественный (национальный) язык, который является одной из подсистем семиотического образования «язык кино», или «киноязык».

Как известно, впервые проблемами функционального и внутривидового развития национальных языков в сфере МК в социолингвистическом аспекте заинтересовались в отделе социолингвистики Института языкознания АН СССР. Основополагающей для разработки данной проблемы стали монографии Ю. Д. Дешериева [2—8] и др.

Данная статья посвящена анализу особенностей проявления казахско-русского двуязычия в сфере киноискусства главным образом на материале творчества казахских кинодраматургов-билингвов. Эта проблема в социолингвистическом аспекте специально не рассматривалась не только в Казахстане, но и в других союзных республиках. Фрагментарно она затронута в одной из глав вышеупомянутой монографии Б. Х. Хасанова, а также в его статье [9] и в статье А. Е. Макеевой [10]. Косвенно указанная проблема анализировалась С. И. Тресковой [8].

Национально-русское двуязычие в сфере кинематографа Казахстана способствовало бурному развитию казахской кинотерминологии. При этом наблюдается «специализация» последней по отраслям: кинотехнические термины, киноведческие термины. Перевод сценариев с русского языка на казахский и написание оригинальных сценариев на казахском языке сыграли значительную роль, во-первых, в становлении жанра казахской кинодраматургии, а во-вторых, в обогащении лексики и фразеологии казахского языка заимствованиями из русского и других языков, в расширении семантического поля отдельных слов и выражений, а также в дальнейшем развитии синтаксической структуры казахского языка.

Вместе с тем к 80-м годам в казахском киноискусстве произошли настораживающие изменения: русский язык, перешагнув рамки одного из компонентов казахско-русского двуязычия и языка межнационального общения, постепенно стал основным языком на всех этапах фильмопроизводства.

Под двуязычием в сфере кино мы понимаем параллельное использование двух языков в написании и подготовке к производству киносценария, в процессе съемки фильма, дубляже или синхронном переводе текста фильма, пропаганде, рекламировании, рецензировании фильмов и т. д.

Казахско-русское двуязычие проявилось в киносценариях таких казахских кинодраматургов-билингвов и драматургов, как Б. Майлин, М. Ауэзов, Т. Шаханов, С. Нарымбетов и др.

Основным социолингвистическим критерием при определении статуса двуязычности кинодраматурга является, на наш взгляд:

1) обязательность использования двух языков в творческой деятельности;

2) подлинная художественность создаваемых драматургом сценариев на том или ином языке;

3) использование художественных ресурсов обоих языков, главная и основная ориентация «на нормы языков, на которых написаны литературные киносценарии» [11. С. 10]. Б. Х. Хасанов определяет этот критерий как лингвистический [9. С. 49].

Казахско-русское двуязычие в творчестве казахских кинодраматургов-билингвов проявляется в трех основных разновидностях:

1. Параллельное или попеременное написание разных литературных сценариев на русском и казахском языках как самостоятельно, так и в соавторстве.

2. Художественный перевод сценариев с русского языка на казахский, и наоборот.

3. Написание сценариев в основном на русском языке, при этом произведение причисляется к национальной кинодраматургии.

По словам Ч. Г. Гусейнова, «тот или иной двуязычный писатель может творить во всех намеченных группах или переходить из одной группы в другую на протяжении творческого пути, но есть устойчивые представители каждой группы» [12. С. 301].

I. К писателям первой группы можно отнести классика казахской литературы М. О. Ауэзова. В 1939 г. на конкурсе сценариев о современном Казахстане лучшим был признан написанный им на русском языке киносценарий «Райхан», по которому в 1940 г. на «Ленфильме» был поставлен одноименный фильм. Но им же на казахском языке был написан и кинорассказ «Эйел жолы».

II. Наиболее многочисленной и разнообразной по формам творчества является группа кинодраматургов, занимающихся переводом сценариев. Их работа также делится на несколько подвидов:

а) создание оригинальных сценариев и перевод их на второй язык одним авторским коллективом;

б) написание оригинальных сценариев в соавторстве, а перевод их на второй язык — самостоятельно;

в) самостоятельное написание сценариев и их автоперевод;

г) перевод диалогов фильма по оригинальным сценариям переводчиками-неавторами.

Необходимо отметить, что, как правило, на второй язык обычно переводится не весь сценарий как таковой, а лишь титры и тексты диалогов по так называемым «монтажным листам».

«Монтажные листы» — это «диалоговый остов» сценария, в котором по возможности сконцентрирован только текст, подлежащий переводу, озвученному и неозвученному (титры, различного рода надписи). Техника составления дубляжного текста довольно обстоятельно описана С. Шайкевич в статье «Заметки „аэга“» [13. С. 121—150].

а. Для периода становления казахского кино (30—40-е годы) было характерно соавторство русских и казахских драматургов (так называемое «групповое двуязычие»). Например, сценарий первого казахского фильма «Амангельды» был написан Б. Майлиным, Г. Мусреповым в соавторстве с Вс. Ивановым. Фильм был поставлен в 1938 г. на киностудии «Ленфильм» одновременно в двух вариантах — на русском и казахском языках.

В годы Великой Отечественной войны в Алма-Ату были эвакуированы киностудии «Ленфильм» и «Мосфильм». Совместная работа в ЦОКСе оказалась прекрасной школой для молодых казахских кинематографистов и вместе с тем активизировала развитие казахско-русского двуязычия. Непосредственное участие ведущих мастеров русского советского кино в подготовке сценариев и постановке фильмов на местном казахском материале было одной из форм плодотворного влияния русского советского киноискусства на становление и развитие молодого казахского кино, одной из форм культурных и языковых контактов двух народов. Так, совместно с Л. Жежеленко А. Тажибаевым был написан сценарий кинофильма «Песнь о великане» (1942), С. Михалковым, И. Прутом при участии Г. Мусрепова — «Сын бойца» (1942), К. Сирановым и В. Морозовым — «Белая роза» (1943). Первый полнометражный художественный фильм «Песни Абая», созданный силами кинематографистов Казахстана в 1945 г., был снят одновременно в двух вариантах — на русском и казахском языках. Сценарий его был написан М. Ауэзовым совместно с Г. Л. Рошалем и Е. Ароном. В 1952 г. по сценарию Н. Погодина и А. Тажибаева был снят фильм «Джамбул», в 1957 г. — «Ботагоз» (сценарий А. Филиппова и М. Хасенова по одноименному роману С. Муканова).

Групповое казахско-русское двуязычие обусловлено прежде всего причинами как лингвистического, так и экстралингвистического характера: с одной стороны, русскоязычные мастера кино недостаточно владели национальным материалом, а с другой — недостаточная освоенность жанра кинодраматургии и слабое владение русским языком побуждали казахских писателей обращаться к сотрудничеству с масти-тыми коллегами.

В отличие от соавторского двуязычия кинодраматургов 30—50-х годов, групповой билингвизм сценаристов 80-х имеет уже другие причины. Как правило, соавторами становятся 2—3 сценариста со специальной профессиональной подготовкой, из которых хотя бы один владеет русским и казахским языками. Их объединяет исходная эстетическая установка, общность взглядов на предмет творчества и на жизнь.

Так, например, сценарий фильма «Данекер» был написан С. Нарымбетовым и Б. Қилибаевым на казахском языке, а затем переведен ими на русский язык, причем к переводу для его ускорения был привлечен А. Баранов. Однако снимался фильм на казахском языке. В 1988 г. С. Нарымбетов с режиссером К. Абеновым написали на казахском языке сценарий фильма «Дерево жизни», по мотивам триптиха Т. Нурмаганбетова «Характеры», также созданного на казахском языке. Для ознакомления второго творческого состава съемочной группы (как правило, не владеющей казахским языком) сценарий его создателями

был переведен на русский язык. Фильм же был поставлен на казахском языке.

б. Молодое поколение казахских кинодраматургов переводит свои сценарии в основном самостоятельно. Эту группу представляет молодой кинорежиссер Т. Теменов, который начинал свой творческий путь как сценарист. В 1989 г. на экраны страны вышел его фильм «Волчонок среди людей». Сценарий «Волчонка» был написан им на русском языке совместно с киргизским кинодраматургом Б. Сарыгуловым. Фильм был снят на киностудии «Мосфильм», в творческом объединении «Юность», которым руководит Р. Быков. Часть актеров-казахов совсем не владела русским языком (например, исполнитель главной роли Айкын Калыков), поэтому на съемочной площадке царило казахско-русское двуязычие. Диалоги для дублирования фильма на казахский язык Т. Теменов перевел самостоятельно. Не можем не отметить, что казахоязычный текст значительно полнее, информативнее русскоязычного сценария.

в. Часть казахских кинодраматургов самостоятельно пишет оригинальные сценарии и затем переводит их на второй язык. В частности, киноповесть «Чинара на скале» (по мотивам романа М. Ауэзова «Племя младое») была написана К. Мухамеджановым первоначально на казахском языке, а затем им же переведена на русский язык. С. Нарымбетов сам перевел написанные им сценарии художественных фильмов «Шок и Шер», «Очарование» с казахского языка на русский. Следует отметить, что казахско-русское двуязычие, функционировавшее в казахском кинорусстве в 60-х годах и вплоть до последних лет, в известной мере было вынужденным и характерным для многих союзных киностудий страны. На «Казахфильме» к 60—70-м годам уже работали собственные кадры казахских киноартистов, режиссеров, сценаристов, операторов, получивших профессиональное образование и владевших как русским, так и казахским языком. Первоначальные варианты сценариев могли быть написаны как на одном, так и на другом языке. Но окончательное утверждение к постановке сценарий получал только в Москве, для чего казахоязычный сценарий в обязательном порядке переводился на русский язык. В результате в так называемые «застойные» годы в национальном кинематографе союзных республик сложилась ненормальная ситуация. Судьбу сценария, рожденного целым коллективом республиканской киностудии, решали в Москве люди, не имеющие никакого отношения к творческим проблемам национального кинематографа, не знающие местных условий. Это положение изменилось только в последнее время.

Итак, режиссерский сценарий, получивший утверждение в Москве, существует обязательно на русском языке, хотя фильм по нему может ставиться как на русском, так и на казахском языке (для чего надо возвращаться к первоначальному варианту сценария или смешанному — на двух языках). Кроме того, сразу же после окончания съемок фильма делается его копия на втором языке (этим занимается дубляжный цех). Вариант сценария, принятый к постановке, является для съемочной группы основным, скелетом фильма, который в ходе постановки обрастает плотью и кровью. Ознакомленные с русскоязычным текстом актеры-билингвы после разъяснения режиссера разыгрывают снимаемые эпизоды на казахском языке, т. е. импровизационно переводят текст по ходу работы или повторяют перевод диалогов, сделанный режиссером. Так происходило на съемках фильма «Киян» («Конечная остановка»), автором сценария и режиссером-постановщиком которого

был С. Апрымов. Кинолента вышла на казахском языке. Русскоязычный вариант фильма был осуществлен не в форме дубляжа, а в форме закадрового комментария, текст которого был написан С. Апрымовым.

Отметим, что из трех созданных в последние годы объединений киностудии «Казахфильм» — «Алем», «Мирас», «Катарсис» — только «Мирас» имеет реально двуязычный первый творческий состав. Фильмы в этом объединении ставятся принципиально на казахском языке. Русский вариант сценария пишется только для второго состава, который знакомится с материалом будущего фильма. Все предварительные работы (набор актерской группы, выбор натуры, подготовка финансовой отчетности и т. д.) ведутся как на русском, так и на казахском языке, в зависимости от конкретной ситуации, от языковой компетентности собеседника. Учитывая, что творческий состав объединений «Катарсис» и «Алем» в основном русскоязычный, мы считаем именно объединение «Мирас» оптимальной моделью национальной казахской киностудии на современном этапе, при сложившейся языковой ситуации в республике.

Казахско-русское двуязычие сотрудников объединения «Мирас» оказывается в некоторой степени вынужденным. Вынужденность эта обусловлена противоречием между их желанием создавать национальное кино на казахском языке и практическим русскоязычием остальных работников киностудии. Написанные на казахском языке сценарии вынужденно переводятся на русский, поскольку второй творческий состав и техперсонал практически не владеют казахским языком.

Следующим видом перевода является перевод оригинальных сценариев переводчиками-неавторами. Сценарий фильма «Ултуган» был написан Е. Болыспаевым на русском языке, но снят им же и озвучен — на казахском языке. Поскольку в ходе съемок произошло смещение смысла некоторых диалогов, изменились смысловые акценты некоторых реплик персонажей, для дубляжа фильма на русский язык пришлось делать новый перевод текста диалогов. Перевод был осуществлен молодым сценаристом объединения «Мирас» А. Сулейменовым.

Остается открытым вопрос, возможно ли отнести к этой группе переводчиков и редакторов дубляжного цеха. Мы склоняемся к мнению, что нельзя. Переводчики и редакторы — авторы экранного текста дублированных на второй язык кинофильмов — не используют в своем творчестве оба языка, поскольку все они работают над дубляжем кинолент только с русского языка на казахский. Объяснение этому феномену можно найти, в частности, в том, что кроме 2—3-х кинолент, вышедших на экраны республики в последние годы, почти вся кинопродукция «Казахфильма» (около 98%) выпускалась на русском языке и только потом дублировалась на казахский (!). Снятые же на казахском языке фильмы обычно переводились на русский язык его же создателями.

III. К третьей группе национальных казахских кинодраматургов-билингвов, пишущих сценарии в основном на русском языке, мы относим молодого сценариста А. Сулейменова, хотя его можно причислить и ко второй группе — группе сценаристов-переводчиков. В созданном им на русском языке литературном сценарии кинофильма «Бала», посвященном современной городской молодежи, казахский язык эксплицитно присутствует в теме отца главного героя. Все диалоги юного Ахана со своим отцом даются на казахском языке. Таким образом подчеркивается неуподобленность Ахана остальным представителям «золотой» алма-атинской молодежи, утраченность его духовной связи с отцом, опытом его поколения.

Ярким представителем этой группы мы считаем и режиссера Т. Теменова. Новый его киносценарий «Изгой», к постановке которого

он уже приступил, написан, как и предыдущие его сценарии — «Торо», «Волчонок среди людей», — на русском языке. Все три фильма созданы на местном материале. Но, в отличие от первых двух, двуязычность при съемках «Изгоя» будет объясняться уже не только внешними причинами. Двуязычны сами герои картины: Санжар, Роза и др. С русскими персонажами фильма они говорят на русском языке, а с казахами — на казахском (хотя этот момент не нашел отражения в русскоязычном тексте сценария). Диалоги персонажей-казахов, переведенные Т. Темновым, будут сняты и озвучены на казахском языке, в русскоязычном же варианте фильма они будут сопровождаться закадровым комментарием на русском языке.

Анализ форм проявления казахско-русского двуязычия в текстах киносценариев не может быть начат без определения роли сценария в процессе создания фильма, решения вопроса о сходстве и отличии киносценария от литературных произведений различных жанров, и прежде всего — без решения проблемы о месте и роли национального языка в создании понятия «национальное кино». Рамки сообщения не позволяют нам перейти к обсуждению данной проблемы.

Таким образом, казахско-русское двуязычие в творчестве казахских кинодраматургов-билингвов основывается на трех разновидностях. Билингвизм казахских киносценариев на разных этапах функционирования казахского и русского языков в казахском кино имел разные побудительные причины. На современном этапе двуязычие коллектива творческого объединения «Мирас» объясняется практическим одноязычием (русскоязычием) остальных членов «Казахфильма». Существующее положение как в капле воды отражает современную языковую ситуацию в республике, когда двуязычие казахов является односторонним, и характерно для всех киностудий среднеазиатского региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хасанов Б. Х. Казахско-русское двуязычие: (социолингвистический аспект). Алма-Ата: Наука, 1987.
2. Дешериев Ю. Д. Развитие общественных функций литературных языков в советскую эпоху. М., 1976.
3. Язык в развитом социалистическом обществе. М., 1983.
4. Язык и массовая коммуникация: (социолингвистическое исследование). М., 1984.
5. Михальченко В. Ю. Проблемы функционирования и взаимодействия русского и литовского языков. М., 1984.
6. Хасанов Б. Х. Казахско-русское двуязычие: (социолингвистический аспект). Алма-Ата, 1987.
7. Трескова С. И. Функционирование языка МК в условиях многоязычной аудитории: (социолингвистический аспект). М., 1976.
8. Она же. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации. М.: Наука, 1989.
9. Хасанов Б. Х. Проблемы двуязычия в сфере кино, радио и телевидения: (на материале казахского языка) // Язык и массовая коммуникация: (социолингвистическое исследование). М., 1984.
10. Макеева А. Е. Взаимодействие киргизского и русского языков в сфере киноискусства республики // Языковые контакты. Фрунзе, 1987.
11. Михайловская И. Г. Стилль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока. М., 1984.
12. Проблемы двуязычия художественного творчества в советской литературе // Единство, рожденное в борьбе и труде. М., 1972.
13. Мастерство перевода. М.: Сов. писатель, 1970. Сб. 7.

С. С. КАТАШ

К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ АЛТАЙСКИХ БЛАГОПОЖЕЛАНИЙ — АЛКЫШ СӨС

1. Алкыш сөс (благопожелания) — древнейший жанр алтайской народной поэзии. Основное назначение их — это улучшение жизни человека (рода, племени), обеспечение ему счастья и благоденствия путем просьбы или благословения.

Алкыш сөс тесно связаны с культовыми, производственными и семейно-бытовыми обрядами. Специфика алкышей — в обобщении жизненного опыта, который сочетается с одухотворением древним человеком окружающей природы, преодолением трудностей, вызванных природной стихией, болезнями и т. д. Алкыши основываются на магических представлениях. Вера в «хозяев стихий», «хозяина Алтая» — «Алтайдын ээзи», «хозяев гор» — «туу ээзи» и т. п. уходит своими истоками в первобытно-общинный строй. Предки современных алтайцев, одухотворяя природу, верили, что от милости хозяев тайги зависят успешный промысел, удача на охоте, жизненное благополучие и т. д. «Хозяева» представлялись человеку всемогущими. Они могли ниспослать человеку добро или зло в зависимости от его поведения.

Некоторые исследователи считают, что алкыши являются формой шаманских заклинаний [1], другие рассматривают их как неотъемлемый компонент свадебного обряда [2; 3]. Однако анализ их содержания опровергает подобные мнения. Благопожелания-алкыши появились в результате осознания древними людьми того, что они сами могут овладеть теми же магическими силами, которыми владеют духи-хозяева. Всестороннее изучение всех видов алкышей, выявление древних пластов в устно-поэтическом творчестве алтайцев позволяет обнаружить их мифологические истоки. Нельзя сказать, что этот древнейший жанр алтайского фольклора не привлекал внимания ученых. Алкыши записывались еще в прошлом веке, их тексты включались в различные фольклорные издания [4; 5], переходили в письменную литературу [6]. Они и до сих пор бытуют в устном народном творчестве алтайцев.

По идейно-тематическому содержанию алкыши можно разбить на следующие группы:

1. Культовые или родовые. Они посвящены тотемам — духам предков, Алтаю, хозяевам гор, тайги, рек, озер, огню и т. п.;
2. Производственные. Они связаны с хозяйственной деятельностью людей, с охотой и скотоводством, промыслами и адресуются покровителям скота, зверей, птиц, тайги.
3. Семейно-бытовые. Произносятся при рождении ребенка, на свадьбах, встрече и проводах гостей и т. п.

II. Алкыши-благопожелания имеют стихотворную форму и состоят из нескольких ритмических единиц с магической основой. Ритмическая единица стиха представляет собой интонационно законченный отрезок речи — обращение человека к Алтаю — «хозяину горы», «хозяевым стихий» — огню, небу, воде и т. п., например:

...Эзиликтӱ кӱн Алтай!	Наш светлый, солнцеликий Алтай!
Ак малыска одор бер,	Белому скоту дай пастбище,
Албатыга быян бер,	Народу дай благословение,
Кирелтени кӧп эдер,	Увеличь приплод-прибыль скота,
Чыгымдарды јок эдер! [7]	Сведи на нет его гибель!

Ритмика алтайских благопожеланий — это, как правило, четырехстишная тирада. Вот пример благопожелания родовой горе Чаптыгану:

Ару Алтай—Чаптыган мыны	Священный Алтай—Чаптыган,
сурап јадым	Об этом прошу тебя!
Алкаганым јакшы уксын.	Алкыш мой хорошо выслушай.
Бу амадап јаткан јуртка	Этому просящему населению
Быйанын ¹ јетсин!	Милость твоя будет!
Бу качан да алкап турган	Этот народ, тебя
Албаты јакшы јатсын!	благословляющий,
Бу качан да јаргым јакшы	Пусть хорошо живет!
болзын	Это решение вечно будет хорошим!
Јердин устинде албатыга,	На земле живущему народу,
Канча јӱзӱн албатыга —	Разноплеменным народам —
Ончо јакши болзын! [9]	Всем пусть хорошо будет!

Некоторые стихотворные строки стабильны и переходят из одного благопожелания в другое, являясь как бы традиционными «клише» — общими местами (*Кан-Алтай, јакшы болзын, јакшы јатсын* и др.). Алкыши имеют свою композиционную структуру и состоят из нескольких частей.

Первая часть — обращение. Это своеобразное вступление, основанное на образном и психологическом параллелизме:

Кун эбирбес кулер туу,	О бронзовая гора, которую не
	обходит солнце,
Ай эбирбес алтын туу,	О золотая гора, которую не
	обходит луна,
Аба јажым бӱркӱндӱ	Зеленью и лесом покрытый
Ыјыкчылду Кан-Алтай!..	Священный Хан-Алтай!..

После обращения следует вторая часть благопожелания — благословение объекта, которому оно адресовано: Алтая, духа гор, хозяина тайги и т. п.

Завершается алкыш прошением, просьбой, пожеланием:

Ал тайга ажузын берзин	Большая тайга пусть даст перевал,
Агын суу кечӱзин берзин	Бурные реки дадут переправу,
Алтайым ан'ын аттырзин	Мой Алтай пусть дает добычу,
Јоругыс јенил болзын [9].	Пусть путь наш будет легким.

Алкыши чаще всего строятся на основе параллелизма и представляют собой единое целое со своеобразной двойственностью выражения. Этим и обуславливается симметричность построения благопожелания. В исключительных случаях образный параллелизм в алкышах отсутствует. (Параллелизм — одно из древнейших художественно-изобрази-

тельных средств алтайского фольклора). Характерен для алкышей и прием сопоставления.

Благопожелания располагают постоянным арсеналом устойчивых, традиционных зачинов, например: *Айлу кўндў тен'ерим, Одус башту от-эне, Чок, кайракандар, Айланайын* ... и т. п.

Важное место в поэтике алкышей принадлежит образам-символам: *Одус башту от-эне, кырык башту кыс-эне* 'Тридцатиголовая мать-огонь, сорокаголовая (подразумевается языки пламени. — С. К.) девушка-мать'. Благозвучие стиха достигается подбором одинаково звучащих слов — т. е. аллитерацией и ассонансом: *Ал, Агын, Алтайым. Айдайын* и т. п. Начальная рифма не зависит от конечной; она, как и конечная, выполняет лишь ритмическую функцию:

Ай, алтын, алып, Кун, кўмўш, кўлўк, кудаи и т. п.

Аналогичные приемы использовались в древней поэзии и других тюркских народов — киргизов, казахов, хакасов, тувинцев, шорцев.

Ритм алкыша достигается подбором глагольных рифм: *берзин, Јетирзин, артырзын, болзын* и т. д. Ритмической единицей стиха является интонационно законченный отрезок речи. Рифма как звуковой повтор, фиксирующий концы стихотворных строк, архаична.

В наиболее древних культовых алкышах строфа возникла благодаря психологическому параллелизму и магическому повтору, в более поздних она выполняет лишь художественную функцию.

Итак, исследуя поэтику и ритмические особенности алтайских благопожеланий, мы можем сказать, что неправы те исследователи, которые утверждают, будто рифма и ритмика в фольклорно-поэтических жанрах многих тюркоязычных народов примитивна и бедна. В алтайских алкышах использовано все богатство художественно-образительных средств. Алкыши-благопожелания свидетельствуют о высокой поэтической культуре их создателей.

Алкыш сўс — благопожелания — древний жанр фольклора многих тюрко-монгольских народов. В отличие от благопожеланий других народов, алтайские благопожелания имеют свою жанровую специфику. Одна из основных специфических особенностей их — это архаичность. Алкыши вошли во все эпические жанры алтайского фольклора. Они являются составным компонентом многих героических сказаний. Так, благопожелания мы встречаем в героическом эпосе алтайцев «Маадай-Қара», «Алтай-Буучай», «Алып-Манаш» и др. Они широко используются и в художественных произведениях алтайских писателей. Исследованию жанра посвящена работа фольклориста С. С. Суразакова [8].

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Анохин А. В. Материалы по шаманству алтайцев. М.; Л., 1925.

² Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М., 1893.

³ Дыренкова Н. П. Культ огня у алтайцев и телеутов // Сб./Музей антропологии и этнографии. Л., 1927. Т. 6.

⁴ Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен в Южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1866. Ч. 1: Поднареция Алтая: алтайцев, телеутов, черных и лебединских татар, шорцев и саянцев.

⁵ Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М., 1893.

⁶ Можно сослаться на нравоучительные стихи и благопожелания М. В. Чевалкова и некоторых других писателей Алтая.

⁷ Текст из [8].

⁸ Суразаков С. С. Алтайский фольклор. Горно-Алтайск, 1975. Алт.

⁹ Текст записан автором от сказителя Г. А. Калкина.

¹⁰ Полностью алкыш записан К. Укачиной и находится в рукописном фонде Горно-Алтайского НИИЯЛ.

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

С. Г. ХАЛИПОВ

ЭТИМОЛОГИЯ ГИДРОНИМА ХОПЕР

Название левого притока Дона — Хопра, берущего начало на склонах Приволжской возвышенности, давно привлекает внимание топонимистов. Тем не менее, как считает В. А. Никонов, все попытки его этимологизации оказались неудачными. В самом деле, А. И. Соболевский предлагал иранское происхождение: *ху* 'хороший', *перена* 'полный' [1]. Против этого бездоказательного предположения выступил Фасмер, выдвинувший ничем не обоснованную этимологию из славянского *хопити* 'хватать, тащить, влечь' [2]. Неудачи этимологов в расшифровке этого «темного» гидронима, по мнению В. А. Никонова, объясняются тем, что первоначальная его форма подверглась слишком большим изменениям. Прав ли В. А. Никонов?

Попробуем и мы этимологизировать название р. Хопер.

Прежде всего бросается в глаза, что это название по звучанию близко к апеллятиву *копёр* 'сваебитное сооружение' из «Словаря церковно-славянского русского языка». Примечательно, что этот словарь в том же значении дает и форму *хопёр* [3. С. 408]. Параллельное употребление обеих форм наводит на мысль о том, что первоначально и название Хопра могло начинаться с глухого смычного согласного звука [k]: *копёр*, тем более что переход *к* > *х* был не столь уж редким явлением в русском языке: название Хопужское (Каспийское) море восходит к тюркскому этимону; ср.: тур. *кари* 'ворота' (речь идет о Дербентских воротах) [2]. Примерами данного перехода могут служить парные образования типа *кабарга*—*хабарга*, *каган*—*хаган*, *канъ*—*хан*, *кайз*—*хайз* 'бассейн, водоем, мельничный ларь' (вост.-рус.), *клюз*—*хлюз* (касп.) и т. д. [2].

Поскольку истолковать гидроним *Хопер* на славянской почве нерационально, обратимся к языкам иной, — например, неиндоевропейской семьи языков. Топонимия бассейна Хопра насыщена тюркизмами: ср. гидронимы *Бузулук*, *Кардаил*, *Карай*, *Аксай* и другие; именно поэтому логично предположить, что и название *Хопер* также может иметь тюркское происхождение. В самом деле, звукоряд данного гидронима напоминает общетюркское **körüg* 'мост', чуваш. *кәрег*, тат., башк. *көрег*, каз. *көрйг* и т. д. — вплоть до монг. *гуур* — то же [4. С. 79].

По свидетельству И. Н. Шервашидзе, тюрколога М. Ряснен, В. Т. Егоров и И. В. Габескирия высказываются в пользу греческой этимологии тюркского названия моста: **körüg* < древнегр. *ὑεφόρα*—*ὑεφώρα* 'земляная переправа' (ср.: *водлорос* — *Босфор* 'бычья переправа'). Сам же И. Н. Шервашидзе справедливо предполагает наличие языка-посредника [4]. Видимо, свою роль в заимствовании названия моста сыг-

рали культурные связи тюркского мира с районами Дунайского бассейна [5. С. 52].

Значение «мост» довольно часто встречается в тюркской топонимии и гидронимии. Так, в Балкарии есть *Кёпюр-кая* 'мост-скала', огромная скала, нависшая над ложиной р. Малки [6. С. 76]; в Кыргызстане — реки *Көпүрө-Таш*, *Көпүрө-Сай*, *Көпүрөлүү-Сай* [7. С. 48]; в Сурхандарьинской области Узбекистана протекает р. *Кёпрюсу*, имеющая, по свидетельству информанта Ю. А. Каменева, отвесные, «мостообразные» берега.

Нередки «мостовые» названия и за пределами тюркской ойкумены. Так, в Англии (по самым скромным подсчетам) насчитывается 15 названий с *Bridge* [8. С. 175], в бывшей ГДР 6 названий, начинающихся с *Brück* [9. С. 50]. «Атлас СССР» дает 13 названий, начинающихся с *Мост-*, в том числе р. *Мостья* [10. С. 235] — приток Рановы в Рязанской области. Объясняется это, вероятно, тем, что в древности в бассейне Хопра пребывали самые разные этносы. Кроме того, следует учитывать непосредственное влияние Хазарского каганата и близость калмыков с их пристрастием к спирантизации смычного [k]: калм. *хальме* 'калмык'; ср.: тат. *калмык*; калм. *хаг* [11], каз. *қағ* 'солончак' [2. С. 216] и т. д. С другой стороны, археолог В. К. Михеев предполагает, что могильники и городища в данном ареале принадлежат «тюрко-уграм и тюрко-болгарам» [5. С. 23]; археологические памятники выделяют полуседлую форму хозяйства и сезонно-пастбищные откочевки в связи с отгонно-пастбищным содержанием скота [5. С. 52].

Археологические свидетельства пребывания в данном ареале чувашей как нельзя лучше согласуются с фонетическими (к > х): рус. *ханка* 'окольные ворота' — чуваш. *ханха*; ср.: гат. *канка*; рус. *хёрка* 'девушка-чувашка' (казан.) — чуваш. *хэз* 'девушка, дочь'; ср.: тат., каз., тур. *kuz* [2. С. 222, 239].

Отсюда напрашивается вывод, что рассматриваемый гидроним — производное не одного, а нескольких тюркских языков. Движение больших масс кочевников через Хопер, возможно, — одна из причин семантики гидронима: *переправа* > *мост*, особенно, если учитывать, что в течение большей части года Хопер — мелкая река, которую нетрудно перейти вброд [12. С. 224—225]. С другой стороны, значение «мост» названию могли дать высокие крутые берега, нависающие «мостом» над водой [12].

Говоря о возможных отголосках болгарского влияния на мерянскую верхневолжскую гидронимию, можно указать на гидроним *Кубрь* — очень мелкую реку при впадении в Нерль (ср.: яросл. *гуворить* < *говорить*), в котором ударение перемещается со второго слога на первый: **Коборь*.

Веским доказательством правильности данной гипотезы является и запись в «Книге Большому Чертежу», составленной в XVII в.: «А на усть реки Хопра, на Дону, перевоз — брод татарской» [13. С. 84].

Итак, на наш взгляд, можно говорить, что гидроним *Хопер* 'мост' сформировался под воздействием нескольких этнолингвистических факторов, важнейшим из которых, судя по современным формам этого гидронима и чуваш. *кёпег* 'мост', был дрезнечувашский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1973. Т. 4.

3. Словарь церковно-славянского и русского языка. Спб.: Импер. акад. наук, 1847. Т. 1, 4.
 4. *Шервашидзе И. Н.* Фрагмент общетюркской лексики // *Вопр. языкознания*. 1989. № 2.
 5. *Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: Вища школа, 1985.
 6. *Коков Д. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик: Эльбрус, 1970.
 7. *Исаев Д. И.* Словарь географических терминов Киргизии. Фрунзе, 1962.
 8. Webster's New Geographical Dictionary. Springfield; Mass., 1972.
 9. Ortslexikon der DDR. Berlin, 1986.
 10. Атлас СССР. М.: Гл. упр. геодезии и картографии при Совмине СССР. М., 1983.
 11. *Илишкин И. К., Мунаев Б. Д.* Краткий русско-калмыцкий словарь. М.: Сов. эн-цикл., 1969.
 12. *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи. Спб., 1885.
 13. Книга Большому Чертежу. М.: Изд-во АН СССР, 1950.
-

Т. НАФАСОВ, Дж. Х. ЖАББОРОВ

ДРЕВНЕИРАНСКИЕ РЕЛИКТЫ В ГИДРОНИМИИ ЮЖНОГО УЗБЕКИСТАНА

Сравнение современных гидронимов Южного Узбекистана с древними показало, что старые наименования водных источников образованы на базе слов и аффиксов иранских языков. Судя по историческим фактам, «этническую основу узбекской народности составляли древние жители среднеазиатского Междуречья, Ташкентского оазиса и Хорезма (саки, массагеты, согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы и ферганцы), которые говорили на восточно-иранских языках» [1. С. 343]. Зарождение этнокультурных контактов тюрко- и ираноязычных народов в вышеупомянутом регионе падает на конец первого тысячелетия до н. э. — первые века н. э., что подтверждается гидронимией Узбекистана. Даже те гидронимы, которые выявлены в памятниках IX—X вв., включают в себя лексемы и аффиксы иранских языков.

В гидронимии Узбекистана вообще и в топонимии южного его региона в частности прослеживается небольшое количество слов и аффиксов древнеиранского происхождения, входящих в состав наименований в виде различных морфологических структур и выступающих в нескольких разновидностях:

1. *Руд* ~ *рўд* (река) в составе гидронимов выполняет следующие функции: а) определяемого слова, которое указывает на вид объекта: *Кешруд* ~ *Кешкруд*, *Жажруд*, *Асруд* ~ *Суруд*, *Хушкруд*, *Хузарруд*, *Чағанруд*. Все эти названия известны с начала нашей эры и встречаются в памятниках IX—XIII вв. Многие из них впоследствии изменились: *Кешруд* ~ *Кешкруд* — *Қашқадарё*, *Жажруд* — *Оқдарё* и *Оқсув*, *Асруд* ~ *Суруд* — *Танғас* ~ *Танхас*, *Хушкруд* — *Қизилдарё* и *Қизилсув*, *Хузарруд* — *Ғузордарё*, *Чағанруд* — *Сурхон* (<*Сурхоб* < *сурх* об). Переименования происходили разными способами и в различных лингвистических и экстралингвистических условиях: древнеиранские гидронимы были заменены тюрко-иранскими гибридными именами (*Оқдарё*, *Қизилдарё*) или чисто тюркскими (*Оқсув*, *Қизилсув*), оттопонимические (*Кешруд*), этнонимические (*Чағанруд*) — собственно гидронимами (*Қашқадарё*, *Сурхон*); книжные названия — народными;

б) гидрографический термин *рўд* в гидронимии Южного Узбекистана встречается в трех морфологических и словообразовательных формах — в виде онима без словообразовательного аффикса: *Руд* — одна из 16 волостей Кешской области IX—X вв., зафиксирована Ибн Хаукалем [2. С. 189]; с аффиксом *-ак*: *Рудак* — левый приток Кашкадарьи; так называлась совр. *Оқдарё* в XVI в. — зарегистрирована в «Вакф-наме» [3. С. 289]; *Рўдак* — арык в Яккабагском р-не; производ-

ное *Рўдак* + гидротермин: *Рўдаксой* — озеро в Касанском р-не — образовано по модели сложных слов и гидронимов узбекского языка, где *рўдак* определяет гидрообъект *сой*. Видимо, *руд* ~ *рўд* на почве таджикского и узбекского языков населения Южного Узбекистана, утратив свое древнее значение «река», приобрело новое — «канал», «оросительная система», «арык»; в составе сложного онима *Рўдаксой рўдак* означает «канал» или «арычный».

2. *Хас* ~ *кас* ~ *қас*. Гидронимоз, образованных с участием этого слова, всего два: левый приток Кашкадарьи с различной фонетической структурой — *Танхас* ~ *Танқас* ~ *Танеқас* и горная речка в Дехканабадском р-не *Танкас* ~ *Тангкас*. Как считает А. Л. Хромов, гидронимы такого типа употреблялись по всему Мавераннахру [4. С. 14]; в междуречье Амударьи и Сырдарьи они были известны в двух фонетических вариантах — *хаш* и *хас*, что означало «источник», «канал», «водоем» [4. С. 15], и в современной гидрографической лексике не сохранились. В гидронимии встречается лишь форма *хас* ~ *кас* ~ *қас* с неясным значением; скорее всего, в данном регионе эта форма употреблялась в значении «река», «речка». Вышеупомянутые гидронимы, образованные с помощью этого же слова, были известны согдийцам или же досогдийскому населению: их препозитивный компонент *тан* ~ *танг* указывал на ширину русла реки, ибо значение слова *танг* ~ *тан* — «узкий».

3. *Жан* ~ *жон*: в согдийском языке *jan* 'канал', 'источник', 'родник' [4. С. 14]. Ареал гидронимов с этим компонентом шире, чем с *хас* ~ *кас* ~ *қас*. Подобные отгидронимические имена встречаются в Средней Азии, Афганистане, Иране и на других ираноязычных территориях. Судя по их структуре, в Южном Узбекистане они образовались на базе согдийского языка, подтверждением чему служит тот факт, что и синхронные и диахронные имена не имеют объяснения в современных языках данного региона. Здесь нами обнаружены следующие синхронные гидронимы: *Шержон* — село, речка в Шерабадском р-не (в памирских языках *žeg* ~ *žig* 'камень' [5. С. 42]; видимо, он имел значение «гора», а в составе гидронима *горный* — «горная речка»), *Навжон* — село и речка в Шерабадском р-не (согд. *нав* 'новый', *навжан* > *навжон* 'новый канал', 'новый арык'), *Хонжон* — село, ручей в Шерабадском р-не (<среднеперс. *хап*, *xānik* 'источник', парф. *x'p*, *x'pug*, перс.-тадж. *хап* 'источник', 'водоем', ягноб. *хап* 'оросительная канава', 'арык'; 'ручей', авест. *хап* 'источник', тадж. *хон* 'небольшой водоем', *хони* 'источник', 'ключ', *катта хан* 'большой арык' [4. С. 15; 6. С. 355], *жан* ~ *жон* 'ручей', *Хонжон* 'ручей, берущий начало из источника'), *Хонжонкўл* — озеро в Яккабагском р-не (отгидронимическое и отойконимическое образование, *Хонжон* — образование на базе иранских языков, а *Хонжонкўл* < *Хонжон* + *кўл* < *Хонжоннинг кўли* — озеро возле селения Хонжон), *Кулдижон* — холм, ручей в Дехканабадском р-не (<Кулди — ?), *Маважон* — ущелье, ручей в Дехканабадском р-не (<Мава — ?). Диахронные гидронимы: *Мандажан* — область в Чаганиане [2. Т. 1. С. 122], *Варғажан* ~ *Варағажан* — село в Насафе [2. Т. 1. С. 193], *Санжан* — село в Насафе [2. Т. 1. С. 195], *Бузмажан* — волость в Кеше и Самаркандской области [2. Т. 1. С. 144, 189]. Гидронимы такого типа в исторической гидронимии Средней Азии и Ирана, особенно в Мавераннахре, как наименования каналов, протоков, ручьев, а также населенных пунктов встречаются довольно часто: *Буржан*, *Мажан*, *Сангжан*, *Руйжан*, *Санбукжан* — протоки в Панджикенте [2. Т. 1. С. 224], *Ларжан* — крепость в Иране [2. Т. 1. С. 497], *Жан* — озеро в Бургаре [2. Т. 1. С. 133], *Рабинжан* ~ *Арбинжан* — город в Самаркандской области [2. Т. 1. С. 447], *Самжан*, *Руди жарғ*, *Харамком* —

арык и озеро в Бухаре [2. Т. 1. С. 150, 160], *Самижан* — село в окрестностях Самарканда [2. Т. 1. С. 182], *Шаглыжан* — город в Отраре [2. Т. 1. С. 235].

Следует отметить, что древнеиранский *жан* в современной гидронимии имеет два фонетических варианта: *жон* в постпозиции как индикатор и *жом* в препозиции как дифференцирующий компонент в гидрообразовании и ойкообразовании. Названия *Жомбулоқ*, *Жомбўз*, *Жомбўзсой*, *Жомбўзқуччи* (*Жомбулоқ* (<*жан* + *булоқ* 'родник + родник', 'многоводный родник')) являются гибридными. Повторяющиеся в них слова имеют одинаковое значение, хотя функционально и генетически отличаются друг от друга. Слово *жом* ~ *жан* заимствовано на уровне апеллятивной лексики. Видимо, это два вида одной древней лексемы. В речи местных жителей Южного Узбекистана они употреблялись как самостоятельные лексемы, означающие вид гидрообъекта (родник, канал). Однако после того как древнеиранское *жан* утратило свое значение и вышло из употребления в живой речи, их стали обозначать тюркскими лексемами *булоқ*, *бўз* (в функции и значении «арык»), а *жан* ~ *жом* — как дифференцирующие слова. *Жомбўзсой*, *Жомбўзқуччи* образованы на уровне ономастики: *Жомбўз* + *сой* 'долина(сай) Жамбуза', *Жомбўзқуччи* 'село Жамбуз, где живут кучинцы', *қуччи* — тюркское племя. *Жомбўз* образован от лексемы *жом* и *бўз* 'целина', 'белый' <*бўз ариқ* 'арык, который течет по целинной земле'. Вероятно, следует учитывать тот факт, что в далеком прошлом канал, который был проведен по правому берегу Кашкадарьи, имел два названия: иранское *Жан* (на узбекском оно звучало как *Жом*) и узбекское *Бўзариқ*. Получалось, что один объект назывался двояко, и впоследствии после их слияния и упрощения образовался *Жомбўз* < *Жом* + *Бўзариқ*.

На наш взгляд, наименования различных объектов с компонентами *-шон* (р. *Зарафшон*, *Бадахшон* — село в Камашинском р-не, гора в Таджикистане и Афганистане, *Обахшон* — село в Дехканабадском р-не, *Ардахшон* — ущелье в Джизакской области — XVI в.), *-жон* (г. *Андижон*) следует отнести к этому типу гидронимов.

4. *Дак*: нами обнаружены *Сангардак* (река, левый приток Сурхандарьи), *Ховдак* (озеро в Сурхандарьинской обл.), *Ховдаккўл* (озеро в Шахрисабзском р-не), *Чодак* (село в Наманганской обл.). В народном эпосе «Алпамыш» упоминается большое озеро под названием *Ховдаккўл*, где водятся многочисленные птицы, на которых охотятся герои эпоса. Р. Х. Додыхудоевым определено, что в восточно-иранских языках глагольная основа *tak* означает «течь», «поток» [5. С. 77] и семантически и генетически соотносится с осетинским *tæx* 'речная стремнина, быстрое течение; быстрый, стремительный, бурный (о реке)', согдийским *tyuh* 'река' [7. С. 108]. Переход *tak*, *tæx* и *tyuh* в *дак*, чередование *t* ~ *d* в анлауте собственно узбекских и заимствованных слов, безусловно, закономерны. Первые компоненты *сангар*, *хов* характеризуют геоморфологические и другие естественно-природные особенности объекта: в иранских языках *сангар* ~ *сангир* 'горная', *хов* < *об* 'вода', 'река', *Сангардак* < *сангар* + *дак* 'горная река', *Ховдак* 'многоводная река', позднее — 'озеро, питающееся горной рекой'.

5. *Кам* ~ *ком* синонимичен арабскому *анҳор*, тюркскому *арық*; в гидронимии вообще и в исторической и современной топонимии Южного Узбекистана — в частности изредка (а в некоторых районах и довольно часто) повторяется микротопоним гидронимического происхождения *Дарвозакам* — адаптированная форма персидского *изафета* *дарвоза-йи-ком* 'ворота арыков', т. е. 'запруда, откуда вода направляется по нескольким арыкам'. *Ком* ~ *кам* — восточно-иранского проис-

хождения, впоследствии он был вытеснен из апеллятивной ономастической лексики населения Южного Узбекистана персидско-таджикским *жүй* 'арык'. И все же, несмотря на это, он входит в состав гидронимов древнего Южного Согда: *Каманди* (селение в Каршинском и Касанском р-нах) со следующей морфемной и словообразовательной структурой: *ком* + *он* ~ *ин* ~ *ун* + *диз*, *-он* ~ *-ин* ~ *-ун* — аффикс обладания, *диз* 'крепость', *Каманди* 'крепость, расположенная на побережье арыка'.

6. *Об*: гидронимов с исходом *об* немало: *Шйроб* (правый приток Кашкадарьи и Шерабадарьи, *шйр* + *об* — букв.: 'соленая вода', но может быть и ягноб. *шур* ~ *шура* 'обрыв', тадж. *шур* 'обрыв', 'осыпь', ягноб. *чор* 'узкое ущелье' [8. С. 15, 19], т. е. 'речка, текущая в обрыве'), *Панжоб* (правый приток Шерабадарьи — букв.: 'пять рек'; такое толкование не соответствует действительности; на наш взгляд, от *пар* ~ *фар* 'высокое', 'верхнее', *жо* 'место', *об* 'река' — 'верхняя река', 'река, текущая с возвышенности'), *Сиёб* (левый приток второго порядка Кашкадарьи, в памятнике XVI в. «Вакф-наме» *Сиёх об* — букв.: 'черная вода', калька тюркского *Қорасув* 'река, питаемая подземными и родниковыми водами'), *Тезоб* (левый приток Кашкадарьи, *тез* ~ *диз* 'крепость' + *об* 'речка, текущая возле крепости'), *Дубоб* (несколько рек, *ду* + *об* 'двуречье'), *Бароб* (село в Чаганиане, *бар* ~ *пар* 'верхняя' + *об* 'верхняя река'), *Вандоб*, *Зарчоб*, *Фуржоб*, *Чакоб*. Отдельные гидронимы образованы на базе таджикского языка, его дифференцирующие компоненты восходят к лексике персидского и таджикского языков; некоторые из них отражены в памятнике XVI в. «Вакф-наме» в виде персидского изафета: *Обикалон* (*об* + *и* + *калон* 'большая речка'), *Обикйндаланг* (*об* + *и* + *кйндаланг* 'речка, текущая поперек течения главной реки'), *Обисафед* (*об* + *и* + *сафед* 'белая речка', т. е. 'речка, питаемая снежными и ледниковыми водами'), *Обикаркарак* (*об* + *и* + *Каркарак* 'речка селения Каркарак'), некоторые из них сохранились до наших дней в изафетной конструкции: *Обиях* (речка в Сарыасийском р-не, *об* + *и* + *ях* 'речка, берущая начало из ледников'), *Обиравон* (речка в Камашинском р-не, *об* + *и* + *равон* — букв.: 'проточная вода', 'бурная речка'), *Обизаранг* (река в Сарыасийском р-не, *об* + *и* + *заранг* 'река с песочным руслом', в словаре X—XIX в. таджикского языка *зароганг* 'песочное место') [9. Т. 1. С. 441], *Обишир* (река в Сарыасийском р-не, *об* + *и* + *шир* 'горная река'), *Обигарм* (река в Дехканабадском р-не, *об* + *и* + *гарм* — букв.: 'горячая вода', *об* + *и* + *гарм* < *фарун* — согд. *фар* 'гора', *-ун* — аффикс обладания, *фарун* 'горный', 'горная река').

7. *Хон* по морфологической структуре отождествляется с тюркским *хон* ('хан', 'правитель'). В иранских языках семантика и морфологическая структура гидронима такова: авест. *хап* 'источник'; парф. *х'п*, *х'пуг* 'ручей'; среднеперс. *хап*, *хәпik* 'источник', ягноб. *хап* 'оросительная канава, арык, ручей', тадж. *хон* 'небольшой водоем', *хони* 'источник', 'ключ', перс. *хани* уст. 'небольшой водоем', 'бассейн'; 'источник', 'родник' [6. С. 355; 4. С. 15; 9. Т. 1. С. 493; 10. Т. 1. С. 536]. В. Э. Орел приводит семантику иран. *хап* 'колодец' [7. С. 109]. *Хәпik*, *х'пуг*, *хани* — производные от *хан* с аффиксами *-ik*, *-уг*, *-и*. При помощи *хан* ~ *хон* образованы гидронимы *Бандихон*, *Хонарик*, *Хомарик*, *Хонжон*, *Хонтепа*, *Хонобод*, генетически восходящие к различным типам образования: тип персидского изафета *Бандихон* (*банд* + *и* + *хон* — букв.: 'запруда хана' ('построен ханом'))).

Гидроним *Хонжон*, возникший в древности на базе согдийского языка, был наименованием канала, и его следует объяснить как «арык (канал), берущий начало из водоема», гидронимы *Хонарик*, *Хомарик* и

ороним *Хонтепа*, ойконим *Хонобод*, образованные по модели сложного словообразования узбекского языка, следует интерпретировать на основе значений древнеиранского хап.

Как видим, в каждом отдельном случае необходимо считаться с особенностями отражения окружающей действительности в языке, которые зависят от всей суммы внутренних и внешних факторов, включая этническую психологию, поскольку среднеазиатская лексика в большинстве случаев полигенетична.

8. *Арна ~ орна ~ анна ~ онна*: гидронимы, созданные с использованием *арна*, имеют две грамматические структуры: а) индикатор в функции собственного имени: *Арна* (овраг в Чиракчинском р-не, село в Камашинском р-не), *Онна*, *Орна* (овраг в Дехканабадском р-не); б) сложные гидронимы, где *арна* выступает как в препозиции (*Арнасой*, *Арнақапчиғай*, *Арнабулоқ*, *Арнаёул*), так и в постпозиции (*Хўжаарна*, *Хўжаанна*, *Жумаанна*, *Қизиларна*, *Зовонна*, *Кўронна*, *Чуқураарна*, *Чуқуронна*, *Тошонна*). Простые и сложные гидронимы имеют открытую семантику, их можно интерпретировать на основе диалектных значений, которые характерны для кыпчакских наречий узбекского языка в регионах Южного Узбекистана. В разных районах и крупных населенных пунктах значение *арна ~ анна* весьма своеобразно: *анна ~ онна* 'неглубокий овраг' (*Чиракчи*), *арна ~ орна* 'русло воды селевых потоков', 'углубленное место после весенних дождей', 'овраг' (*Дехканабад*), *арна ~ анна* 'русло на дне долин, где текут родниковые и подземные воды' (*Байсун*); в других зонах разные значения объединяются общей семантикой — «овраг или неглубокое русло, где текут весенние подземные воды», «место проточных вод»; в низовье Амударьи *арна* — это «большой канал». Ареал гидронима очень обширен и охватывает Среднюю Азию, Казахстан, Кавказ. Многие считают, что *арна ~ орна* — реликт хорезмийского языка, он заимствован узбекским говором хорезмского диалекта в форме *арна* со значением «канал», «арык». *Арна* имеет более древнее происхождение, генетически восходит к санскритскому аг 'течение', а агна в древнеиранских и на санскрите — «бурлящий, бушующий, колыхающийся поток», в осетинском языке *ардон* 'бешеная река'.

Арна в узбекском литературном языке отсутствует, хотя активно участвует в гидронимо- и топонимообразовании по всей территории узбекоязычного региона. Этот факт свидетельствует о том, что слово было заимствовано на уровне апеллятивной лексики. Позже апеллятивно-терминологическое значение *арна* было утрачено, оно приобрело значение и функцию имени собственного, чем и обусловливается образование ряда гидронимов с участием данных слов в препозиции.

9. *Кариз ~ кориз* в значении «подземный оросительный канал» имеется в узбекском литературном языке, однако в живом народном языке отсутствует. Тем не менее, гидронимы и ойконимы, образованные с его участием, сохранены в предгорных районах: *Кариз*, *Каризат* (*кориз* + *от* — аффикс множественности), *Каттакариз* (<*катта кориз* 'большой подземный арык'), *Чигатойкариз* (<*чигатой* — тюркское племя + *кариз* 'подземный канал чагатайцев'), *Чорвоқкариз* (<*чорбоқ* < *чаҳор* + *боғ* + *кариз* 'подземный канал для загородной усадьбы с садом'), *Зиндонкариз* (<*зиндон* 'темница' + *кариз* 'подземный канал с большим колодцем'), *Каризбулоқ* (<*кариз* + *булоғ* 'родник, берущий воды из подземного арыка'), *Каризарик* (<*кариз* + *арик* 'арык, который берет воды из подземного канала'), *Қаризқовчин* (<*кариз* + *қовчин* 'подземный канал каучинцев'). Древнеиранский *коҳриз* подвергся фонетическому изменению в таджикском и узбекском язы-

ках: $a < o$, $y < u$, в узбекском языке — гласный [и] краткий, [х] выпал: *кохриз* > *кариз*. Все гидронимы созданы по модели гидронимобразования узбекского языка, кроме *Каризат* < *Коризот*.

Как видно, гидронимы, образованные с участием слов иранского происхождения, по способу гидронимобразования делятся на следующие типы: а) апеллятив в функции онима: *Кариз*, *Даҳна*, *Арна*, *Руд*. Слово, которое для ираноязычного поселения было апеллятивом-термином, соседними тюркоязычными поселениями воспринималось как оним. Известно, что если слова иноязычного генезиса не поддаются объяснению на базе родного языка, они воспринимаются как собственные имена геообъектов; б) заимствованные гидронимы из иранских языков: *Сангардак*; *Хушкруд*, *Ниҳамруд*; *Бадахшон*; *Сурхоб*; *Шержон*; *Капаржйй*; в) гидронимы, созданные на базе узбекского языка с участием узбекских (тюркских), таджикских, древнеиранских слов: *Арнакўл*, *Арнали*, *Зовонна*, *Хонариқ*, *Урадарё*, *Ҳовдақўл*, *Тошкариз*. Основная масса гидронимов — это гибридные названия, что свидетельствует о древнейшей связи тюркского и иранских языков в Южном Узбекистане, являющемся одним из культурных центров Средней Азии.

Итак, возникновение и формирование гидронимов показывает, что они имеют давнюю историю. Значительное количество зарегистрированных названий водных объектов в памятниках IX—XV вв. имеет исконно иранское происхождение. Многие из них менялись, переименовывались на тюркской основе: *Жажруд*—*Рўдак*—*Оқсув* или *Оқдарё*, *Хушкруд*—*Қизилсув* или *Қизилдарё* (верхнее течение *Оқсув*, *Қизилсув*, нижнее течение *Оқдарё*, *Қизилдарё*). Следует указать, что такие слова, как *арна*, *дарё*, *чашма*, *кариз*, *чоҳобга* < *обгоҳ*, *шох*, *банд*, в настоящее время в Южном Узбекистане употребляются на уровне апеллятивной и ономастической лексики. Как отмечалось, иранские слова в гидронимии Узбекистана выступают как в постпозиции, так и в препозиции сложных образований, причем те названия, где иранские слова находятся в препозиции, образованы по модели узбекского языка, исключая имена, созданные по типу персидского изафета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаниязов К. Ш. О формировании тюркоязычного народа Средней Азии // Фольклор, литература и история Востока. Ташкент: Фан, 1984.
2. Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. 1.
3. Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в.: По материалам «Вақф-наме». Ташкент, 1966.
4. Хромов А. Л. О структурных особенностях иранской топонимии Мавераннахра в период IX—XIII вв. // Восточная филология. Душанбе, 1974. Вып. 3.
5. Додыхудоев Р. Х. Памирская микротопонимия. Душанбе, 1975.
6. Андреев М. С. и Пещерева Е. М. Ягнобские тексты. М.; Л., 1957.
7. Орел В. Э. К вопросу о реликтах иранской гидронимии в бассейнах Днепра, Днестра, Южного Буга // Вопр. языкознания. 1986. № 5.
8. Хромов А. Л. Очерки по топонимии и микротопонимии Таджикистана. Душанбе, 1975. Вып. 1.
9. Фарҳанги забони тоҷики. М., 1969. Т. 1—2.
10. Персидско-русский словарь. М., 1970. Т. 1.

В. А. БУШАКОВ

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ КРЫМСКОГО ГОРОДА-КРЕПОСТИ МАНГУП

Крепость Мангуп расположена в юго-западной части Крыма на величественной горе Баба-даг, или Баба-кая (Мангуп-Кале на современных картах), и производит на посетивших ее неизгладимое впечатление, хотя в ней мало что сохранилось от прежних времен.

Мартин Броневский, дважды посетивший Крым в 1578 г. как посланник польского короля, так описывает Мангуп: «Город Манкоп лежит между горами и лесами, далеко от моря. Здесь были два замка, построенные на обширной и высокой скале, великолепные греческие церкви, дома, и много ручейков свежих и чистых, вытекавших из скалы. Но потом он был взят турками; а еще позже, спустя 18 лет, по сказанию христианских греков, совершенно был уничтожен внезапным, страшным пожаром. Поэтому в нем нет ничего замечательнее верхнего замка, в котором есть ворота, испещренные греческими надписями, и высокий каменный дом. Нередко случается, что ханы, взбешенные против послов московских, и водимые варварским обычаем, затворяют их в этом доме и строго содержат. Теперь остались там только греческая церковь св. Константина и другая св. Георгия, совершенно ничтожные. Там живет только один грек, да несколько евреев и турков; прочее все приведено в ужасное разорение и забвение» [1. С. 343—344].

Н. М. Карамзин приводит в «Истории государства Российского» о Мангупе следующие сведения: «Известно, что Манкуп (ныне местечко в Тавриде, на высокой неприступной горе) был прежде знаменитою крепостью и назывался городом готфским: ибо там с третьего века обитали готы тетракситы, христиане греческой веры, данники козаров, половцев, монголов, генуэзцев, но управляемые собственными властителями, из коих последний был Исайко, приятель Иоаннов по единоверию.

Старков не мог исполнить данных ему повелений: ибо все переменилось в Тавриде [2]. Брат ханский Айдар, собрав многочисленную толпу преданных ему людей, изгнал неосторожного Менгли-Гирея, бежавшего в Кафу к генуэзцам. Скоро явился на Черном море сильный турецкий флот под начальством визиря Магометова Ахмета-паши; сей искусный вождь, пристав к берегам Тавриды, в шесть дней овладел Кафою, где в первый раз кровь русских пролилась от меча оттоманов: там находилось множество наших купцов: некоторые из них лишились жизни, другие имения и вольности. Генуэзцы ушли в Манкуп, как в неприступное место; но визирь осадил и сию крепость» [3. Т. 6, гл. 2. С. 56—57].

До захвата в 1475 г. турками-османами Мангуп был столицей княжества Феодоро, которое образовалось в XIII в., возможно, даже в конце XII в. В XV в. оно занимало весь юго-западный Крым, кроме Чембало (ныне Балаклава), вплоть до горы Демерджи на востоке, а на севере до реки Качи, что составляло территорию Готфийской епархии [4. С. 261—291; 5. Карта; 6. С. 33—35; 7. С. 129]. Столица княжества также называлась Феодоро.

Княжеством владела византийская аристократическая семья армянского происхождения Гаврасов-Таронитов, выходцев из Трапезунда, имя которых сохранялось в названии селения Гавро на реке Бельбек [8. С. 82, 128—129; 9]. Фамилию Гаврасов (или Гаврадов) носит и селение Урзуф (или Кизил-Таш) мариупольских греков, которые переселились в 1779 г. из Крыма в Северное Приазовье [11. С. 23; 12].

Чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачев недавно предложил индоарийскую этимологию топонима *Мангуп*. Полагая древность топонима не вызывающей сомнений, он объясняет его как «материнская гора» из индоарийских слов *maṇ или *maiaṇ 'меотов', 'меотский' или 'матерей', 'материнский' и *kar 'гора, холм', находя последнее также в топониме *Пантикапей* (современная Керчь) и указывая на другое название горы Мангуп-Кале — тюрк. *Баба-даг* 'отчая гора' [15. С. 15—16; 16].

Название *Мангуп* интересовало еще акад. П. И. Кеппена: «Нынешнее название Мангуп, сколько мне известно, в русских летописях впервые встречается под 6989 (1481) годом». И далее, ссылаясь на Н. М. Карамзина, он пишет: «По архивным нашим бумагам Мánгуп в делах турецких, как мы увидим ниже, встречается под 1514-м, а в делах крымских сперва под 1474 [18], и потом же опять под 1564-м годом». «Откуда взялось имя Мánгуп, это так же мало известно, как и происхождение других исторических названий» [4. С. 265, 266, 268].

Мангупские князья именовали себя в дошедших до нас надписях из Феодоро «повелителями Готии, владетелями города Феодоро и Приморья» (Κυρος Γοττίας, Αὐθεντής πόλεως θεοδώρου καὶ Παραθαλασσία) [19. С. 71; 6. С. 4; 11. С. 26]. Топоним *Мангуп* не встречается ни в одной из этих надписей.

Немецкий историк А.-Л. Шлёцер писал, основываясь на неизвестных источниках, о том, что в 1396 г. Ольгерд, полководец литовского князя Витовта, разгромил на Синей воде (возможно, это река Синюха, приток Южного Буга) «ханов крымских, киркельских и монлопских татар» (die Chane der Krimschen, Kirkelschen und Monlopischen Tataren) [20. С. 109; 21. С. 172—173; 11. С. 13—14; 7. С. 330]. Последнее слово явно означает «мангупский».

Случаи употребления топонима *Мангуп* Н. М. Карамзиным и А.-Л. Шлёцером при описании событий ранее 1475 г. следует рассматривать как анахронизмы.

Исследователь Крыма А. Л. Бертъе-Делагард о топониме *Мангуп* писал: «Откуда взялось это название, не знаю, но звучит оно как бы по-восточному, а между тем в его произношении у татар ударение в этом слове на первом, а не на последнем слоге — Мánгуп, а не Мангúп. Известно оно очень давно, уже в IX—X веках, если верить источникам, проходившим через руки Фирковича» [6. С. 35].

А. Л. Бертъе-Делагард имел в виду пространную редакцию письма хазарского царя Иосифа, датируемого X в., которая поступила в Государственную Публичную библиотеку в 1876 г. с собранием рукописей караимского ученого Авраама Фирковича, приложившего немало труда для доказательства хазарского происхождения крымских караимов.

Если достоверность краткой редакции письма царя Иосифа сомнений не вызывает, то пространная редакция этого письма явно фальсифицирована, что убедительно доказывает П. К. Коковцов [22. С. XV—XVII, 31].

В пространной редакции письмо было дополнено списком следующих селений [22. С. 31]: 1. *Шркил*; 2. *Смкри*; 3. *Крц* (Керчь); 4. *Суграй* (Судак); 5. *Алус* (Алушта); 6. *Лмбт* (Ламбат); 7. *Бртнит* (Паргениит); 8. *Алубика* (Алупка); 9. *Кут*; 10. *Манкт* или *Манкп* (Мангуп): «Последняя буква в рукописи неразборчиво написана, по-видимому, на подчищенном месте» [22. С. 31, примеч. 15]. В 1870 г. Д. А. Хвольсон читал рукопись пространной редакции, предоставленную ему А. Фирковичем, и видел в ней написание *Мангуф*, которое затем было исправлено на *Манкуп* [22. С. XVII, примеч. 5]; 11. *Бурк*; 12. *Алма* (Алма-Кермен); 13. *Грузин* (Гурзуф).

Этот перечень селений составлен из названий, современных фальсификатору (все они находятся в Крыму): *Керчь*, *Судак*, *Алушта*, *Ламбат*, *Паргениит*, *Алупка*, *Мангуп*, *Алма-Кермен* и *Гурзуф*, а также из названий селений и рек (!), упомянутых в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» (X в.) [23].

У Константина Багрянородного эти ойконимы и гидронимы упоминаются в следующем порядке: 1 — хазарская крепость *Саркел* (гл. 42); 2 — крепости *Таматарха* против Боспора (гл. 42, 53) в пространной редакции соответствует город *Смкуш* или *Смкриш* (*иудейский*), упомянутый в «Книге стран» Ибн ал-Факиха ал-Хамадани (около 903 г.) [22. С. 108, примеч. 19]. Буквы «вав» (если составитель пространной редакции принял вариант **Смкуш*) и «шин» были соответственно заменены буквами «реш» и «цаде» при переписывании рукописи письма. Подобная замена одних букв другими часто происходит по вине переписчиков древнееврейских рукописей из-за графического сходства многих букв. Переписчик мог также по ошибке дважды написать следующий за **Смкуш* или *Смкриш* ойконим *Крц*; 3 — крепость *Боспор* (гл. 10, 42). В пространной редакции название *Боспор* заменено на *Керчь* (*Крц*) [24]; 9—*Сарат* (гл. 42), река *Серет* (гл. 38), **Срт* превратилось в *Кут* после изменения буквы «самех» на «каф», буквы «реш» на «вав»; 11 — *Бурат* (гл. 42), река *Брут* (гл. 38) (современный Прут). **Бурт* изменилось на *Бурк* в результате замены буквы «тав» буквой «коф».

Названия 4—8, 10, 12 и 13 пространной редакции письма царя Иосифа отсутствуют в трактате Константина Багрянородного.

В ойкониме **Сугдак* (Судак) буква «далет» изменилась на «реш», буква «коф» — на «йод», что и дало написание *Суграй*.

Ойконим **Гурзуф* пространной редакции превратился в *Грузин* вследствие замены буквы «вав» на «реш», буквы «реш» на «вав», второй буквы «вав» на «йод», буквы «пе» (конечная форма) на «нун» (конечная форма). *Грузин* не следует сопоставлять с крепостью *Херсон* у Константина Багрянородного (гл. 10, 42, 53), так как хазары никогда не владели последней.

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что название *Мангуп* появилось не ранее 1475 г., когда турки-османы взяли город Феодоро штурмом после длительной осады и сделали его уже под новым именем центром Мангупского кадылыка, в состав которого вошли 74 селения горного Крыма [4. С. 75—77, 289; 6. С. 14].

«Турки писали Манкуп или Мангуп» [4. С. 267—268, примеч. 395]. Название *Мангуп* (или точнее *Мангуп-Калé*) прекрасно объясняется из турецкого языка как «подавленная, разгромленная, разбитая, потерпевшая неудачу (крепость)». Тур. *тепкúр* 'несчастный, незадачливый, по-

терпевший неудачу, попавший в беду; впавший в немилость; опальный' [26. С. 615] и перс. *mānkub* 'испытывший несчастья, несчастный, подавленный, разгромленный, разбитый (об армии и т. п.)' [27. С. 537] заимствованы из арабского языка. Араб. *maṣkūb* 'пострадавший, потерпевший', 'жертва (катастрофы)' образовано от глагольного корня *mkb* 'поражать, постигать (о несчастье); сбивать (с пути); переносить горе, страдать (от несчастного случая)' [28. С. 1054].

Название *Мангуп* крымские татары произносят с ударением на последнем слоге. В «Большой Советской Энциклопедии» оно также дано с ударением на последнем слоге [29. С. 316]. Обозначение первого слога ударенным у П. И. Кеппена и замечание А. Л. Бертье-Делагарда, что татары в слове *Мангуп* делают ударение на первом слоге, требуют объяснения, но этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи.

Таким образом, тюркское происхождение названия *Мангуп* можно считать доказанным. Появилось оно после завоевания княжества Феодоро турками в 1475 г. Относить же существование топонима *Мангуп* к X в. нет никаких оснований.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Броневский М. Описание Крыма (*Tartariae Descriptio*) // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1867. Т. 6.

² А. И. Старков, посол московского царя Ивана IV, выехавший в Крым в марте 1475 г., должен был вручить дары мангупскому князю Исайку и договориться о приданом, которое князь должен был дать за своей дочерью, невестой сына Ивана IV.

Топоним *Мангуп* при описании этих событий употребляет Н. М. Карамзин. В наставлении же А. И. Старкову он отсутствует [3. Т. 6, гл. 2. С. 56, примеч. 125].

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1989. Кн. 2.

⁴ Кеппен П. И. Крымский сборник: О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.

⁵ Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде: Отдельный оттиск из «Записок Одесского общества истории и древностей». Одесса, 1914. Т. 32.

⁶ Он же. Каламита и Феодоро // Изв. Тавр. учен. арх. комис. Симферополь, 1918. № 55.

⁷ Тиханова М. А. Дорос-Феодоро в истории средневекового юго-западного Крыма // Археологические материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1953. № 34.

⁸ Якобсон А. Л. Крым в средние века. М., 1973.

⁹ О семье Гаврас см.: [10].

¹⁰ Бартикан Р. М. О византийской аристократической семье Гаврас: (*Γαβρας* ~ *Γαβρας*) // Ист.-филол. журн. АН АрмССР. Ереван, 1937. № 3, 4; 1988. № 1.

¹¹ Малицкий Н. В. Заметки по эпиграфике Мангупа. Л., 1933.

¹² К роду Гаврасов восходят три русских дворянских рода Ховреинных, записанные в родовых книгах Тамбовской, Пензенской, Казанской и Симбирской губерний. Предком Ховреинных считался, по преданию, греческий князь Стефан, выехавший из Тавриды в XIV в. [13. С. 472].

Графский род Головиных происходит от князя Степана Васильевича Ховры (Хомры или Комры), грека, владельца Мангупа, выехавшего в Москву в 1393 г. Его правнук Иван Владимирович Голова-Ховрин и стал родоначальником Головиных [14. С. 71].

¹³ Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1903. Т. 37, кн. 73.

¹⁴ То же. 1893. Т. 9, кн. 17.

¹⁵ Трубачев О. Н. *Indoarica* в Северном Причерноморье: Источники. Интерпретация. Реконструкция // Вопр. языкознания. 1981. № 2.

¹⁶ Следует отметить, что Э. А. Грантовский и Д. С. Раевский высказались критически о возможности существования индоарийских языковых элементов в Северном Причерноморье даже в античную эпоху, не говоря уже о средневековье [17].

¹⁷ Грантовский Э. А., Раевский Д. С. К вопросу об «индоарийском» этноязыковом элементе в Северном Причерноморье в античную эпоху // Симпозиум «Античная балканистика»: Тез. док. М., 1980.

- ¹⁸ См.: [2].
- ¹⁹ *Арсений, архимандрит*. Готская епархия в Крыму // Журн. М-ва нар. просвещ. Спб., 1887. № 1.
- ²⁰ *Schlözer A. L.* Allgemeine nordliche Geschichte. 1772. Th. 2.
- ²¹ *Брун Ф. К.* Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1879. Ч. 1.
- ²² *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- ²³ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
- ²⁴ О происхождении ойконима *Керчь* см.: [25].
- ²⁵ *Бушаков В. А.* Почему Боспор стал Керчью? // Рус. речь. 1991. № 1.
- ²⁶ Турецко-русский словарь. М., 1977.
- ²⁷ *Миллер Б. В.* Персидско-русский словарь. М., 1960.
- ²⁸ *Баранов Х. К.* Арабско-русский словарь. М., 1960.
- ²⁹ Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. М., 1974. Т. 15.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

М. К. СЕМБИН

СЕВЕР В КАЗАХСКОЙ ТОПОНИМИИ

Специалистами Института языкознания АН Казахстана собрано свыше 210 тыс. топонимов, которые будут опубликованы в 10-томном «Словаре географических названий Казахстана» [1. С. 5]. Пока вышла только первая книга, посвященная Джезказганской области. Нет необходимости говорить, что столь большой и серьезный труд требует комплексного применения приемов лингвистического, сравнительно-исторического и географического анализа при изучении топонимики, а это не всегда выдерживается в упомянутой работе. Ошибочные мнения об отдельных этимологиях высказаны рядом серьезных авторов.

По Г. Ц. Медоеву, «пространство суши, ограниченное на западе Тургайской столовой страной, на востоке — западными и северо-западными отрогами хребтов Калбы и Чингиза, на юге — долиной р. Чу и на севере — Прииртышской равниной, местным населением исконно называется Сары-Арка (по-казахски сары — желтый; арка — спина, свод, водораздел). Светло-желтая окраска травянистого покрова и выпуклый меридиональный профиль, образующий как бы свод с весьма пологими склонами, очень хорошо нашли свое отражение в термине Сары-Арка.

Название Сары-Арка, по существу, во много раз точнее выражает географическую и геоморфологическую сущность интересующей нас территории, чем другие топонимы: Центральный Казахстан, Казахская складчатая страна, Казахстанский мелкосопочник, Казахское нагорье, Казахская степь.

Таким образом, как по приоритету, так и по физико-географическому содержанию Сары-Арка предпочтительнее всех других названий той части КазССР, которая расположена в указанных границах» [2. С. 527—528; 3. С. 56].

Согласно Е. Койчубаеву, «Сарыарқа — експрессивті-эмоциялы атау: кең жон, жалпақ, үстірт, шексіз қырқа» [1. С. 225; 4. С. 21, 205].

А. А. Абдрахманов, обобщая все предыдущие исследования по этимологии Сарыарки, считает, что «слово с а р // с а р ы в составе топонима Сарыарка означает 'широкий, бескрайний', а апеллатив арка букв. 'спина' — 'возвышенность, степь, край', отсюда вытекает его древнее значение 'широкая возвышенность, бескрайняя степь (с невысокими холмами)'» [5. С. 259].

Во всех тюркских языках *сары* — это «желтый», *арқа* — «спина, задняя сторона». Вторичное значение слова *арқа* в кумыкском, карачаевском, балкарском, алтайском — «хребет», «склон» [6. С. 174].

Этимология Сарыарки в значении «Желтый хребет», «Желтая спина» [7], как видим, подтверждается лексикологическими источни-

ками тюркских языков, с чем, однако, трудно согласиться, также как и с Е. Койчубаевым и А. Абдрахмановым, если рассматривать целое смысловое гнездо топонимов, этимологически связанное с термином *Сарыарка*.

Древние тюрки и монголы для определения сторон света занимали позицию «лицом к восходящему солнцу». В тюркских рунических памятниках сохранились указания на восточную ориентацию, и, исходя из этого положения, определялись другие стороны света: налево — север, направо — юг, назад — запад, вперед — восток [8. С. 74]. Подтверждением ориентации на восток является установка каменных изваяний лицом к восходу солнца, а также ориентация на восток входа храмовых сооружений древних тюрков. В современных тюркских языках система древнетюркской ориентации в сторону восходящего солнца полностью сохранилась у саха (якуты): *арҕа* 'запад' и тофов (тофалары): *буруҥҕар* 'вперед — восток'; *соҥҕар* 'назад—запад'; *оҥҕар* 'направо—юг'; *зуҥҕар* 'налево—север' [8. С. 75—76; 6. С. 174].

«...Культ юга начал распространяться в Монголии в эпоху могущества киданей (X—XII вв.). При Чингис-хане этот культ сделался официальным для всей степи, подчинившейся монголам...» [9. С. 392—393]. После XIII в. в степи уже не устанавливаются каменные изваяния, а с принятием мусульманства культ Востока окончательно вытесняется и заменяется культом *Қыблы* (ориентация на Мекку), которая расположена к югу, со смещением к западу от Сарыарки. Строятся мавзолеи мусульманского типа с ориентацией на юго-юго-запад. Влияние новой ориентации сказалось и на определении левого и правого крыльев улуса Джучи. Так, *Ақ Орда* (Белая) являлась правым ее крылом, а *Көк Орда* (Синяя) — левым. Относительно географического расположения *Ақ Орды* и *Көк Орды* велась длительная дискуссия, которая завершилась выводом, полярно противоположным традиционному представлению, вошедшему не только в историческую литературу, но и в средневековые восточные источники: Белая Орда находилась не на востоке, а на западе, Синяя же — не на западе, а на востоке [10. С. 124—126; 11. С. 14—15; 12. С. 224—230; 13. С. 71—74; 14. С. 35, примеч. 24], что подтверждается нашими изысканиями. Слово *ақ* использовалось в тюркских языках для обозначения запада, а слово *көк* — востока [15. С. 173]. Цветовая геосимволика древнетюркского мира (*ақ* 'белый — запад'; *көк* 'синий—восток') совместилась с новой—южной ориентацией: «лицом к полуденному солнцу», где правое и левое крылья соответствуют западу (*ақ*) и востоку (*көк*). Казахи сохранили отзвук определения сторон света по положению «лицом к восходящему солнцу», что отражается в современных терминах «север — *солтүстік*» (*сол* 'левая сторона—север'; *түстік* 'полуденное время', 'часть света'), «юг — *оңтүстік*» (*оң* 'правая сторона — юг'). В словах *север* и *юг* также имеется симбиоз восточной и южной ориентаций: *оң* 'юг', *сол* 'север' соответствуют восточной ориентации, а *түстік* 'полуденное время'—южной. Ориентация на полуденное солнце юг смещает древнетюркское понятие **арқа* к северу, и в настоящее время для обозначения северной стороны каракалпаки, туркмены и узбеки используют термин *арқа* 'спина', 'задняя сторона' [8. С. 86—87, табл. 4]. Слово *арқа* в значении «север» известно в диалектах Киргизии (*арқа қырғызы*), у казахов Туркмении и Каракалпакии. Отсюда этимология *Арқалық*: *арқа* + *лық* (*арқа* 'север'; *лық*—аффикс обладания). *Арқалық* означает «северный»; то же значение имеет топоним *Арқасы* (северная часть, сторона чего-то, например горы).

Ногайский *Сырт як*, казахские *Теріс, Терістік, Теріскей* в обоих языках означают заднюю, обратную сторону и как термины для определения «севера» являются синонимами слова *Арқа* (напр.: Теріскей Алатау—Северный Алатау). Топонимы Сырт, Теріс, Теріскей, Терістік, Арқа означают «Север (ный)».

Теріс в домонгольское время обозначал запад. Река Теріс-Кендірлік упоминается в работе Хафиза Таныша (XVI в.) [16. С. 275, 276, 286] и косвенно — в «Книге Большому Чертежу» (XVII в.): «река Кендерлик... другая река Кендерлик...» [17. С. 95, 170]. Кендірлік — это современная река Жезді, правый, западный, приток р. Кеңгир [18. С. 25—26]. Наименование р. Теріс (Западный) — Кендірлік просуществовало, по-видимому, до появления в этом же регионе р. Терісаққан, текущей на север, когда окончательно утвердилось новая — южная ориентация с новым значением слова *теріс* 'север'.

Сары 'направление, сторона'. *Андан соңүчегүсу таң сарыға бардылар* 'Затем трое из них пошли в сторону зари (на восток)'; *Кене андан соң Оғуз қаған төрт сарыға жарлық жумшады* 'И вот затем Огуз-каган разослал приказ в четыре стороны' [19. С. 488; 20. С. 193, 201]. *Сары* в значении направления употребляется в азербайджанском языке.

Таким образом, топоним Сарыарқа составлен из *сары* 'сторона' и *арқа* 'северная'. *Сарыарқа* 'северная сторона', что опосредованно подтверждается вышеуказанными топонимами Сырт, Теріс, Теріскей, Терістік, Арқалық, означающими: «север», и здесь же р. Терісаққан 'текущая на север' (*аққан* 'текущая').

В средневековых письменных источниках в связи с различными историческими событиями упоминаются топонимы Центрального Казахстана: горы Ұлытау, Кішітау, Ортау, р. Сарысу и другие, однако отсутствуют топонимы с терминами *арқа, сырт*, которые возникли после смены восточной ориентации на южную, т. е. в результате монгольского влияния, а также проникновения и постепенного укрепления ислама с его ориентацией на юг (юго-юго-запад).

В. Л. Егоров, издавший первое в советской историографии исследование географии Золотой Орды XIII—XIV вв. и давший наиболее полный географический перечень-справку, не приводит топоним Сарыарка, территория которой составляла добрую часть Золотой Орды [21. С. 236—244].

В домонгольском периоде в источниках использовались термины *Дашт, Дешти-Кыпчак* (*Дашт, Дешт* 'степь' — перс.), которые по «инерции» функционировали наряду с *Сарыарка* вплоть до XVII в.

Можно полагать, что вначале Сарыарка несла ориентационную нагрузку (северная сторона) и лишь затем стала нарицательным словом; лежащий на поверхности смысл «Желтая спина», «Желтый хребет» очерчивал границы Казахского мелкосопочника и совпадал с регионом Сарыарка, который был летним пастбищем — жайлау, куда на лето перекочевывали с берегов Сырдарьи—кыстау казахи [22. С. 93].

Топонимом термин *Сарыарка* стал, по-видимому, лишь с образованием Казахского ханства, что подтверждается произведениями философа и поэта XV в. Асана Қайғы (Хасана Сабитұлы), родившегося где-то между 1361 и 1370 гг. на берегах Едилы (Волги) и умершего в 1465 г. в Ұлытау:

Қызыл изен, боз торғай,
Сарыарқаға, бітер ол [23. С. 65].

'Красная изень, жаворонки,
В Сарыарке родятся,

и Доспамбета жырау (сер. 90-х гг. XV в., г. Азау (Азов) — 1523 г., г. Астрахань):

Бетегелі Сарыарқаның бойында В ковыльных степях Сарыарки
Соғысып өлген өкінбес! [24. С. 31]. (Даже) гибель в бою не страшна!

Другой топоним — Арғанаты [1. С. 40; 25] этимологически также связан с южной ориентацией, и потому он — послемонгольского времени. Архетипом здесь могут быть: 1) *Арғы + қанаты* 'Дальнее крыло' и 2) *Арқа + қанаты* 'Северное крыло'. Предложенные архетипы не противоречат географии гор Арғанаты, которые являются северным продолжением (крылом) Улытауских гор и по отношению к последним вторичны, ибо значительно ниже их по высоте и меньше по площади. Первая этимология (*Арғы + қанаты* — *Арқанаты* — *Арғанаты*) несостоятельна, потому что определение «Дальнее крыло» требует относительно гор Арғанаты стационарно находиться со стороны гор Улытау (с юга), что не характерно для образования топонимии кочевников, хотя в истории имеются примеры: Закавказье, Закаспийский край, Заилийский край, Заволжье, Зауралье, Дальний Восток, Ближний Восток и т. д. (позиция с севера).

В предложенной этимологии топонима *Арқа + қанаты* два слога *қа* сливаются в один: *Арқанаты*, и слово произносится как *Арғанаты*; здесь происходит звуковая замена *қ* на *ғ* согласно правилу произношения в казахском языке, ср.: *Қазақұрт* — *Қазығұрт* (*қ/ғ*), *Қожақұл* — *Қожағұл* (*қ/ғ*), *Қарақойлы* — *Қарағойлы* (*қ/ғ*), *Түнқатар* (*қ/ғ*), *Ақайдар* — *Ағайдар* (*қ/ғ*), *Ақадыр* — *Ағадыр* (*қ/ғ*) и т. д. Так на карту Казахстана горы Арқанаты попали в написании Арғанаты, что является звуковым вариантом первого. Правильное написание — Арканаты.

Подводя итог, можно констатировать, что север этимологически заложен в различных топонимах, например: Сарыарқа, Арқанаты, Арқалық, Арқасы, Теріс, Терістік, Теріскей, Терісаққан, Сырт; в этот же ряд можно поставить топоним Арғалы [6. С. 175; 26]. Описательный топоним Күнтимес 'несолнечная', как правило, — это северная сторона.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Қазақстан географиялық атауларының сөздігі: (Жезқазған облысы). Алматы, 1990.

² Медоев Г. Ц. Устройство поверхности Сары-Арка // Основные идеи М. А. Усова в геологии. Алма-Ата, 1960.

³ Он же. Сары-Арка: (к топонимике Казахстана) // Вестн. АН КазССР. 1948. № 1.

⁴ Қойшыбаев Е. Қазақстанның жер-су аттары. Алматы, 1985. («Сарыарқа — экспрессивно-эмоциональное название: широкое плоскогорье, плоская возвышенность, беспредельная невзысокая возвышенность»).

⁵ Абдрахманов А. А. Этимологические исследования средневековых топонимов Центрального Казахстана: (Сарыарки) // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата, 1990.

⁶ Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.

⁷ Богатая и разнообразная природа степи, горячая привязанность к ней кочевника опозитизированы нашими современниками, и «недостаточно красивые „хребет, спина“ превратились в красоту „золотой (от желтого металла) степи“, „золотой планеты“».

⁸ Кононов А. Н. Способы и термины определения сторон света у тюркских народов // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978.

⁹ Бартольд В. В. К вопросу о погребальных обрядах у турков и монголов // Сочинения. М., 1966. Т. 4.

¹⁰ Юдин В. П. Орды: Белая, Синяя, Серая, Золотая // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983.

¹¹ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.

- ¹² Федоров-Давыдов Г. А. «Аноним Искандера» и термины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.
- ¹³ Султанов Т. И. К вопросу о терминах Ак-Орда, Кок-Орда и Йуз-Орда // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1972. № 3.
- ¹⁴ Егоров В. Л. Государственное административное устройство Золотой Орды // Вопр. истории. 1972. № 2.
- ¹⁵ Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978.
- ¹⁶ Хафиз Таныш бен Мир Мухаммад ал-Бухари. Шараф-наме-йи-шахи // Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
- ¹⁷ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950.
- ¹⁸ Макшеев А. Географические сведения Книги Большого Чертежа о киргизских степях и Туркестанском крае // Изв. Рус. геогр. о-ва. 1872. Т. 15.
- ¹⁹ Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- ²⁰ Өмірәлиев Құлмат. «Огуз қаған» эпосының тілі. Алматы, 1988.
- ²¹ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. М., 1985.
- ²² Фазлаллах ибн Рузбихан Исфгани. Михман-наме-йи-Бухара: (Записки бухарского гостя). М., 1976.
- ²³ XV—XVIII ғасырлардағы қазақ поэзиясы. Алматы, 1982.
- ²⁴ Бес ғасырлар жырлайды. Алматы, 1989. 1 т.
- ²⁵ Здесь приведены этимологии Арғанаты: Е. Қойшыбаев — *арқартау* 'горы архаров'; А. Абдрахманов — *арқар, тау өи:кі* 'архары, горные козы' и Т. Жанузаков — *өзен-өзен, көп өзендер, сулар* 'реку-реки, многочисленные реки, многоводье'.
- ²⁶ Тюркское *Арға* возводится к *Ару-ки* 'спина'.

А. Т. КАЙДАРОВ

КУЛЬТ СЛОВА У ТЮРКСКИХ НАРОДОВ

(НА МАТЕРИАЛЕ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА)

В системе воззрений и представлений тюркских народов особое место занимает культ слова, который своими корнями уходит в глубокую древность. Культовые воззрения древних тюрков, в том числе и почитание слова, тесно переплетались с их мифологическими и многими другими представлениями, что нашло свое отражение в традициях и обрядах отдельных народов.

Надо полагать, что наши далекие предки на более ранних этапах своего развития видели в явлениях природы и вокруг себя много непонятного, таинственного и сверхъестественного. Несомненно, в числе подобных явлений была и человеческая речь, при помощи которой они не только общались между собой, добиваясь взаимного понимания в совместной борьбе против природной стихии, но и пытались определенным образом воздействовать на окружающую их среду. Люди верили в магическую силу человеческой речи, сакральное значение слов и усматривали в них, как и в любом явлении природы, олицетворение добра и зла. По словам И. М. Тронского, «для архаического мышления слово как имя нераздельно связано с вещью и является носителем его свойства, *магическим заместителем*» [1. С. 24] (курсив наш. — А. К.). Как «магический заместитель» обозначаемых предметов и явлений слово в сознании древнего человека, того или иного этноязыкового коллектива запечатлевается чем-то многоликим, универсальным, способным творить и преобразовывать буквально все: убивать живое и оживлять мертвое, излечивать больного и навлекать недуг на здорового, защищать от беды и угрожать бедствием, возвышать и унижать человека, оберегать и губить, презирать и уважать, идеализировать и рассеивать иллюзии и т. д.

Култ слова — общее достояние многих тюркских племен и народностей, чем и объясняется наличие у них общих сакральных значений многих слов, традиционных обрядов и ритуалов, связанных со словом, а также сходных и идентичных словесных формул, штампов и устойчивых выражений, наполненных этнографическим содержанием. Вместе с тем в каждой этнокультурной среде со временем выработались собственные представления о культе слов и связанные с ним поверия, предразсудки, ритуалы, обычаи. Они, может быть, не в столь значительном количестве, но все же сохранились в пословицах, поговорках, фразеологизмах современных тюркских (шире — алтайских) языков.

Нами рассматриваются факты в основном казахского языка.

1. Большинство этих фактов, связанных с культом слова, указывает

на *разрушительную силу* слова. Приводя казахскую пословицу (в дальнейшем ПС). *Тіл тасжарады, тас жармаса, бас жарады* 'Язык может раздробить камень, а если не камень, то голову человека', выдающийся казахский ученый Чокан Валиханов отмечал: «Язык человека через слова ... имел разрушительное влияние» [2. С. 482], и оно, по его мнению, считается остаточным явлением шаманизма среди казахов.

В этом примере довольно четко выражена вера в отрицательное (разрушительное, смертельное и др.) воздействие слова, общетюркский характер которой подтверждается наличием аналогичной ПС в ряде других тюркских языков, напр.: узб. *Тил тош яради, тош ярмаса, бош яради*; уйгур. *Яхиш сөз ташни яриду, яман сөз башни* 'Доброе слово камень точет, злое — голову' [3]. Ясно видна дифференциация «хороших» и «плохих» слов.

Казахская ПС *Атқан оқ бір кісіні өлтіреді, айтқан сөз мың кісіні өлтіреді* [5] 'Выпущенная стрела убивает одного человека, а сказанное (недоброе, злое) слово поражает тысячу' подчеркивает силу слова, способного истребить множество существ. Конечно, здесь налицо гиперболизированная форма передачи смысла. Но всякий перенос рождается на основе вполне реальных предметно-образных представлений носителей языка. В данном случае показана вера наших предков в могучую силу слова [7]. И в этом представлении слово довольно часто отождествляется то со стрелой лука особой пробивной силы (ср.: *Тілі мірдің оғындай* 'Слово его словно стрела эмира') [8], то с пулей винтовки (*Ауыздан шыққан сөз — атылған оқ* 'Сказанное слово — пущенная пуля'), то с наконечником копья, с жалом змеи или с острием клинка (ср.: уйгур. *Тил тигдин өткүр* 'Язык острее лезвия клинка') и др.

2. Сила слова трактуется и в *положительном смысле*, подчеркивая его благоприятное воздействие на окружающих. Наши предки были уверены, что в языке есть слова, не только несущие людям добро, но и творящие чудеса; очень часто благоприятный исход зависит от умелого использования этих слов. Так, казахская ПС гласит: *Жақсы сөз — жарым ырыс* 'Доброе слово — это уже полсчастья' или: *Жылы-жылы сөйлессе, жылан інінен шығады* 'На ласковую речь и змея из норы выползает'; ср.: уйгур. *Яхиш сөз иланни одисидин чиқирар* 'Доброе слово и змею из норы выманит' и др.

3. Слово и язык часто предстают как *источник зла, причина всевозможных бедствий* (неудач, несчастных случаев, недугов и болезней); напр.: каз. ПС: *Басқа бәле — тілден* 'Все беды — от языка'; *Ойламай сөйлеген ауырмай өледі* 'Кто говорит необдуманно, тот умрет не своей смертью'; ср.: уйгур. *Миң егиз сөздин адам өлиду* 'Кто произнесет тысячу слов, тот умрет' и др.

4. Иногда слово и язык символизируют собой *вечность и долголетие*, иначе говоря, человеческая речь и слова переходят от поколения к поколению как выразитель духовной и материальной ценности: каз. *Жақсының өзі өлсе де, сөзі өлмейді* 'Добрый человек может умереть, но его добрые слова живут вечно'; ср.: уйгур. *Чиш төкүлүп, тил қалиду* 'Зубы искрошатся, а язык останется'; каз. *Адам жүз жыл жасаса, сөзі мың жыл жасайды* 'Если человек живет сто лет, то слово его — тысячу' и др.

5. Слово и язык выражают *мудрость и благородство человека*, духовную щедрость души: *Жақсы сөз — жан азығы* 'Доброе слово — духовная пища'; *Аталар сөзі — ақылдың көзі* 'Слова дедов — кладезь ума'; ср.: уйгур. *Яхиш сөз һәсәлдин татлиқ* 'Доброе слово слаще меда' и др.

6. Слово и язык передают *красоту человеческой души*, духовное богатство человека, соответствующее его внешней красоте: *İşimдегінің бәрі тілімде, тілімдегінің бәрі түрімде* 'Все то, что во мне, видно на языке, а язык мой — говорит за мою внешность'. Классическим примером этой особенности слова и языка может служить широко распространенное в тюркских языках изречение, восходящее к периоду Махмуда Кашгари (в уйгурском звучании): *Адам көркі йүздур, йүзнің көркі—көз; Еғиз көркі тилдур, тилнің көркі—сөз* 'Человека красит лицо, а лицо красят глаза, уста красит язык, а язык — слова'; каз. *Адамның ісін көріп, өзін ал, өзін көріп, сөзін ал* 'Выбери человека по его делам, а узнав самого,—внемли его словам' и др.

7. Слово и язык свидетельствуют о *собственной неприкосновенности*: *Бас кеспек болса да, тіл кеспек жоқ* 'Отрубать голову можно, но отрезать язык не принято'. Одновременно слово и язык выступают в защиту человека, облагораживают его и оберегают от возможных бед: уйгур. *Тилиңни сән сақлисаң, тилиң сени сақлайду* 'Береги свой язык — он тебя сбережет' и др.

В культовых воззрениях тюркских народов на могучую силу слова и языка есть и другой взгляд, связанный непосредственно с их содержательной стороной и отражающий целый комплекс теонимических представлений.

Как известно, слово (*сөз*) и язык (*тіл*) — это основа речевой деятельности человека, наибольший интерес представляющая в контексте с духовным и социальным развитием той или иной этнической общности [9. С. 72—74].

Семантика слов и словосочетаний, употребляемых древним человеком, всегда согласовывалась с его мироощущением [9. С. 73].

В так называемый магико-мифологический период развития этноязыковых общностей люди глубоко верили в чудодейственную силу слова, они или с благоговением или со страхом говорили о теонимических, мифологических понятиях и усматривали в названиях предметов и явлений нечто таинственное. В силу этой веры любой мог обратиться к верховному божеству *Таңір* (Тангри) и просить, чтобы тот даровал ему, например, достойного наследника или сразил молнией противника, а к *Зәңгібабу* (покровителю рогатого скота), *Ойсылқару* (покровителю верблюдов), *Қамбарату* (покровителю лошадей), *Шопанату* (покровителю овец), *Шекшекату* (покровителю коз) с просьбой оберегать его скот от падежа и других стихийных бедствий; роженица могла слезно умолять покровительницу женщин — *Бибіпатиму* об облегчении ее родов. Родители невесты, обращаясь с просьбой, сопровождавшейся соответствующими ритуальными действиями (подливание масла в огонь и др.), к покровительнице домашнего очага *Ұмай* (или *Ұмай ана*) [10], верили, что она будет благосклонна к ним и поддержит огонь в очаге молодоженов, пошлет им счастье и покой.

Интересно, что в каждой этноязыковой среде культовые слова постепенно становились составной частью ритуальных обрядов. В этом отношении характерен обряд «Бәдік» казахов, сохранявшийся до недавнего прошлого. *Бәдік* [11], по объяснению казахских фольклористов, — это клещка демонического существа злой силы, приносящего человеку или домашнему скоту разные болезни. Избавление больного от этих болезней сопровождалось исполнением обрядовой шуточной песни, пародирующей заклинание баксы [12. С. 92]. Молодежь, собравшись вечером в доме или ауле больного, словами обрядовой песни в шутливой форме просила *Бәдік* покинуть этот аул и уйти восвояси или, в худшем случае, переселиться в соседний аул [13. С. 96]. Вежливая просьба посте-

ленно принимала угрожающий тон, при этом допускалось употребление оскорбительных и даже неприличных слов, якобы обладающих магической силой, перед которой должен был отступать сам *Бәдік*.

Примеры обрастания культовых слов различными местными обрядами и ритуалами можно найти в любом из тюркских языков.

Еще одна сторона проявления культа слова связана с верой далеких предков не только в карающую силу проклятий, заклинаний, причитаний, молитв шаманов, бахши, колдунов, ворожей, народных врачей, знахарей и других представителей культа, но и в защитную, благотворную силу их доброжеланий, благословений. Утвердившиеся в народе слова *қарғыс* 'проклятие', 'зложелание' и *алғыс* 'доброжелание', 'благожелание', будучи олицетворением добра и зла по отношению к человеку, и сейчас наводят на многих страх, — так велика сила традиции! Вера в силу проклятий и зложеланий выработала у людей старшего поколения мгновенную ответную реакцию. Так, например, у казахов на недоброе слово или весть принято тут же отреагировать выражением *тілің тасқа!* (досл.: 'Пусть твое злое слово обернется в камень'), что соответствует русскому «Типун тебе на язык!», или более эмоционально насыщенным *Жағыңс жылан жұмыртқаласын!* (досл.: 'Пусть за такие слова во рту твоём гнездятся змеи!'). Боязнь возможного осуществления одиозного содержания слова в реальности, пожалуй, и здесь.

Говоря о добром слове, мы имеем в виду не только нечто лестное, хвалебное, приятное, сладострастное в нем, но и его глубокое содержание, логичность, находчивость, меткость и образность. Добрые слова, как и в доброжеланиях, отражали этические нормы и нравственные устои того или иного народа. Неудивительно, что лишь одно мудрое слово, кем бы оно не произносилось, могло остановить батыра, ринувшегося на врага с обнаженным клинком.

Слово и по сей день в большом почете у казахов: *Өнер алды — қызыл тіл* 'Вершина искусства — это красноречие', — гласит народная мудрость.

Удивительная возможность самовыражения слова воспринимается носителями языка как нечто живое, многоликое, олицетворяющее самого человека со всеми его положительными и отрицательными чертами. Ср. следующие параллели: *қарапайым адам* 'простой, бесхитростный человек' // *қарапайым сөз* 'простое слово', *байсалды адам* 'солидный, сдержанный человек' // *байсалды сөз* 'обдуманное, сдержанное слово', *дарақы адам* 'беспардонный человек' // *дарақы сөз* 'бахвальство', *қызба адам* 'несдержанный, ретивый человек' // *қызба сөз* 'ретивое слово' и др.

Язык и слово наделяются, казалось бы, самыми невероятными функциями. Так, в стихотворении талантливого казахского поэта К. Салыкова «Бір ауыз сөз» («Лишь несколько слов») — этом своеобразном философском трактате о силе и возможности слова — говорится, что только одно слово, произнесенное человеком, может [14]: «утешить горе», «навлечь на человека неизлечимую болезнь», «прославить его на весь мир», «навсегда опозорить человека», «пронестись над миром как боевой клич», «соединить океаны», «взлететь ввысь птицей счастья», «бессовестно обмануть человека», «достать с неба Венеру», «обласкать человека как родная мать», «сообщить радостную весть о появлении наследника», «поведать о смерти отца», «найти ключ к сердцу», «навести на человека тысячу бед», «прозвучать предсмертным словом прощания»...

И, наконец, с культом слова связаны различные формы словесно-речевых запретов — табу, широко бытовавших не только у тюркских, но и у многих других народов мира, о чем пишут известный английский ученый-социоантрополог Джеймс Фрезер [16] и русский ученый-этнограф Д. К. Зеленина [17]. Огромный языковой материал по табу и эвфемизмам убеждает нас в том, что древние люди, особенно в магико-мифологическом периоде своей истории, совершенно серьезно верили в возможность предотвратить гнев богов и тотемов, обмануть нечистую силу, умиловить святых, задобрить страшного зверя, усмирить и успокоить различные предметы культа путем запрета произносить их наименования и названия [18; 19; 20. С. 51].

У тюркских народов была выработана целая система табуирования. Под табуирование попадали самые различные аспекты религиозно-анимистического, мифологического, астрологического и других верований. Нам хорошо известен, например, ритуал лечения у казахов при укусе змей, когда знахарь-лекарь вступает в «словесное состязание» с укусившей человека змеей, если она была поймана в момент укуса. Смысл этого «состязания» заключается в том, что каждый из «состязающихся» пытается отгадать имя или кличку своего «партнера». «Состязание» заканчивается смертельным исходом для одного из них в тот момент, когда называется чье-то имя, т. е. раскрывается секрет табуирования. Именно поэтому строго запрещалось произносить имя знахаря-лекаря вслух в момент проводимого им сеанса «лечения».

Подобные словесные запреты в прошлом налагались казахами и на наименования хищных зверей и диких птиц, признанных тотемами, а также предметов охоты и ремесла, различных теонимических персонажей (*албасты, шайтан, марту, жезтырнақ, жалмауыз кемпір, пері* и др.), болезней, на названия природных явлений и небесных тел (*нажағай, кемпірқосақ, ай, күн, жұлдыз*) и даже на собственные имена старших из почитаемых людей, что основывалось на общественном этикете.

Время изменило прежнюю остроту потребности в подобном роде речевой деятельности. Тем не менее культ слова не мог исчезнуть из сознания коллектива бесследно: он как реликт далекого исторического прошлого постоянно проявляется то в обычаях и традициях, то в устойчивых словесных выражениях (пословицы, поговорки, фразеологизмы). И изучение этого уникального явления во всем его комплексе совместными усилиями лингвистов и этнографов дало бы, на наш взгляд, весьма ценные сведения, проливающие свет на этнолингвистическую и этнокультурную историю тюркских (шире — алтайских) народов.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Тронский И. М. Из истории античного языкознания // Сов. языкознание. Л., 1936. Т. 2.

² Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1961. Т. 1.

³ Уйгурские примеры приводятся по [4. С. 158].

⁴ Уйгурские пословицы и поговорки/Сост. и пер. Г. Садвакасов и Ш. Кибиров. Алма-Ата, 1978.

⁵ Все казахские примеры приводятся по [6].

⁶ Турманжанов О. Қазақ мақал-мәтелі. Алматы, 1980.

⁷ В тюркских языках *сөз* 'слово' и *тіл* 'язык' или 'речь' довольно часто функционируют как синонимы. Поэтому в составе казахских ПС и поговорок они воспринимаются как семантические дублиеты.

⁸ Данное фразеологическое выражение получило у казахских языковедов двойное толкование: в одном случае компонент *мір* воспринимается как «эмир», а в другом — как «нитка, шнур для нанизывания бус».

⁹ Кучкартаев И. К. Обозначение речевой деятельности в контексте этнокультурного развития // Тез. докл. 29-й сессии ПИАК (Ташкент, сентябрь 1986). М., 1986. Т. 2: Лингвистика.

¹⁰ Этимология *Ұмай* и связанные с нею обряды тюркских и нетюркских народов рассматриваются многими авторами.

¹¹ *Бәдік* в казахском языке имеет несколько значений: 1) болезнь человека или животных; 2) покровитель этой болезни; 3) фольклорный малый жанр — словесное состязание, направленное против болезни *бадик*; 4) дурковатый, ненормальный (о человеке); 5) ненормальное, бессмысленное слово.

¹² Ауэзов М. О. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961.

¹³ Исқақов М. Соқыр сенім және діни ғұрыптар. Алматы, 1968.

¹⁴ Нами приведен сокращенный перевод этого стиха (см.: [15. С. 21]).

¹⁵ Мәдениет және тұрмыс. 1987. № 7.

¹⁶ Frazer J. G. Golden bough. Taboo and the perils of the Soul thīkd edition. London, 1922. P. 2.

¹⁷ Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии: Запреты в домашней жизни // Сб./Музей антропологии и этнографии. Л., 1929. Т. 9, гл. 9.

¹⁸ Самойлович А. Н. Запретные слова казах-киргизской замужней женщины // Живая старина. Пг., 1915. Т. 14, вып. 1—2.

¹⁹ Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания: Учен. зап. ЛГУ. Л., 1961. Вып. 60, № 301.

²⁰ Булаховский Л. А. Введение в языкознание. М., 1958. Ч. 2.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. М. ДЖАВADOV

НЕКОТОРЫЕ СООБРАЖЕНИЯ ПО ПОВОДУ ТОПОНИМА
ГЫЗ ГАЛАСЫ 'ДЕВИЧЬЯ БАШНЯ'

В процессе исторического развития в лексическом, фонетическом и грамматическом строе языка происходят различные изменения. Один или все компоненты словосочетания, образовавшегося в определенный период на основе семантических законов, подвергаются таким семантическим изменениям, что нередко их содержание для современного человека непонятно. В результате появляются неверные толкования слов. Сказанное в равной мере относится и к сочетанию *Гыз галасы*, оба компонента которого претерпели серьезные семантические изменения.

Объекты с названиями *Гыз галасы*, *Гызгала дагы* имеются в Азербайджане, Башкортостане, Туркменистане, Дагестане, в Крыму, Иране. В Азербайджане памятники с названием *Гыз галасы* распространены довольно широко. Они есть, в частности, в Баку, Гяндже, Шемахе, Исмаиллах, Варташене, Ярдымлах, Лерике, Шеки, Кахи, Зангелане и др.

С точки зрения современного языка, в соответствии с семантическим принципом образования словосочетаний слова *гыз* 'девушка' и *гала* 'крепость, башня' сочетаться не могут.

В научной литературе относительно второго компонента словосочетания *гыз галасы* никаких комментариев нет, поскольку считается, что значение слова *гала* само по себе ясно, первый же компонент — *гыз* — объясняется по-разному. Однако все объекты под названием *Гыз галасы* не являются строениями, т. е. крепостями, башнями в современном понимании этого слова. Например, в народе название *Гыз галасы* носит отвесная скала [1. С. 119].

Относительно первого компонента сочетания *Гыз галасы* существуют следующие точки зрения:

1. По мнению Я. А. Пахомова, в Азербайджане башни, названия которых преданы забвению, в народе именовались *Гыз галасы* (см.: [2. С. 141; 3. С. 33]). Остается неясным: почему именно такие башни назывались «девичьими».

2. Согласно легендам, слово *Гыз* относится к упомянутой в «Авесте» богине Анахит. Некоторые авторы пытаются поддержать эту мысль: «Можно думать, что слово „Гыз“, исторически связанное с богиней воды Анахит, а в период средневековья — с защитой дочерей правителей, стабилизировалось в наименовании *Гыз галасы*, став синонимом неприступности» [2. С. 144]. Как видно, современное значение слова переносится в древность. Однако остается нераскрытым значение сочетаний *Гыз дәрәси*, *Гыз көрпүсү*, *гызлар гушу*, не связанных с понятием «богиня воды»;

3. Слово *Гыз* рассматривается как корень глагола *гыздырмаг* 'лихорадить', восходящего в конечном счете к древней форме *гыр* 'огонь'. В таком случае *Гыз галасы* — это сигнальная башня или башня огня [4. С. 249]. Но *Девичьи башни* не были сигнальными башнями, следовательно, это мнение — ошибочное;

4. Слово *Гыз* рассматривается как символ неприступности [5]. Однако по-прежнему неясно, имеет ли это слово такое значение и если имеет, то с чем оно связано;

5. Слово *Гыз* связывают с этнонимом *огуз*. Как считает Р. Хаггы, бакинская *Девичья башня* была построена племенами гоз. Именно поэтому она называлась башней *гоз*; с течением времени это слово превратилось в *гыз* (см.: [2. С. 141]).

Общим недостатком перечисленных версий является то, что в них принимаются во внимание далеко не все сочетания с компонентом *гыз*. В тюркских языках слово *гыз* имеет следующие значения: «дочь», «девочка», «девушка», «дорогой», «драгоценный», «редкий», «скупой» [6. С. 449—450]. Ни одно из перечисленных значений с сочетанием *Гыз галасы* не связано. Возникает уместный вопрос: существовало ли в языке кроме них слово *гыз*? Чтобы ответить на этот вопрос, следует исходить из трех фактов: 1) контекста; 2) форм, близких к слову *гыз* с фонетической и фонетико-грамматической точек зрения; 3) сложных слов и словосочетаний, сохранивших в своем составе слово *гыз*.

Для воссоздания контекста, в котором употреблялось слово *гыз*, необходимо исследовать сочетания с компонентом *гыз* типа *Гыз галасы*, *Гыз көрүсү*, *Гыз дәрәси*, *Гыз јурду*, *Гызлар булагы*, *Гызлар шәһәри* (г. Кизляр), *Гарагыз*, *Гыздаг*, *Гырғыз* и т. д. Все эти топонимы обозначают объекты, расположенные в горной местности, и связаны с понятием «гора»: «При изучении географического положения этих башен на территории Азербайджана нетрудно заметить, что они сооружены в основном на высоких горах и холмах вблизи моря и рек» [2. С. 140]. Так, бакинская *Девичья башня* была построена в крепости недалеко от Каспийского моря на мощной скале [3. С. 5].

Приведем еще несколько примеров:

«Башня, расположенная на берегу реки Шамхор в семи километрах от села Союдлу Кедабекского района, на труднодоступной скале, известна в народе как *Гыз галасы*» [7. С. 132].

«В окрестностях села Халафлы Джебраильского района на берегу реки Араз на высокой скале была возведена „Гызгаласы“» [7. С. 132], «на северо-западе Исмаиллинского района в селе Ханагах, расположенном в девяти километрах от райцентра, на берегу реки Ахохчай, на вершине горы возвышается „Гызгаласы“» [8. С. 138].

«*Гыз дәрәси* — мы поднимаемся к роднику Галей, в ложину ој (ов), находящуюся на вершине гор. Ее иногда называют *Гыздәрәси*» [9. С. 90].

«*Гыз јурду* — одна из самых высоких вершин в горной цепи Талышских гор» [10. С. 162].

«*Йетыкыз* — горная гряда в тюркском Китаг» [11. С. 101].

Гарагыз, *Гыздаг*, *Гырғыз* — названия гор в Азербайджане. Топоним *Гырғыз* в настоящее время употребляется в форме *Гырхғыз*.

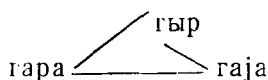
Птица, обитающая в горных и предгорных районах, называется *гызлар гушу* 'шурка'.

Учитывая тот факт, что объекты, названия которых содержат компонент *Гыз*, находятся в горной местности или связаны с понятием «гора», необходимо исследовать все средства, которыми он выражается.

Как известно, в тюркских языках понятие «гора» передается словами *дағ, тағ, дақ, тоғ, тау, тав, туу, тоо, туу* и другими словами, вернее, вариантами одного слова. В узбекском языке наряду со словом *тоғ* употребляется и *тепа*, в гагаузском — *бајыр*, в якутском — *хайа, сыыр*, в алтайском — как *куу*, так и *кыр*. «В алтайском языке слово „кыр“ обозначает: 1) гора, горный хребет, возвышенность; 2) грань» [12. С. 66]: *кыр өрө* 'в гору', *кыр төмөн* 'под гору', *кырга чыгар* 'идти в гору' [13. С. 111]; *көлдүн арыянында кыр көдүрилип турды* 'за озером возвышалась гора' [13. С. 63].

В тувинском языке слово *кыр* означает «верх, поверхность, возвышенность», *чер кыры* — «поверхность земли» [12. С. 66].

В азербайджанском языке слово *гара*, употребляемое в значении «величие, величество», также связано с понятием «гора». Слова *кыр, гара, гаја*, служащие средствами выражения указанного понятия, составляют своеобразный треугольник:

Слово *гыр* имеет фонетические варианты: *гар→гор—гур→гыр*. На основе перехода согласных *р→з* возникают варианты *газ—гоз—гуз—гыз*. Таким образом, прослеживается следующий путь эволюции архетипа этого слова:

гар—гор—гур—гыр,
газ—гоз—гуз—гыз.

С помощью аффикса *-а* образуются одинаковые или близкие по значению слова *гоз—гоза, ком—кома* и др.

На основе приведенных фонетических вариантов могут появиться также фонетические и грамматические варианты типа: *гар-а, гор-а, гур-а, гыр-а, гуз-а, гај-а, гал-а*.

Варианты, сформировавшиеся на основе слов, составляющих вышеуказанный треугольник, можно сгруппировать следующим образом:

<i>гар—гор—гур—гыр</i>	<i>гара—гора—гыра</i>
<i>газ—гоз—гуз—гыз</i>	<i>гуза—гаја—гала</i>

Все перечисленные фонетические и грамматические варианты в тюркских языках употреблялись в древности для выражения понятия «гора». С появлением фонетических вариантов слова *дағ* одна часть вышла из употребления, другая же семантически изменилась.

По мнению специалистов, употребляющееся в современных тюркских языках слово *дағ/тағ* выражало понятие «лес». «Дағ //даа относится к древним тюркским наименованиям, когда название леса имело непосредственное отношение к названию горы, т. е. этим словом обозначалась гора, на которой рос лес. Караимское г. и крымско-татарское *дағ* „лес“, как и гагаузское *даа*, отражает весьма древнее состояние, когда оно обозначало прежде всего лес, растущий на горе» [14. С. 22].

«Можно полагать, что якутское *тыа* свое значение „лес“ имело, как показывают параллели, с древних времен, обозначая лес, растущий, возможно, на гористых местах. В последующем *тағ* дифференцировало свое значение в одних языках в значении „гора“, в других — на „лес“» [15. С. 18].

Слово *дағ* имеет следующие значения: 1) гора, 2) лес, 3) верховье, 4) север, 5) дикая глухая местность [16. С. 117—118]. Слово *тайга*

тоже происходит от слова *таг*. Отсюда следует, что, до того как слово *таг* и его варианты стали выражать понятие «гора», данное понятие передавалось каким-то другим словом или вариантами. Можно логически предположить, что это было слово *гыр* и его варианты.

Наглядным свидетельством тому служат нижеследующие оронимы, этнонимы, антропонимы, топонимы и другие слова:

Гар—гарлук—тюркский народ, живший между Алтаем и Иртышом [17. С. 98], в связи с чем он получил название *карлук* 'горный'.

Шонгар (птица, обитающая в горах Азербайджана), *шон* 'птица', *гар* 'гора', *Гошгар* (название горы), *Гархан* — мужское имя.

Гор—Горган (название горной местности в Азербайджане); *Горган*, *Горанбой* (топоним), *Горгут* — личное имя. Употребляющееся в русском языке слово *коршун* относят к тюркским заимствованиям [18. С. 17]. Это слово является вариантом слова *шонгар*.

Гур — Кенгур (название горы в Азербайджане) 'далекая гора'. *Гурган* (Узбекистан). Повтор слов создает значение множественности. Поэтому горная гряда в Керкюке (Ирак) называется *Гургур* (аналогично — *Гаргар* в Закавказье).

Гыр—Гырдаг (название горы).

Газ — Газгумлаг, Газанбулаг (названия сел в Азербайджане).

Гоз — гоз-гоз данышмаг 'говорить на повышенных тонах', *гозбел* 'горбун'. Слово *гозбел* в азербайджанском языке и *горбун* в русском языке произошли от одного корня. В обоих случаях исходной является одна и та же основа—*гор*, *гоз* 'гор' и одно и то же понятие.

В тувинском слове *күдүгур* 'горбатый', *гур*, надо полагать, имеет значение «гор» [19. С. 108]. В горных районах Азербайджана большинство гидронимов образовано при участии форманта *гоз*: *Гозлар булагы* (Кахский р-н), *Гозлу булаг* (Шекинский р-н).

Гуз — Гуздаг (название горы), *Гузанлы* (название местности), *Гузгышлаг* (название гористой местности).

Гыз — Гыз галасы, Гыз көрпүсү, Гызлар јурду (Азербайджанская Республика), *Гызлар—Кизляр* (Дагестан), *Гыздаг* (название горы в Азербайджане), *Јулангыз* (Туркменистан), *Једдигыз* (название горы в Китае), *Гызбан* (ящерица, обитающая на территории Азербайджана), *Гызлар гушу* (Азербайджан); *Гызкала тауа* (Башкортостан); *Гызлар саһили*, *Гызлар булагы* (Азербайджанская Республика).

Гара — Гарахан (мужское имя), *Гарагуш* (название птицы).

Гора — Кечэл гора (название горы).

Гала — данное слово, связываемое с понятием «гора», ошибочно считают арабским заимствованием. В словаре В. Радлова слова *кала*, *кал*'а даются как разные слова [20. С. 224]. По мнению специалистов, в хазарском языке слово *кал*, *ке* означало «крепость» [21. С. 5]. Отсюда и возникло *кал*-а. В азербайджанском фольклоре слова *гала* и *даг* употребляются как синонимы: *Фит галасы*, или *Фитдагы*, находятся на территории Шемахинского р-на [1. С. 152].

Гуза=Бөјүкгуза, Кичикгуза (названия гор в Азербайджане).

Гаја — это слово, встречающееся в большинстве тюркских языков в значении «скала», имело и другое значение — «гора», в чем можно убедиться на примере якутского языка. Употребляющееся же в современном языке слово *даш* имеет значение «скала».

Выражение *даш гајаја раст кэлиб* (букв.: 'камень встретил скалу') можно рассматривать как *гаја дага раст кэлиб* (букв.: 'скала встретилась с горой').

Архаичные средства выражения понятия «гора» не исследовались, что и послужило причиной появления ошибочных мнений.

Компонент *гар* в слове *кангар*, используемом в одном из исторических трудов в значении «темная гора», объясняется так: «слово „гар“ в значении „гора“ сохранилось в тюркской топонимии. По мнению исследователей, данное слово — индоевропейского происхождения» [22. С. 58]. Остается неясным, в каком именно индоевропейском языке оно употреблялось или употребляется и каким образом слово, свойственное индоевропейским языкам, получило широкое распространение в тюркской топонимии. Из этого следует, что исследователи, отметив употребление данного слова в значении «гора», не смогли объяснить его отнесенность к тюркским языкам.

В лингвистической литературе особенно много споров вызывает слово «газ». И это не случайно, ибо по сравнению с другими вариантами данное слово является более распространенным. На территории Азербайджана, в азербайджанском фольклоре засвидетельствовано множество названий, связанных с этим корнем: *Газлыг*, *Газан*, *Газан булаг*, *Газанлы*, *Газјан*, *Газзумлаг*, *Газан көл*, *Газанзэми*, *Газандаг*, *Газанчы*, *Газанучан*, *Газандэрэ* и другие; в дастане «Китаби Деде Коргуд» — *Газанхан*, *Газлыг гоча*, *Газлыг дагы* и др. В этом произведении девушки часто сравниваются с *газ*, дочь Афрасияба также называли *Газ*. Корень *газ*, лежащий в основе этих слов, связывают либо с названием племени, либо с глаголом *газ* 'рыть'.

Азербайджанский языковед А. Демирчизаде компонент *газ* в составе топонима *Гафгаз* соотносит с этнонимом *гас* [23. С. 35]. Однако такое разъяснение вовсе не объясняет причины употребления этого слова в форме *Гафдагы* как в письменной литературе, так и в устной речи.

По-разному объясняется и полисиним *Казань* (см.: [24. С. 34—43]). Некоторые ученые связывают его с названием племени. Мы разделяем точку зрения М. З. Закиева, согласно которой в основе названий *Казан*, *Казар*, *Каспи*, *Казбик*, *Кавказ* лежит корень *каз* в значении «гора», «скала» [24. С. 41]. Существующий в северо-восточной Туве топоним *Газуруг* толкуется как «невысокая гора» [25. С. 22]. Автор же разъясняет это слово как «слой грязи», а между тем первый компонент данного слова имеет значение «гора», а второй — «маленький».

Аналогично можно объяснить и топонимы *Газуруг*→*Казган*→*Гурган*→*Горган*→*Галаган*→*Гораган*. Слово *уруг* в тувинском языке означает «маленький, мелкий» [26. С. 45]. *Ган* в монгольском и тюркских языках является показателем диминутива. Его связывают с показателем диминутива *Кан* (В. Банг), тождественным с монгольским *каг* и тунгусским *кан*, выступающими в той же функции (Г. Рамстедт) [27. С. 94].

Н. Н. Попле считает, что *altaqan* — это уменьшительное слово на *qan* от *altan* [28. С. 97].

В казахском языке употребляются синонимичные формы на *кан*, *шыг* (*чыг*): *ботакан*, *боташыг* 'верблюжонок' — уменьшительно-ласкательные формы от слова *бота* 'верблюд' [29. С. 6].

В азербайджанской топонимии встречаются топонимы *Галаган* (Хачмасский р-н) и *Галачыг* (Исмаиллинский р-н).

Итак, слова *казуруг*—*гарган*—*гурган*—*горган*—*галаган*—*гораган* имеют значение «гористая местность; холмик, горка».

На территории Азербайджана имеются объекты, названия которых содержат компонент *газ*. При анализе этих топонимов порой допускаются неточности. Так, название с. *Газзумлаг* было написано как *Газы-гумлаг* и разъяснено следующим образом: *Газы* 'духовное лицо', *гум-*

лаг 'песчаный'. Непонятно, какая семантическая связь может быть между духовным лицом и песчаным местом? [30. С. 78]. На самом же деле компонент *газ* имеет значение «высокий».

Слова *гыз, газ, гуз, гур* безосновательно связываются со словом *огуз*, этноним *гыргыз* объясняется как «красный огуз, южный огуз» [31. С. 92—93], *гыз дәрәси* — «ущелье огузов» [9. С. 90], *мургуз канди* — «огузское село» [32. С. 18]. Языковые факты, подтверждающие переход слова *огуз* в *газ, гуз, гыз, гур*, отсутствуют. Научному миру известно множество вариантов «Огуз-наме», но «гуз-наме», «гыз-наме», «газ-наме» неизвестны. Ни в одном письменном памятнике не встречается вариант *гуз* от слова *огуз*.

Все приведенные примеры связаны с понятием «гора». *Гыргыз* 'горная страна'; *Гыз дәрәси* получило свое название по той причине, что находится на вершине горы. Связь названия с. Мургуз с горой, а не с огузами очевидна (об этом свидетельствует и толкование данного названия). Указанное село расположено у подножия горы *Гырлар*. Существует также ороним *Готургуз* → *готурдаг*. Если *готургуз* разъясняется как «тридцать огузов» [33], то сколько же огузов подразумевают названия *Кенгуз, Гурган*? Связывать слово *гыз* со словом *огуз* также неправомерно. В таком случае *гызларгушу* 'огузская птица' и существующий в Туркменистане топоним *Илангыз* следовало бы толковать как «змея огуз». Азербайджанским эквивалентом вышеназванного топонима *Илангыз* является *Иландаг*. Слово *гуз* и его варианты, скорее всего, есть результат стремления иноязычных народов, и в первую очередь арабов, произносить слово *огуз* в более доступной для них форме. *Гуз*, являющееся искаженной формой слова *огуз*, значение которого в тюркских языках не имеет объяснения, отождествлено с тюркским словом *гуз*.

В «Огуз-наме» употребляется пословица *Гуз горхусуз олмаз* [34. С. 149]. Слово *гуз* объясняют как «огуз», а все предложение в целом рассматривают как характеристику психологии огузов [34. С. 15]. Между тем ни о какой психологии огузов здесь речь не идет. Эта пословица представляет собой огузский вариант азербайджанской пословицы типа: *дәрә чаггалсыз олмаз, мешә ајысыз олмаз*, кумыкской *орман гийиксиз болмас*, т. е. ее следует понимать так: «В горах не без опасностей», или: «В горах в любой момент можно столкнуться с трудностями, опасностями».

Варианты *гар, гор, гуз, гоз* связывались со словом *гор*, означавшим «огонь», соответственно *Гархан, Горхан* [35. С. 16]; топонимы *горан, горанбој* [36. С. 72—73] — с понятием «огонь». Имя же *Горгут* разъяснялось как *Одбәхт*: *од* 'огонь', *бәхт* 'судьба' [37. С. 143]. У тюркоязычных племен слово *од* 'огонь' никогда не являлось компонентом личных имен, т. е. в тюркских языках не было и нет личных имен, связанных с понятием «огонь», предположение в них отдавалось понятию *даг* 'гора'. Возникла система личных имен, некоторые из которых употребляются и в настоящее время: *Газ—Гор—Горхан—Газхан—Гозхан—Гырхан—Газбәј—Гара—Гарахан—Галабәј—Дагбәј*.

Дочь Афрасияба носила имя *Газ*, связанное с понятием «гора» [6. С. 439]. *Гор* также является личным именем [38. С. 51].

Относительно личного имени *Горгут* мнения высказываются самые разные. Одни считают, что компоненты этого имени имеют следующие значения: *гор* 'огонь', *гут* 'судьба'. На самом деле между ними никакой семантической связи нет. Говоря о чьей-то судьбе, можно сказать: *Онун јахшы бәхти вар* — букв.: 'У него хорошая судьба'. Но сочетание *бәхти оддур*, т. е. 'у него огненная судьба', в азербайджанском языке не встречается. Оно есть следствие неверного толкования имени *Гор-*

гут. В строгом соответствии с принципом, личные имена образуются в результате обособления общеупотребительных слов. Если в языке нет сочетания «огненная судьба», то, естественно, не может быть и такого имени.

В систему личных имен, связанных с понятием «гора», входят и названия птиц: *горгут—гарагуш—гартал—шонгар—коршун*. Из этих названий *Шонгар* (*Шонгор*) и *Горгут* употребляются и как личные имена. На Алтае *Шонкор* 'сокол' [39. С. 66], в азербайджанском дастане *Горгут* («Китаби-Деде Горгут») — личные имена. Оба они состоят из двух компонентов: *гор* и *птица*: *шон*, *гут* 'птица', *гор* 'гор'. Имя *Горгут*, как и личные имена *Лачин* — *лачын* 'сокол', *Марал* — *марал* 'олень', *Чејран* — *чејран* 'джейран, газель', образовалось в результате обособления названия птицы: *горгут* 'горная птица (сокол)'. Известно, что отца деда Коркуда звали *Гармыш* или *Гырмыш* [9. С. 109]. Оба имени связаны с понятием «гора». Вариант слова *гуш* 'птица' — *гут/кут* можно встретить в составе слов *бергут*, *донгут*, *кута*, *кутан*. Слово *гут* прошло следующий путь развития: *гут—гус—гуш*.

Варианты имени *Горгут→Гаргут*, *Гыргут* и других также связаны с горой. По мнению ученых, существовало несколько личностей с именем *Горгут* [9. С. 116]. Следовательно, это имя не является вымышленным. Оно широко распространено среди тюркских племен. Имя носит один из героев конкретного литературного произведения.

В тюркских языках названия *гср* как система оронимов не изучались. Анализ ряда топонимов показал, что первоначальная и поздняя формы определенных топонимов сохраняются в языке и употребляются параллельно: *Кечэлгар—Кечэлдаг*, *Гафгаз—Гафдагы*, *Гарагыз—Гарадаг*, *Готургыр—Готурдаг*, *Дивгала—Дивдаг*, *Донузгала—Донуздаг* и т. д.

Аналогично разъясняется и имя *Горгут*. В газете «Правда» от 4 ноября 1986 г. была помещена фотография 107-летнего алтайца по имени *Дэдэ Горгуш* 'дедушка Горгуш Туткушаков'. Имя, некогда употреблявшееся как *Горгут*, в настоящее время приняло форму *Горгуш*. Предположение, что слово *Горгут* имеет значение «огненная судьба» [37. С. 143] или *горгунч* [9. С. 112], не оправдало себя. Для доказательства того, что данное слово означает понятие «горная птица», достаточно привести следующий факт: в дастане «Китаби Деде Коркуд» читаем: *Дирсэхан Горгут синирли гаты јајын элинэ алды*. Составитель книги комментирует это предложение так: «Метафорическое выражение „горгут синирли“ относится не к слову „јај“, а к Дирсе-хану, т. е. имеется в виду, что он очень „свирепый“» [40. С. 135]. Такое объяснение в принципе неверно. Предложение построено правильно, и выражение *горгут синирли* относится именно к слову *јај* 'лук'. Составителя сбilo с толку слово *синир*, являющееся в современном азербайджанском языке дублетом слова *эсэб* 'нервный'. В древности же оно имело несколько значений: *синир* 'жила' (кровеносный сосуд, сухожилие, нерв) [6. С. 500]. Следовательно, *синир* употреблялось в значении «кровеносный сосуд, вена». Слово *дамар* было многозначным и имело следующие значения: «вена», «нерв», «сухожилие», «кожаный шнурок», «мышца», «мускул». В современном же азербайджанском языке сохранилось лишь одно из этих значений — *синир* 'нерв'.

Шнурки, изготовленные из сухожилий, также назывались *синир*. Отсюда и глагол *синирләмэк*, который в вышеприведенном предложении может относиться лишь к слову *јај*. *Синирләмэк* 'прикреплять тетиву': *Ol јasin sinirlädi* 'Он прикрепил к луку тетиву' [6. С. 501]. В данном контексте слово *синир* переводится как «тетива из сухожилия».

Следовательно, оно относится к слову *jaĵ* 'лук'. *Горгут* в том же контексте — это не личное имя. Оно имеет значение «горная птица» и служит образным средством сравнения тетивы с птицей.

С появлением в языке новых вариантов слова *даг* варианты слова *газ* вышли из употребления. Слова же *гала*, *гаја* приобрели новые значения, так же, как *газ* и *гыз*, которые иногда стали употребляться в значении «высота, возвышенность, вершина». Вместе с тем наблюдается параллельное употребление в языке как первоначальных, так и новых значений. Рассмотрим конкретные факты на примере слова *гыз*.

Первоначальное значение

гыргыз
гарагыз
једдигыз
гызлар (кизляр)

Новое значение

гыздаг
гыз јурду
гыз дарэси
гыз гушу
гызлар көрүсү
гызлар булагы

В связи с тем, что архаичные средства выражения понятия «гора» приобрели новые значения, слова, передающие это понятие, употребляются параллельно:

гыргыз
гуздаг
гыздаг
гызгала и т. д.

Еще в древности крепости-башни воздвигались на вершинах гор, холмов. Такие крепости древние греки называли акрополем. В древнегреческом языке слово *акро* в определенных сочетаниях имело значение «возвышенность, высота, вершина, гористая местность, нахождение в горах», слово же *пол* — «крепость» [41. С. 71].

Слово *акрополь* состоит из двух частей: *акро* 'высота, возвышенность, верх', *поль* 'крепость'. Следовательно, оно имеет значение «крепость, построенная на вершине». Сочетание *гызгала* также включает в себя два компонента: *гыз* 'гора, вершина', *гала* 'крепость', т. е. *Гызгала* — это «горная крепость». Как видим, между словами *гызгала* и *акрополь* имеется как семантическое, так и грамматическое тождество, они — кальки друг друга.

Перевод же сочетания *гызгала* в значении «девичья башня», «галеји-духтэр» и других, а также порождение множества легенд вокруг этого сочетания произошли на последующих этапах.

Итак, *Гызгала* переводится как «горная крепость», «акрополь». Добавим также, что слово *акр* путем метатезы можно превратить в слово *кар*, которое означает «гора». Употребление в русском языке вариантов *гор*—*гора* и утрата в тюркских языках вариантов слова *гыз* порождает традиционный вопрос: перешли ли варианты этого слова из тюркских языков в индоевропейские или наоборот?

Согласно общезыковой теории, употребление в разносистемных языках одних и тех же слов — вполне естественное явление. Например:

Азербайджанский язык

гор 'огонь'
горланмаг
од 'огонь'
гуш
гор

Русский язык

'горелка'
'гореть'
'ад'
'гусь'
'гор'

гора
көшә

'гора'
'кожа' [42. С. 23, 26].

Если слова *гор*, *гора* в русском языке — самостоятельные лексические единицы, то в азербайджанском языке они встречаются в определенных составах архаического значения: *кечәлгора*, *горган*, *горхан*, *горгут* и т. д. Самостоятельная лексическая единица *гор* 'огонь' азербайджанского языка в русском языке сохранилась в словах *гореть*, *горелка* и т. д. Однако фонетические варианты слова *гыз* ни в одном из индоевропейских языков не получили такого развития, как в тюркских. С другой стороны, словообразование с участием *а* свойственно только тюркским языкам.

Время и цель возведения крепостей и башен никак не связаны с вышеизложенным. Крепости и башни, построенные на вершине горы, холма, традиционно именовались *Гыз галасы* (акрополь).

ЛИТЕРАТУРА

1. Эфсанәләр. Бақы, 1986.
2. Джидди Г., Джидди Н. Районы распространения «Девичьих башен (гыз галасы)» и исторические корни этого названия // *Азәрбајҹан мадди мәдәнијјәти*. Бақы, 1980. 10 ч.
3. Исмизадә Ә. Ш., Чидди Н. Ә. Бақы Гыз галасы. Бақы, 1968.
4. Алиев К. Г. К вопросу античной и современной ономастики Азербайджана // *Азәрбајҹан ономастикасы проблемләри*. Бақы, 1988.
5. Фәрзәли Ә. Бақынын сөзлү дашлары // «Азәрбајҹан кәнчләри» гәз. 1987. 12 апрел.
6. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
7. Саламзаде А. В., Алиев Н. А., Миралиев У. Б. Об изучении «намерд гала» в Кедабекском районе и «гыз галасы» в Джебраильском районе // *Изв. АН АзССР. Сер. лит., яз. и искусства*. 1980. № 1.
8. Гиҹасы Ч. Ә., Османов Ф. Л. Азәрбајҹан мұдафиә тикинтиләринин ики абидәси һаггында // *Азәрб. ССР ЕА Хәбәрләри. ӘДИ серијасы*. 1980. № 1.
9. Анар. Дәдә Горгуд дүнјасы // «Азәрбајҹан» журн. 1985. № 11.
10. Азәрбајҹан Совет енциклопедијасы. Бақы, 1979. 3 ч.
11. Успенский Л. Загадки топонимики. М., 1969.
12. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков: Лексика. М., 1963.
13. Русско-алтайский словарь. М., 1964.
14. Мусаев К. М. Лексикология тюркских языков. М., 1984.
15. Антонов А. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1971.
16. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1980.
17. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. Л., 1953.
18. Сетаров Д. С. Тюркские лексические элементы в русских названиях птиц // *Сов. тюркология*. 1983. № 3.
19. Русско-тувинский словарь. М., 1953.
20. Радлов В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1809. Т. 2, ч. 1.
21. Плетнева С. А. Хазары. М., 1986.
22. Лусифов Ј. Б., Кәримов С. К. Топонимиканын әсаслары. Бақы, 1987.
23. Дәмирчизадә Ә. 50 сөз. Бақы, 1988.
24. Саттаров Г. Ф. Происхождение полисинима «Казань» // *Сов. тюркология*. 1985. № 5.
25. Татаринцев Б. И. Местные географические термины северо-восточной Тувы // *Сов. тюркология*. 1977. № 5.
26. Исхаков Ф. Г. Тувинский язык. М.; Л., 1957.
27. Левинская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976.
28. Поппе Н. Н. Золотоордынская рукопись на берегу // *Сов. востоковедение*. М.; Л., 1941. Т. 2.
29. Кайдаров А. Т. Инструкция по составлению казахско-русского словаря. Алма-Ата, 1986.

30. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР. М., 1971.
31. Баскаков Н. А. К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз» // Сов. этнография. 1964. № 2.
32. Әлијев В., Бағыров И. Гәдим Суник (Висакан) вилајәтинин бә'зи этнотопонимләр // «Елм вә һәјат» журн. 1987. № 5.
33. Һаңыјев Т. Тарихимизи јашадан адлар // «Әдәбијјат вә Инчәсәнәт» гәз. 1987. 9 јанвар.
34. Оғузнамә. Бақы, 1987.
35. Сејидов М. Дәдә Горгуд Гәһрәманларынын көкүнү дүшүнәркән // «Елм вә һәјат» журн. 1987. № 10.
36. Мәшәдијев Г. Азәрбајҹанын бә'зи палетопонимләринин етимологији тәһлили // Азәрб. ССР ЕА Хәбәрләри. ӘДИ серијасы. 1982. № 1.
37. Сејидов М. Азәрбајҹан мифик тәфәккүрүнүн гәјнағлары. Бақы, 1983.
38. Гукасјан В. Азәрбајҹан дилинин тәһәккүл тарихинә даир // Азәрбајҹан филологијасы мәсәләләри. Бақы, 1983.
39. Шатинова Н. И. К истории алтайских имен // Этнография имен. М., 1971.
40. Китаби-Дәдә Горгуд. Бақы, 1988.
41. Древнегреческо-русский словарь. М., 1959. Т. 1.
42. Касумбейли Г. По поводу одной этимологизации у Потебни // Тр. Ин-т яз. Баку, 1947. Т. 1.

М. С. ФОМКИН

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ РЕЛИГИОЗНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО В САМОСОЗНАНИИ АНАТОЛИЙСКИХ ТЮРКОВ В XIII—XV ВЕКАХ

В последнее время плодотворно развивается тезис о наличии и заметной активизации этнического самосознания у анатолийских турков XIII—XV вв. [1—3]. В данной статье нами приводится ряд дополнительных соображений, связанных с религиозным аспектом рассматриваемой проблемы.

Принято считать, что ислам «душил зачатки национального самосознания как у турок, так и у других мусульманских народов» [4. С. 167]. Согласно Дж. К. Мак-Коану, во второй половине XIX в. у турков «национальное самосознание было подчинено религиозному: подданный Османской империи редко называл себя турком или хотя бы османцем, но всегда мусульманином» [5. С. 119]. Подобное мнение нашло свое отражение, в частности, в турецкой художественной литературе. В романе турецкого писателя Якуба Кадри Караосманоглу «Чужак» («Yabancı») приехавший из Стамбула в анатолийскую деревню в начале 20-х годов этого столетия интеллигент пытался уверить своего собеседника-крестьянина, что тот — турок, и получил такой ответ: «Biz türk değiliz ki, beyim. — Ya nesiniz? — Biz Islâmız, elhamdülillah» 'Мы ведь не турки, сударь. — А кто же вы? — Мы мусульмане, хвала Аллаху!' [6. С. 138]. Писатель верно подметил отсутствие отчетливо выраженного национального самосознания у турецких крестьян даже в XX в.; для них понятнее и ближе была принадлежность к религиозной — исламской — общине (cemaat-i islâm).

Современные турецкие ученые также видят главную причину долгого отсутствия национального самосознания (или, по выражению А. Кабаклы, «идеи национализма») у турков-мусульман в том, что последними понятия «государство» и «нация» всегда связывались с традиционной идеей об умме — религиозной общине, к которой ислам относит всех мусульман без различия их этнической (национальной) принадлежности. В соответствии с этой идеей все мусульмане составляют уммат ан-наби — народ пророка. Сам же пророк Мухаммед, как известно, проклял тех, кто поднимает вопрос о родовой принадлежности, ибо это вредило идее братства религиозной общины [7. С. 71].

Суфизм (исламский мистицизм) также в определенной мере способствовал удалению из духовной жизни турецкого общества этнических (национальных) идей, поскольку он предписывал «смотреть на всех людей одинаковыми глазами» [7. С. 71].

Отсутствие этнического (национального) самосознания, в частности у турецкой феодальной знати, проявляется, на наш взгляд, и в том,

что ее язык — «одно из важнейших объективных свойств этнической общности» [8. С. 99] — утратил в известный период свою чистоту, свое национальное своеобразие. Начиная с XVI в. языком турецкой феодальной верхушки стал так называемый «фасих тюркче» — «изящный турецкий язык», оторванный во всех своих жанровых проявлениях от народно-разговорного языка [9. С. 266]. Указанный факт представители турецкой интеллигенции начала XX в. считают следствием влияния именно ислама. Так, турецкий общественный деятель А. Хикмет полагал, что свою национальную чистоту турецкий язык утратил во многом из-за распространения в Турции двух самых, по его словам, «вредных» в этом отношении мусульманских сочинений: Корана (благодаря ему образованные османцы сроднились с арабской лексикой) и причисляемого к священным книгам «Месневи-и маневи» («Поэмы о скрытом смысле») Джалаледдина Руми. Влиянием последнего — этого «Персидского Корана» — А. Хикмет объяснял обилие персидских слов в турецком языке [10. С. 291—292]. Хотя приведенное суждение далеко от научной объективности, оно отражает тесную взаимосвязь трех реалий общественного бытия: господствующей религии, национального самосознания и национальной чистоты языка (см.: [11]).

Заметим, идею о том, что общая религия подавляет в своих носителях этническое самосознание, раньше других с гениальной проницательностью устами одного из своих персонажей высказал Ф. М. Достоевский: «Никогда еще не было, чтобы у всех или многих народов был один общий бог, но всегда и у каждого был особый. Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими» [12. С. 265]. В свою очередь, развивавшаяся с течением времени в Османском государстве идея империи в особенности не могла быть связана с идеей национальной, поскольку в любой империи проживают люди разных национальностей. И тем не менее факты, приведенные, в частности, в названных работах К. А. Жукова, свидетельствуют о том, что в средневековой Турции тюркское этническое самосознание существовало и достаточно отчетливо проявляло себя.

Таким образом, возникает определенное противоречие между рассматриваемым тезисом и положением о том, что ислам подавлял этническое самосознание тюрков. Для выяснения в доступных нам пределах истины обратимся к другой по своему качеству группе фактов. В своей совокупности эти факты показывают, что полностью затормозить развитие турецкого этнического самосознания ислам (а точнее — турецкий ислам) не смог. Недаром В. Д. Смирнов возражал тем, кто придавал влиянию ислама на историю турок решающее значение: «Нет никакого сомнения в том, что ислам в значительной дозе проник во все отрасли государственно-общественного устройства Турции... Но, с другой стороны, ошибочно считать Турцию и представительницею чистого, правоверного мусульманства, в смысле живого воплощения того учения, которое возникло совсем на иной почве, аравийской, проповедано устами Мухаммеда и ближайших его друзей-последователей» [13. С. 192].

Весьма показателен в связи со сказанным и вывод историков-арабистов о том, что «в составе Османской империи арабы в течение 400 лет испытывали на себе тяготы этнического неравноправия в условиях преобладания во всех сферах жизни турецкого элемента» [14. С. 109].

Возвращаясь к особенностям религиозной ситуации в Анатолии, надо признать, что анатолийские турки в XIII—XV вв. были «плохими» мусульманами, и едва ли можно говорить о преобладании у них конфес-

сионального сознания над этническим в тот период. Остановимся на этом положении — вследствие его важности — подробнее.

В. А. Гордлевский на фактическом материале соответствующих источников убедительно показал, что, хотя Сельджукиды приняли ислам еще в Мавераннахре, в Малой Азии у них еще долго сохранялись старые, домусульманские навыки, и было бы неправильно смотреть на Сельджукидов как на оплот ислама, как на воинствующих борцов за веру: религиозный фанатизм был им чужд. Официально Сельджукиды были суннитами и потому соблюдали предписания мусульманской веры. Однако велений религии придерживались только двор и феодалы, народная масса к исламу была равнодушна. Даже вожди тюркских племен воспринимали мусульманские обряды как нечто постороннее, несколько их не касающееся. Население городов, занятых Сельджукидами, переходило в ислам, как правило, ради спасения жизни и сохранения социального положения, бессознательно придерживаясь при этом старых верований. Огузы, о которых сообщает Ибн Фадлан, в X в. были язычниками, однако и в начале XIII в. представитель огузской аристократии все так же сохранял доисламские (шаманистические) воззрения на святость земли [15. С. 197—199].

Турецкий ученый О. Туран на основе анализа хроники Аксарайлы «Мюсамерет уль-ахбар» («Вечер новостей») считает, что исламизация тюрков в Малой Азии наталкивалась на сопротивление со стороны национальных культурных и религиозных воззрений. Кочевники Анатолии, отмечает О. Туран, хотя и считали себя мусульманами и воевали за ислам, тем не менее не желали принимать ни жестких правил мусульманства, ни мусульманской государственной системы [16. С. 7, 9]. Имея в виду сильно возросшую в XIII в. роль тюрков-кочевников в политической жизни Малой Азии [17. С. 16], можно, видимо, говорить и об усилении антимусульманских настроений в Анатолии того периода.

Одним из ярких проявлений такого нежелания анатолийских тюрков XIII—XV вв. приносить в жертву исламу собственные, связанные с национальными особенностями традиции является наличие у них в течение долгого времени двух имен: нового — мусульманского и старого — родового или племенного прозвища. Сохранение последнего — это, несомненно, актуализация исконно тюркского мировоззрения, закрепленного, в частности, в тюркском эпосе «Манас». Яркой особенностью этого мировоззрения является отношение к своей родословной как к большой, социально-значимой ценности, а следовательно, верность своему роду и своему родовому имени. Проиллюстрируем это несколькими примерами из текста эпоса.

Так, еще мальчиком Манас обращается к отцу с вопросом:

Сказав: «Откуда ты ведешь свой род?»

Сказав: «О своей родословной расскажи,

От кого пошел твой род?

Всех перечисли, (о них) расскажи», —

Мальчик расспрашивал о родословной своей,

Стоял и растерянно смотрел Джакып.

Расспрашивал мальчик о предках своих...

[18. С. 295, ст. 3693—3699].

Отца Манаса, Джакыпа, при встрече первым делом спрашивают:

«...Из какого рода-племени ты?

Скажи ты теперь о происхождении своем...»

[18. С. 349, ст. 6229—6230].

То же самое делает сам Джакып, повстречавшись со своими врагами:

Тогда Джакып заговорил,
Не зная, что делать, громко сказал:

«А ваше звание-прозвище как?

Кто ваша родня по отцу?

Кто со стороны матери вам родня?

Из какого рода-племени вы?» [18. С. 375, ст. 7450—7455. j.

Когда отец Манаса в качестве свата приезжает к хану Атемиру, последний посылает к нему бека Акылбайыса с таким наставлением:

Сейчас же отправляйся назад,

О происхождении его, о предках его

Подробно расспроси, выслушай его.

Не вникнув как следует, рассказываешь мне —

Невежество проявляешь свое... [18. С. 582, ст. 11741—11745].

Но наиболее ярко отношение в тюркской среде к родовому имени передает эмоциональная речь байбиче — уважаемой женщины рода:

Старик, разве может быть путным тот, кто зовется

Бёрбёлчюн?

Старик, разве может быть путным тот, кто зовется

Дёрбюлчюн?

Старик, разве может быть путным тот, кто зовется

Агалдай?

Старик, разве может быть путным тот, кто зовется

Чагалдай?

Старик, разве может быть путным тот, кто зовется

Кёкчөгёс?

Старик, разве может быть твоим родственником тот,

Кто носит имя Кёскаман?

Что за чушь ты несешь, старик? [19. С. 227, ст. 754—761].

За этими словами кроется высокая оценка собственной родовой принадлежности, неколебимая преданность ей и соответственно — гордость этой принадлежностью. Не изменять своему роду, не менять своего родового имени, ценить и сохранять его — вот те императивы духовной жизни тюркского мира, запечатленные в киргизском эпосе, но проявившиеся и в более широких географических и временных границах.

Говоря о тюрках Малой Азии, следует подчеркнуть, что у них двойное имя сохраняется даже у придворной или служилой верхушки, куда ислам должен был проникнуть глубже: в хронике называется конийский военачальник по имени Йолук Арслан (в мусульманстве — Хюсамеддин) [15. С. 182]. В этой среде племенные прозвища считались вполне нормальным явлением: среди мюридов конийского шейха ордена мевлеви Султана Веледа (1226—1312) был эмир Мехмед Сокурджи. Предполагается, что в составе этого имени присутствует огузский тотем *сонкор* 'сокол' [15. С. 184].

Необходимо отметить, что во второй половине XIII в. в Анатолии появилось около двух десятков собственно тюркских государственных образований — небольших бейликов, фактически независимых ни от монголов, ни от их вассалов — сельджукских султанов [2]. Из эпитатифий правителей этих бейликов (особенно восточных) — Артуклу, Менгюджюклу, Салтуклу и других — видно, что все они в определенной степени сохраняли приверженность к традиционной тюркской культуре, поскольку обязательно имели тюркские унваны (титулы): Алп, Кутлуг,

Инанч, Улуг, Тогрул, Инанч Ябгу, Алп Тогрул, Тегин и т. д., и на свою монету ставили знак своего племени [20. С. 907]. На приверженность анатолийских беев того времени к тюркским обычаям указывают и записки Ибн Баттуты, путешествовавшего по Малой Азии в 30-х годах XIV в. Неутомимый путешественник, рассказывая о приеме на яйле (летней резиденции) Айдыноглу Мехмед-бея (1333—1340) недалеко от города Бирги, сообщает: «После угощения наша аудиенция закончилась и мы удалились. Бей же прислал нам в бараньих бурдюках муку, рис и масло, потому что у тюрков существует такой обычай» [21. С. 29].

Надо подчеркнуть, что Сельджукидов вообще отличала религиозная терпимость: возведя в 1221 г. вокруг Коньих стены, султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I, правоверный мусульманин, поставил на них белокаменные статуи, у которых лица не отбивались, как это стали делать позднее. «Все в Малой Азии было непохоже на мусульманский уклад жизни», — резюмирует В. А. Гордлевский. Огузам-мусульманам были еще чужды веления новой веры, и даже в XIV в. в анатолийском обществе, включая его высшие круги, удерживались старые религиозные верования, противоречащие исламу [15. С. 84, 87, 198, 212]. Более того, последние по времени исследования тюркологов на основе фактов исторических хроник показывают, что реликты домусульманских верований в Анатолии были еще живы и в XV в., причем как в народе, так и среди османской правящей верхушки (см.: [22]).

В связи с этим отметим, что и в более позднее время ислам едва ли полностью вытравил прежние религиозные представления анатолийских тюрков: недаром в Анатолии вплоть до XX в. существовала поговорка, свидетельствующая о недоверии к мусульманам: «Müslümanın yoluna gîtmek olmaz» 'Нельзя идти дорогой мусульманина' [15. С. 203], а среди турецкой интеллигенции опять же до XX в. сохранялся взгляд на «подлый» народ как на «хранителя двоеверий и вздорных басен, отвергнутых исламом» [10. С. 287]. Представляется типологически важным то, что сходную картину во второй половине XIX в. наблюдал в Средней Азии и В. В. Радлов. Давно исламизированный киргизский народ, по словам ученого, «сам имеет об исламе только какие-то смутные понятия и считается жителями городов, истинными магометанами, просто неверующим» [19. С. XI].

Следует особо подчеркнуть, что верования анатолийских тюрков, противоречащие исламу, были представлены в основном шаманизмом. В Малой Азии шаманистические воззрения в тюркской среде сохранялись как в религии, так и в обыденной жизни. При этом, как отмечает О. Туран, анатолийские турки-мусульмане не отказывались от своих древних шаманистических воззрений, а соединяли, согласовывали их с учением ислама [16. С. 8], тем самым объективно способствуя сохранению старых традиций собственной тюркской культуры, а значит, пусть не единого, а племенного, но все же тюркского этнического самосознания.

О преобладании в религиозном сознании малоазийских тюрков XIII—XV вв. шаманистических воззрений может свидетельствовать и широкое распространение в Анатолии этого периода дервишеских, в том числе суфийских сект. Это объясняется тем, что многие ритуальные обряды мусульманских дервишеских сект очень похожи на проявления привычной тюркам шаманистической культуры. Так, например, общие дервишеские радения, сопровождаемые в ряде орденов музыкой и плясками и носящие истступленный характер, были во многом близки шаманским культам с их верой в сношение шамана с духами во время религиозного экстаза — камлания, которое также сопровождается

пляской, ударами в бубен и т. д. М. Ф. Кёпрюлюзаде обнаруживает элементы шаманизма и у старейшего тюркского ордена ясеви, и у руфайи, и у некоторых других. В связи с этим он говорит о вторжении в мусульманские суфийские ордена монгольско-тюркского шаманизма, нашедшего в них благоприятные для себя условия (подробно см.: [23]).

Эту же особенность религиозного сознания анатолийских тюрков выделяет и В. А. Гордлевский, когда пишет, что дервиши вызывали сочувствие среди туркменского населения благодаря их приверженности к старому шаманскому мировоззрению [15. С. 204]. К тому же человек, принявший новую веру — ислам, но сохранивший власть над поборженными богами, среди мусульманских низов пользовался благоговейным уважением [24. С. 376], например бекташи. Неизвестно, пишет В. А. Гордлевский, «кого народ ставит выше: тонкого мистического поэта Джемшаддина Руми или шаманствующего Хаджи Бекташа, который сел верхом на стену и погнал ее кнутом из змей» [25. С. 33]. Следует заметить, что бекташи были тюрками из «простого народа» и всегда сохраняли свою национальность, чтобы отличаться от шиитов, выходцев из Ирана [26. С. 5].

Однако шаманистические воззрения удерживались не только среди низов анатолийского общества, но и среди его высших слоев. Подтверждением этому может служить древняя тюркская традиция, по которой правитель устраивает шёлен — общий пир с раздачей всем кушаний и дарением посуды. Эта традиция, судя по «Сиясет-наме», продолжала существовать как у великих, так и у малоазийских Сельджукидов. Следуя именно этой традиции, везир Перване раздает кушанья и посуду на общем пиру, где присутствует и Мевляна Руми [16. С. 50].

Источники свидетельствуют о распространенности и живучести названной традиции и в суфийских орденах, в частности в ордено руфайи. В «Книге путешествий» Ибн Баттута пишет следующее: «Затем мы прибыли в Измир ... Здесь мы остановились в завие шейха Якуба, который является одним из благочестивых и многознающих шейхов тариката Ахмедийе (Рифайи). А снаружи текке расположился на ночлег шейх Иззеддин-и Рифайи, хотя вместе с ним были около сотни бродячих дервишей и знаменитый шейх Ахлятлызаде. Правитель города велел установить для них шатры, а шейх Якуб устроил для них шёлен. И я на этом шёлене был и сидел вместе с ними» [21. С. 34—35].

Показательно, что, несмотря на все большую исламизацию Малой Азии, шаманизм удерживался здесь вплоть до XX в. [15. С. 216; 16. С. 18]. О чрезвычайной устойчивости изначальной религии тюрков, отраженной уже в орхонско-енисейских рунических памятниках, говорит и тот факт, что «очевидные следы поголовного шаманства» у сибирских тюрков В. Тан-Богораз фиксирует даже в 1930 г. [27. С. 63]. В то же время О. Туран, говоря об орхонских памятниках, включает отраженные в них шаманистические воззрения тюрков в тот комплекс культурных явлений, в котором находят свое выражение именно «национальные чувства» [16. С. 12]. На наш взгляд, в определенной мере это положение турецкого ученого справедливо, поскольку, сохраняя в себе элементы древней, традиционной для данного этноса культуры, шаманизм, действительно, и в религиозной и в бытовой сфере жизни может сохранять и выражать черты этнической (национальной) самобытности.

В завершение анализа религиозной ситуации в Малой Азии XIII—XV вв. особо следует подчеркнуть, что здесь в тот период наблюдался явный упадок процесса исламизации, о чем свидетельствуют факты, зафиксированные в источниках.

В сочинении «Мюсамерет уль-ахбар» («Вечер новостей»), которое

было закончено в 1323 г. [28. С. 1251], анатолийский историограф Аксарайлы так описывает религиозную ситуацию, сложившуюся в 1295 г. во время правления хана Байду: «Процветание медресе прекратилось. И завие, и ханаки, которые должны быть местом собраний и приютом шейхов и благочестивых людей, стали обиталищами для толп развратных христиан и шаманов [29]. Молитвенные коврики и михрабы стали местами скопления пьяниц. Аскеты, которые по своей вере были хорошими мусульманами, были истреблены христианскими монахами. На базарах и в кельях распространились жестокость и заблуждения. Разрушалось так много зданий, мечетей, садов, что это едва не стало преградой для озана и молитв; мечети едва не превратились в дома идолов» [32. С. 185—186]. Сам Байду позволял себе поступки, которые свидетельствуют о том, что в этот период ислам еще не утвердился и отнюдь не господствовал в религиозном сознании анатолийского общества, причем даже в его высших слоях. Будучи обращенным в ислам, Байду тем не менее говорил, что он христианин, носил на шее крест и не исполнял никаких мусульманских обрядов. В его правление многие важные посты в государстве занимали откровенные христиане. Более того, Байду восстанавливал христианские церкви и даже приказал, чтобы никто не осмеливался проповедовать среди тюрок мусульманскую религию. Позднее все это вызвало недовольство мусульман, в результате чего Байду был убит [33. С. 141—142].

По свидетельству Ибн Баттуты, в его время северное побережье Анатолии было под властью еретических, немусульманских учений: там не только население, но и сам кадий нарушал сунну [15. С. 198]. Кроме того, после монгольского нашествия в Малую Азию резко возрос наплыв самых разных дервишей — баба, батыни, календеров и др. Представляемые и пропагандируемые ими религиозные течения, по сути, часто не соответствовали исламу и в религиозном сознании анатолийских тюрок размывали не только представления об ортодоксальном исламе, но и его догмы. Шамсаддин Ахмед ал-Афлаки ал-Арифидервиш ордена мевлеви, в своем сочинении «Манакиб ал-Арифин» («Жизнеописания познавших»), законченном в 1353 г., отмечает, что дервиши при помощи алхимии морочили людей и отбивали их от веры [34. С. 349]. Здесь же следует подчеркнуть, что распространенный среди дервишеских орденов суфизм отнюдь не способствовал утверждению в своих adeptax истинно мусульманского самосознания. Для суфия религии равны или безразличны: «Я — нехристианин, нееврей и немусульманин», — говорит самый известный суфий Малой Азии Джалаледдин Руми [25. С. 38].

Видимо, можно считать, что устои мусульманства в Малой Азии особенно ослабели после падения династии Сельджукидов, когда подняли голову шииты, за спиной которых, как подчеркивает В. А. Гордлевский, часто скрывались немусульманские движения, загнанные исламом вглубь [15. С. 213]. Монгольское нашествие открыло для немусульманских религиозных воззрений дорогу в Малую Азию. Судя по воспоминаниям Афлаки, поклонники пророка и праведных халифов, т. е. сунниты, были всем этим смущены [34. С. 322—323].

Анализ религиозной ситуации в Малой Азии XIII—XV вв. позволяет нам сделать три следующих вывода, имеющих непосредственное отношение к проблеме сложения этнического самосознания анатолийских тюрок:

1. Приведенный тезис Дж. К. Мак-Коана о том, что у тюрок национальное самосознание было подчинено религиозному, верен (и то не полностью!) лишь для определенного — позднесредневекового — периода

истории турецкого общества и едва ли приложим к раннему ее периоду (XIII—XV вв.), когда значительная часть малоазийских тюрок, практически сохраняя двоеверие, вряд ли еще имела побудительные мотивы индивидуально-психологического характера считать себя не тюрками, а просто мусульманами. Не способствовала этому и шаткость позиций ислама в Анатолии того периода, где он был, по сути, лишь одной из составляющих сложного комплекса религиозных верований анатолийского населения. Используя приведенное выражение Ф. М. Достоевского, можно сказать, что в этот период анатолийские тюрки продолжали почитать своего «особого бога», а «общий бог», т. е. ислам, который в дальнейшем задушил их этническое (национальное) самосознание, еще только начинал проникать в религиозное сознание анатолийского общества. На наш взгляд, ислам в этот период еще не являлся помехой для формирования у малоазийских тюрок этнического самосознания.

2. Более того, в это время массами тюрок Малой Азии, в первую очередь огузами-кочевниками, ислам мог восприниматься как чужеродный фактор, деформирующий привычное им сознание и культурные традиции. Из литературы известно, что у огузов в эпоху Сельджукидов нерасположенность к мусульманству была особенно явной, поскольку оно насильно вытравляло племенные обычаи [15. С. 83]. Это, как подчеркивает О. Туран, порождало — в основном у кочевников и крестьян — желание защитить (пусть и примитивными способами) свою национальную культуру [16. С. 8—9], что неизбежно укрепляло в них сознание своей тюркской общности и способствовало формированию этнического самосознания.

3. Наличие и в религиозной и в бытовой сфере жизни анатолийского общества XIII—XV вв. многих элементов тюркского шаманизма способствовало сохранению как черт исконно тюркской культуры (т. е. национальной самобытности), так и чувства национальной принадлежности. Таким образом, реликты тюркского шаманизма в Анатолии данного периода на фоне других, нетюркских по происхождению вероисповеданий (ислам, христианство, иудаизм) создавали благоприятные условия для формирования у тамошних тюрок чувства принадлежности именно к тюркской общности, объединенной тюркским языком, тюркскими культурными традициями и религиозными (шаманистическими) верованиями.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Жуков К. А. Самосознание малоазийских тюрок в XIV—XV вв.: Докл. на 3-й науч. сессии Ленингр. отд-ния Российского Палестинского о-ва «Этническое и конфессиональное самосознание на Ближнем Востоке (Византийский культурный круг)». Л., 4—6 июня 1986 г.

² Он же. Эгейские эмираты в XIV—XV вв. М., 1988.

³ Он же. Об этническом самосознании тюрок в XIII—XV вв. // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.

⁴ Еремеев Д. Е. Этногенез тюрок: (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.

⁵ Мак-Коан Дж. К. Наш новый протекторат: описание географических, этнографических и экономических свойств Турецкой Азии. М., 1884.

⁶ Karaosmanoğlu Y. K. Yaban. Istanbul, 1942.

⁷ Kabaklı A. Türk edebiyatı. Istanbul, 1966. С. 2.

⁸ Комплексная программа: Этническая история и современные национальные процессы / Рук. программы акад. Ю. В. Бромлей // Вопр. ист. 1987. № 9.

- ⁹ Кононов А. Н. К истории формирования турецкого письменного-литературного языка // Тюркологический сборник. 1976. М., 1978.
- ¹⁰ Гордлевский В. А. О Турецком собрании в Константинополе // Избранные сочинения. М., 1962. Т. 3.
- ¹¹ Фомкин М. С. Этническое самосознание турков и турецкий язык // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. М.: Наука, 1991. Вып. 25.
- ¹² Достоевский Ф. М. Бесы // Собрание сочинений. М., 1957. Т. 7.
- ¹³ Смирнов В. Д. Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. Спб., 1873.
- ¹⁴ Левин З. И. Умма и арабский национализм // Социально-политические представления в исламе: История и современность. М., 1987.
- ¹⁵ Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии // Избранные сочинения. М., 1960. Т. 1.
- ¹⁶ Turan O. Önsöz // Aksaraylı K. M. Müsâmeret ül-ahbâr: Mogollar zamanında Türkiye Selçukluları tarihi/Neşreden Dr. Osman Turan. Ankara, 1944.
- ¹⁷ Орешкова С. Ф. Средние века: (IX—XIII вв.) // Гасратян М. А., Орешкова С. Ф., Петросян Ю. А. Очерки истории Турции. М., 1983.
- ¹⁸ Манас: Киргизский героический эпос. М., 1984. Кн. 1.
- ¹⁹ Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Спб., 1885. Ч. 5.
- ²⁰ Kafesoğlu İ. İslâmî türk devletlerinde kültür ve teşkilât // Türk dünyası el kitabı. Ankara, 1976.
- ²¹ (Ibn Batuta). Ibn Batuta seyahetnâmesi'nden seçmeler/Hazırlayan İ. Parmaksız-cğlu. Ankara, 1981.
- ²² Петросян И. Е. О реликтах домусульманских верований османских турков в XIV—XV веках // Тюркские и монгольские письменные памятники: Текстологические и культурологические исследования. М., 1990.
- ²³ Köprülüzade M. F. Influence du chamanisme turco-mongol sur les orders mystiques musulmans // Mémoires de l'Institut de turcologie de l'Université de Stambul. Istanbul, 1929. N. 1.
- ²⁴ Гордлевский В. А. Бахауддин Накшбанд Бухарский: (К вопросу о наслоениях в исламе) // Избранные сочинения. М., 1962. Т. 3.
- ²⁵ Он же. Силуэты Турции // Там же.
- ²⁶ Köprülüzade M. F. Bektaşî şairleri // Nüshet S. Bektaşî şairleri. Istanbul, 1930.
- ²⁷ Тан-Богораз В. Шаманство // Энциклопедический словарь Русского bibliографического института Гранат. М., 1938. Т. 49.
- ²⁸ Стори Ч. А. Персидская литература: Библиографический обзор. М., 1972. Ч. 2.
- ²⁹ Словом «шаман» здесь переведен термин оригинала «бахши» (о нем см.: [30. С. 99, 454]). Основанием для такого перевода является как контекст оригинала, так и традиционное значение этого слова у тюрков: например, на Южном Алтае до сих пор «баксы» — это «шаман» (см.: [31. С. 24]), то же — у современных уйгуров.
- ³⁰ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. 1.
- ³¹ Коновалов А. В. Реликтовые явления шаманства у казахов Кош-Агача // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений: Вопросы этносоциальной и культурной истории Средней Азии и Кавказа. Апрель, 1983. Л., 1983.
- ³² Aksaraylı K. M. Müsâmeret ül-ahbâr: Mogollar zamanında Türkiye Selçukluları tarihi/Neşreden Dr. O. Turan. Ankara, 1944.
- ³³ D' Ohsson C. Histoire des Mongols. Amsterdam, 1852. Т. 4.
- ³⁴ Aflâkî A. Menâkib el-'Arifîn // Cl. Huart. Les saints des derviches tourneurs: Ré-cits, traduits du persan et annotés. Paris, 1922. Т. 2.

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

О МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СТАТИСТИЧЕСКАЯ
ОПТИМИЗАЦИЯ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ
И КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ»

С 29 ноября по 1 декабря 1990 г. в Чимкентском педагогическом институте им. М. Ауэзова проходила международная конференция «Статистическая оптимизация преподавания языков и компьютеризация обучения», организованная Министерством народного образования Казахстана, Чимкентским педагогическим институтом и Минским педагогическим институтом иностранных языков. В ее работе приняли участие свыше 130 филологов, методистов, программистов и математиков из академических учреждений, высших и средних специальных учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Алма-Аты, Бишкека, Ташкента, Киева, Минска, Нукуса, Челябинска, Самарканда, Чимкента и других городов. На двух пленарных и пяти секционных заседаниях с докладами и сообщениями, а также в дискуссиях выступило более 100 чел.

В докладе Р. Г. Пиотровского (Санкт-Петербург, ЛГПИ) «Группа „Статистика речи“ в 90-е годы» отмечалось, что в настоящее время методология и методика применения ЭВМ для решения гуманитарных задач находится в центре внимания не только инженерной лингвистики, но и всей проблемы искусственного интеллекта. В целях создания машинного фонда тюркских языков уже сейчас следует думать о переходе на вычислительную технику будущего — на суперкомпьютеры и на такие программно-аппаратные средства, которые ориентированы на выполнение параллельных операций (нейрокомпьютеры), имеющих либо «крупнозернистую» (небольшое количество параллельных мощных процессоров), либо «мелкозернистую» (небольшое количество параллельных маломощных процессоров) организацию.

В совместном докладе К. Б. Бектаева (Чимкент, ГПИ), Н. Т. Кайдарова (ИЯ АН Казахстана), Э. Р. Тенишева (Ин-т языкознания АН РФ) «Перспективы машинного фонда тюркских языков» был представлен краткий обзор словарей и

текстов тюркских языков, заложенных в память ЭВМ. Подчеркивалось, что фонд должен стать не просто банком данных, а творческой лабораторией, т. е. лингвисты, пользующиеся им, смогут не только наводить справки, но и находиться в собственно-исследовательской позиции. Первейшая проблема здесь заключается в накоплении и поддержании в надлежащем порядке больших текстовых и словарных источников, насчитывающих миллионы и десятки миллионов слов.

В докладе, с одной стороны, обосновывалось создание машинного фонда тюркских языков на основе моделей пратюркского языка, а именно на возможных структурных типах односложных слов, присущих данной группе языков, а с другой — была доказана целесообразность создания машинного фонда по каждому языку тюркской группы в отдельности с учетом объединения лексических, грамматических и других подсистем родственных языков.

В. Г. Гузевым (Санкт-Петербург) в докладе «О важнейших общих строевых особенностях тюркских языков» было обращено внимание на важнейшие вопросы строя тюркских языков в свете идей создания машинного фонда. В частности, были затронуты вопросы, связанные с планированием и прогнозированием фундаментальных идей в новой технологии исследования этих языков.

В докладах У. Айтбаева (Алма-Ата, Ин-т языкознания АН Казахстана) «ЭВМ и терминологический банк» и А. Джубанова (Алма-Ата, Ин-т языкознания АН Казахстана) «О проекте машинного словаря современного казахского языка» было показано, какие модели машинного фонда тюркских языков наиболее соответствуют духу языка и отвечают потребностям пользователя информацией.

На данной конференции по сравнению с предыдущей большее внимание было уделено статистическим методам исследо-

вания текстов тюркских языков. Эти вопросы затрагивались во многих выступлениях, посвященных конкретным проблемам статистики казахского (Н. Авазбаев, Ташкент, ТашГУ; А. Белботаев, Алма-Ата, Ин-т языкознания АН Казахстана; А. Ахабаев, К. Молдабеков, Б. Омарова, Чимкент, ЧимГПИ), турецкого (А. Бабанаров, Самарканд, СамГУ), каракалпакского (М. Айымбетов, Нукус, НГПИ), киргизского (Т. Садыков, Бишкек, Ин-т языка и литературы АН Кыргызстана; Ж. Жетешиков, Бишкек, Сельхозинститут) и других тюркских языков.

О новом подходе к созданию машинного фонда языка и развитию систем автоматической переработки текста сообщил Э. И. Королев (Москва, ВЦП АН РФ). В докладе также анализировались основные результаты и тенденции развития современных текстовых лингвистических процессоров.

С. Б. Потемкин (Москва, ВЦП АН РФ) в докладе «Алгоритмические и программные средства систем машинного перевода на базе лингвистического процессора» охарактеризовал этапы выполнения машинного перевода с использованием лингвистического процессора.

Значительная часть докладов и сообщений была посвящена автоматизированным обучающим системам (АОС), обеспечивающим хотя и быстрый массовый лингводидактический процесс, но далеко не высококачественное обучение соответствующему языку. Большинство действующих отечественных систем было продемонстрировано на ПЭВМ. Значительное внимание было уделено описанию лингводидактических возможностей конкретных АОС (Т. Ачилов, Ташкент, ТГПИИЯ; С. Н. Кузнецова, В. Н. Попова, Чимкент, ЧимГПИ), технологическим вопросам АОС (Т. И. Коваль, Л. Н. Ковалишина, Киев, КГПИИЯ) и методическим, а также методологическим вопросам, возникающим в связи с разработкой и использованием автоматизированных учебных курсов (Г. С. Чепаль, Н. В. Скрыпник, Киев, КГПИИЯ; Ш. Х. Юсупова, Самарканд, СамГПИ).

Лексикографические аспекты автоматизированных обучающих систем были прослежены в докладе Х. А. Арзикулова (Самарканд, СамГУ) «Учебные машинные словари: ретроспектива и перспектива». В частности, было отмечено, что к созданию учебных машинных словарей, которые являются основой для любой автоматизации учебного процесса, можно идти двумя путями. Во-первых, ввести в память ЭВМ традиционные учебные словари и алгоритмизировать процедуры использования единиц этих словарей. Во-вторых,

использовать реально функционирующие машинные словари в учебных целях. Был продемонстрирован автоматизированный учебный курс, построенный на базе французско-русского автоматического словаря системы «МУЛТИС».

В докладе П. В. Садчиковой был выдвинут тезис о том, что учебные словари используются в условиях минимума информации у обучаемого, а машинные словари ориентируются на информационную систему (ЭВМ), не имеющую никакой информации об объекте. Соответственно можно предположить, что машинные словари очень близки к учебным словарям, и при успешной минимизации словарных единиц любой продукт машинной лексикографии может быть использован в учебных целях.

В дискуссии, открытой после выступлений докладчиков, были затронуты разнообразные проблемы, в частности организационно-методологические; связанные с материально-технической базой машинного фонда тюркских языков; чисто теоретические романо-германских, славянских и тюркских языков.

Среди теоретических вопросов особое внимание привлекали следующие аспекты языкознания:

1. Новейшее представление об истолковании лексической и морфологической полисемии;
2. Части речи, их количественный состав и принципы выделения;
3. Место и роль нулевых показателей в тюркской морфологии;
4. Роль инженерно-лингвистических методов анализа текста в познании процессов порождения речи;
5. Влияние общественно-политических факторов на состояние языка и производного вмешательства в процесс формирования языка и др.

Участники конференции приняли рекомендацию, в которых было предложено активизировать работы по созданию машинного фонда тюркских языков, формированию лексикографических баз автоматизированных обучающих систем, а также обратить внимание на создание национально-иноязычных автоматических словарей, служащих основой для компьютеризации обучения иностранным языкам в национальной школе.

Новую конференцию по инженерно-лингвистическим аспектам переработки текста на ЭВМ и компьютеризации лингводидактики было рекомендовано провести весной 1992 г. на базе Самаркандского государственного университета и Нукусского пединститута.

Х. Арзикулов, А. Бабанаров,
Ш. Юсупова

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ТЕЛЕУТСКАЯ ЗЕМЛИЦА И ЕЕ КОРЕННЫЕ ЖИТЕЛИ

КЕМЕРОВО, 1990. ВЫП. 1. 35 с.

Процессы возрождения малых народностей бывшего СССР в новых условиях демократизации вызывают к жизни порой удивительные явления. Телеуты, представители бесписьменного малочисленного народа Сибири, создают свой фольклорный коллектив при Бековском сельсовете Беловского района Кемеровской области, а руководителем его становится председатель сельсовета В. И. Челухоев, причем вся его большая семья и родня во главе с матерью — У. А. Челухоевой — активные участники ансамбля. Так сами телеуты берегут и пропагандируют свое фольклорное наследие, свои традиции и обычаи. Помогают им в этом русскоязычные ученые, недавно подготовившие и издавшие тиражом 1500 экз. (бесплатно!) небольшой сборник, по мысли издателей, положивший начало новой серии — «Телеутская земляца и ее коренные жители» (вып. 1; уже подготовлен к печати и вып. 2). Выпущен сборник усилиями также удивительного альянса организаций — Управления культуры Кемеровского облисполкома, областного Научно-методического центра народного творчества и культпросветработы, исполкома Бековского сельского совета Беловского района при содействии РИО Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Кемеровского облисполкома. Ответственным редактором двух первых выпусков серии была покойная Елизавета Ивановна Убрятова, заслуженный деятель науки ЯАССР и ТувАССР, инициатор и руководитель работы по составлению «Диалектологического атласа тюркских языков Сибири», для которой изучение тюркских языков и диалектов Сибири было делом всей ее жизни.

Инициаторами и исполнителями этого подлинно бескорыстного, энтузиастского издания, адресованного широкому кругу читателей, но имеющего также и научное значение, явились преподаватель Кемеровского госуниверситета тюрколог Г. Г. Фи-

сакова и учитель истории В. А. Беленко. Сборник состоит из четырех статей, написанных этими двумя авторами: 1) Фисакова Г. Г. Из истории изучения телеутской народности (с. 3—18); 2) Беленко В. А. Телеутский фольклорный коллектив Бековского сельского совета (с. 19—20); 3) Беленко В. А. Национальная одежда телеутов (описание и методические рекомендации с чертежами выкроек для шитья женской и мужской одежды) (с. 21—25); 4) Фисакова Г. Г. Образцы фольклора бачатских телеутов (с. 26—33).

Пионер исследования бачатских телеутов в послереволюционный период, Г. Г. Фисакова объектом изучения сделала телеутов Беловского района, предприняв прежде всего попытку выяснить численность телеутского населения в этом районе; при этом обнаружили такие курьезы, когда в одной телеутской семье ее члены по паспортам принадлежали к различным национальностям (с. 3—4). Разделяя тревогу Г. Г. Фисаковой и тех лиц, на которых она ссылается, по поводу плохого знания истории родного телеутского языка и культуры молодежи, мы вполне согласны с тем, что одновременно с созданием новых учебников и словарей можно было бы переиздать и старинные пособия, подготовленные миссионерами еще в прошлом веке. В статье Г. Г. Фисаковой очень интересен раздел «Источники для изучения истории, этнографии, антропологии и языка телеутов». Помимо библиографии здесь содержатся сведения о некоторых исследователях, коллективах, конференциях, экспедициях. В их числе — сведения о В. В. Радлове, М. В. Чевалкове, Н. П. Дыренковой, Ф. Д. Ашнине, В. М. Надеяеве, М. А. Абдрахманове (по юридическим документам — М. Г. Габдрахманов), Э. Ф. Чиспнякове, о Центре по изучению музыкальной этнографии Сибири и Дальнего Востока при Новосибирской госконсерватории им. М. И. Глинки, о конференции в Горном Алтае, посвященной 120-летию

со времени издания «Грамматики алтайского языка» и т. д.

Творческая история телеутского фольклорного коллектива Бековского сельсовета под руководством В. И. Челухоева живо описана в заметке В. А. Беленко. Коллектив делает большое дело не только для самих телеутов, но и в неизмеримо большем масштабе, ибо каждая народность вносит свой вклад как в культуру нашей страны, так и в мировую культуру.

Описание национальной одежды телеутов, данное В. А. Беленко, на самом деле представляет собой практическое руководство по шитью одежды, — так предельно точно, просто и доступно это описание. Чертежи делают его еще более наглядным. (Статья Л. П. Потапова «Одежда алтайцев» из «Сборника Музея антропологии и этнографии» (1951) давно стала библиографической редкостью).

Бесценны собранные и изданные Г. Г. Фисаковой с ее же переводом и квалифицированным лингвистическим комментарием образцы фольклора бачатских телеутов. К песне даются и ноты; мелодию записал ст. преподаватель кафедры народных инструментов Кемеровского государственного института культуры В. М. Пипекин.

В фольклоре бачатских телеутов сохраняются некоторые древние мотивы тюрков, например «орнитологические» образы в применении к человеку, его организму: *кускундый чачы кажай калзын* * *куудый тижы саргал калзын* 'волосы его, подобные ворону (по-русски: воронову крылу), пусть поседют * его зубы, подобные [белому] лебедю, пусть пожелтеют' (с. 30), ср.: древнеуйгур. *quyu qondu başqa* 'на голову [человека] сел лебедь' (т. е. человек поседел)¹. Ср. также мотив незаживающей раны, нанесенной словом, в пословице: *Агаш палу оң парар (оңор), тил палу оң парбас (оңбос)* 'Рана на дереве заживет; рана, нанесенная словом (букв.: языком), не заживет' (с. 28); пословицу с этим мотивом находим и в других регионах, например: тат. *пычак ярасы төзэлэр, сүз ярасы төзэлмэс* 'Рана от ножа

заживет, рана, нанесенная словом, не заживет', тур. *bıçak yarası düzeler, dil yarası düzelmez* — то же, см. также тур. *dil kılıçtan keskindir* 'Язык острее меча'.

Для рецензируемого издания, отмеченного подлинной дружбой представителей разных народов нашей страны, характерна искренняя благодарность исследователя-языковеда многим добрым и отзывчивым телеутам с хорошими знаниями своего родного языка [следует длинный перечень фамилий] ... за неоценимую помощь, огромное терпение и поддержку в сборе языкового материала и обучении языку бачатских и заринских телеутов, за жилье и питание во время многочисленных поездок, начиная с лета 1969 года» (примеч. 3 к с. 30).

Весь сборник, каждая его статья сделаны очень тщательно. Написан сборник хорошим литературным языком, простым и доступным каждому грамотному человеку. Иллюстрирован очень яркими фотографиями телеутов в национальной одежде (фотоснимки сделаны В. Ф. Курохтиным), а это повышает его познавательную ценность.

Одновременно с просветительской направленностью книги она представляет и несомненную научную ценность.

В аннотации к сборнику говорится, что он адресован широкому кругу читателей. В самом деле, многие люди в нашей большой стране и за ее пределами ведь только из него и могут узнать о существовании такой народности, как телеуты с их самобытной культурой. Книгу следовало бы издать большим тиражом и не бесплатно, тогда она скорее нашла бы доступ к читательским массам.

В заключение хочется поблагодарить всех людей, вложивших свой труд в эту книгу, а также всех телеутов за то, что они сумели сберечь свой язык, традиции, материальную и духовную культуру в трудных для малочисленного народа условиях, осложнявшихся ошибками в национальной политике советского периода.

Х. Ф. Исакова, Г. Ф. Благова

¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 464.

АТЛАС ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯРЕД. КОЛЛЕГИЯ: Ш. Н. АСЫЛГАРАЕВ, Н. Б. БУРГАНОВА (отв. ред.),
М. З. ЗАКИЕВ, Л. Т. МАХМУТОВА (отв. ред.). КАЗАНЬ, 1989

«Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья» представляет собой итог многолетнего исследования татарских говоров методом лингвистической географии небольшим коллективом диалектологов сектора языка Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, проводившегося под непосредственным руководством видного тюрколога Л. Т. Махмутовой.

Атлас издан в двух томах. Первый том включает в себя описание территории Рязнской, Тамбовской, Горьковской, Кировской, Пензенской, Саратовской, Ульяновской областей, а также части Куйбышевской области, Мордовской, Марийской, Чувашской, частично Татарской и Удмуртской республик.

Второй том содержит описание территории Пермской, Свердловской, Курганской, Челябинской, Оренбургской и части Куйбышевской области, Башкирской, Татарской и Удмуртской республик.

В перечисленных регионах наиболее компактного расселения татар проживает около $\frac{2}{3}$, или 65% всего татарского населения.

Обширность территории распространения татар — явление исторически обусловленное. «Она была связана как с государственной колонизацией — постройкой защитных линий, крепостей Российским государством, так и с колонизацией вольной — поисками свободных земель, насильственной христианизацией, развитием торговли и т. д.» (Комментарии. С. 5).

Сбор материала для атласа проводился по сетке 10—15 км. Исключение допускалось только для редко заселенных регионов. В районах, заселенных представителями различных этнографических групп, наоборот, расстояние между населенными пунктами допускалось и менее 10 км. При выделении квадратов учитывались основные требования лингвистической географии: во-первых, чтобы границы отдельных томов не совпадали с границами диалектов и говоров; во-вторых, чтобы квадрат каждого тома атласа охватывал возможно больше разнообразных говоров и чтобы границы выделенных языковых явлений оказались внутри квадрата. Этот прием и позволил получить ярко выраженные изоглоссы ряда языковых явлений.

Граница между первым и вторым томами атласа проведена вдоль течения р. Вятки, по территории, где распространены наиболее однотипные говоры татарского языка. В результате говоры двух основных татарских диалектов оказались

внутри квадратов первого и второго томов атласа.

Атлас содержит сведения по 845 населенным пунктам, обследованным на основе «Программы по собиранию материалов Диалектологического атласа татарского языка» (Казань, 1959). Комментарии к карте атласа изданы отдельно.

Языковые явления представлены в 214 картах, которые даны в следующем порядке: явления фонетические (карты 1—68), морфологические (69—118), синтаксические (119—121), лексические (122—214). Признаками для определения границ отдельных говоров вполне целесообразно выбраны такие из них, как лабиализованный и нелабиализованный варианты гласного *a*, распространение различных вариантов согласного *z*, соответствие заднеязычных *k, g, x* увулярным *q, ɢ, ɣ*, употребление анлаутных *t* и *d*, различные типы склонения личных местоимений, распространение ряда глагольных форм, в том числе причастных форм на *-асы/-әсе, -маллы/ /-мәлле*, инфинитива и др.

Карты атласа отражают также особенности, обусловленные субстратным явлением, факты взаимодействия говоров татарского языка с другими тюркскими языками — башкирским, чувашским, казахским.

Особое значение как источник информации приобретают исторические карты-схемы основных исторических фактов, сыгравших большую, а иногда и решающую роль в формировании говоров татарского языка.

В атласе представлены 17 сводных карт, по существу являющиеся первым шагом в обобщении и интерпретации данных лингвистической географии. Сводные карты изоглосс способствуют решению вопроса о группировке говоров татарского языка.

К атласу прилагаются «Комментарии...», первая часть которых включает в себя вступительную статью, список литературы, справочные материалы. Последние представлены списком обследованных пунктов, алфавитным указателем губерний и уездов, «Программой по собиранию материалов для Диалектологического атласа татарского языка», списком диалектологических трудов.

Вторая часть комментариев, посвященная историческим, лингвистическим и сводным картам языковых явлений, составлена весьма квалифицированно. Эти комментарии содержат ключ к чтению и пониманию каждой отдельной карты. В них указаны также отклонения, не получившие отражения в лингвистических картах, и отдельные факты, не вошедшие в ат-

лас. В целом комментарий, как и сам атлас, являются богатым источником для исследователя, облегчают решение отдельных проблем исторической диалектологии и истории языка и т. д.

«Атлас татарских народных говоров» является одним из первых опытов составления атласов тюркских языков. Его издание — это важный этап и в исследовании татарских диалектов. Трудно переоценить его значение не только в изучении татарского языка и его истории, но и в исследовании проблем формирования и истории

татарского народа, его древних контактов с генетически родственными и неродственными народами и т. д.

Атлас составлен Л. Т. Махмутовой, Н. Б. Бургановой, Ф. С. Баязитовой, Д. Б. Рамазановой, Т. Х. Хайрутдиновой, З. Ф. Садыховой. В сборе материала кроме составителей участвовали Л. Ш. Арсланов, Р. Р. Шамгунова, Ф. Ю. Юсупов, Г. К. Якупова, студенты татарских отделений КГУ и КГПИ.

Ф. М. Хисамова

Р. Х. ХАЛИКОВА. ЯЗЫК БАШКИРСКИХ ШЕЖЕРЕ И АКТОВЫХ ДОКУМЕНТОВ XVIII—XIX вв.

М.: НАУКА, 1990. 199 с.

Одной из актуальных задач башкирского языкознания является создание истории литературного и разговорного языков. Ее успешное решение тесно связано с изучением письменных памятников, в которых отражены особенности башкирского языка на отдельных этапах его исторического развития. В этой связи большой научный интерес представляет исследование Р. Х. Халиковой «Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII—XIX вв.».

Книга состоит из введения, пяти глав, заключения и двух приложений.

Во введении кратко излагается история изучения тюркских письменных памятников и оценивается состояние проблемы изучения тюрки и его разновидностей. Здесь также дается краткое археографическое описание использованных памятников.

Первая глава посвящена фонетической интерпретации графики исследуемых памятников. Автор монографии, установив систему вокализма и консонантизма языка башкир XVIII—XIX вв., указала также особенности уральской разновидности тюрки на фоне тюрки Средней Азии и Казахстана. Следует подчеркнуть, что исследование фонетических особенностей языка шежере и актовых документов башкир ведется на широком историко-лингвистическом фоне.

Во второй главе исследуется лексика башкирских шежере и актовых документов. Развернутое описание лексики XVIII—XIX вв. в башкироведении предпринято впервые, и потому результаты данной главы имеют большую ценность для составителей этимологических и толковых словарей тюркских языков.

Глава состоит из двух разделов. В первом из них анализируется тюркская лексика. Выделяя огузские и кипчакские элементы, семантические сдвиги значений, автор закономерно приходит к выводу, что лексика исследуемых памятников отражает самые разные стороны социально-экономической, политической и культурной жизни башкирского народа XVIII—XIX вв.

Особый интерес для лексикологов представляет раздел, посвященный исследованию заимствованной лексики шежере и актовых документов. К разработке проблемы взаимодействия башкирского языка с другими языками впервые обратился еще Н. К. Дмитриев. Однако до сих пор хронологические наслоения заимствованной лексики изучены слабо. В связи с этим изучение документально зафиксированных персидских, арабских, русских заимствований в башкирском языке XVIII—XIX вв., их состава, времени проникновения, особенностей освоения, функционирования проливает свет на многие проблемы развития лексики башкирского языка.

В третьей и четвертой главах рассматриваются морфологические и синтаксические особенности языка шежере и актовых документов. При рассмотрении частей речи, их грамматических категорий автор обращается к материалу памятников других тюркских языков, к данным по диалектам и говорам, что позволяет выявить ряд интересных фактов развития грамматической структуры башкирского языка. В частности, сравнительный анализ категории падежа привел Р. Х. Халикову к выводу, что в отдельных памятниках отмечены факты смешанного типа склонения — с

перебоем кыпчакских и огузских признаков.

Довольно интересна пятая глава, посвященная социальным особенностям языка исследуемых памятников. В ней на большом фактическом материале выявляются варианты реализации уральского тюрки, которые, с одной стороны, были связаны с социальной дифференциацией башкирского общества, с другой — с пространственными и временными границами распространения тюрки Урала. Так, характеризуя высокий стиль, автор отмечает напыщенность языка, многословность, избытие заимствованной лексики в манифестах, приказах, указах. В то же время стиль некоторых актов и шежере, по его мнению, отражает черты народного языка. В них доминируют исконная тюркская лексика, простые сочетания, структура предложений близка к разговорной речи.

Особую ценность представляет «Краткий словарь башкирских шежере и актов документов». Что же касается второго приложения, то, на наш взгляд, количество текстов в нем следовало бы увеличить. В приложении не представлены отдельные жанры актов документов (купчие, показания подсудимых и т. д.), нет образцов шежере. Безусловно, чем больше самих текстов, тем ценнее исследование.

В целом монография Р. Х. Халиковой имеет важное научно-теоретическое и практическое значение. Рецензируемая книга ценна не только своими выводами и введением в научный оборот новых материалов, но и тем, что она может послужить надежной источниковой базой для дальнейших исследований. Действительно, автор приводит в своей работе интересный эмпирический материал, имеющий огромную научную ценность не только в силу своей уникальности. Главное его достоинство — историческая первозданность, отражающая бессознательные логические и лингвистические структуры писавших на тюрки. Об огромной эвристической значимости подобных исследований писал французский ученый Клод Леви-Стросс, который, в частности, указывал, что научный анализ должен быть ориентирован на психологические положения и логико-лингвистические структуры письменных источников. Это, являясь «тем общим, что связывает исторические документы с туземными текстами»¹, позволяет воссоздать парадигму развития языковых и социальных феноменов.

Ф. Г. Хисамитдинова

¹ Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983. С. 31.

PERSONALIA

МАДЕНБАЙ ДАВЛЕТОВИЧ ДАВЛЕТОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет со дня рождения и 37 лет научно-педагогической деятельности известного каракалпаковеда, доктора филологических наук, и. о. зав. отделом современного каракалпакского языка Института истории, языка и литературы им. Н. Давкараева Каракалпакского филиала АН Узбекистана.

М. Давлетов родился 12 октября 1930 г. в Караозекском районе Каракалпакстана. После окончания в 1953 г. филологического факультета Каракалпакского госпединститута работал учителем в родном селе, а в 1954—1958 гг. преподавал каракалпакский и казахский языки в одной из нукусских школ.

Почти 32 года М. Давлетов трудится в стенах ИИЯЛ им. Н. Давкараева.

Педагог по образованию, он в 1967 г. без отрыва от производства (не занимаясь ни в целевой, ни в заочной аспирантуре) успешно защищает кандидатскую диссертацию на тему: «Категория обстоятельства в современном каракалпакском языке».

Маденбай Давлет улы ведет разносто-

ронную исследовательскую работу во многих областях каракалпаковедения, особое внимание уделяя грамматическому строю каракалпакского языка.

Перу М. Давлетова принадлежит свыше 80 научных работ. Плодом его многолетних разысканий стали монографии «Простые осложненные предложения в современном каракалпакском языке» (1976), «Обособленные члены предложения в каракалпакском языке» (1979) и др.

Весомым вкладом в исследование актуальных вопросов синтаксиса каракалпакского языка является многолетний труд ученого под названием «Структурные типы простого осложненного предложения в современном каракалпакском языке», защищенный им в качестве докторской диссертации в 1989 г.

Кроме того, М. Давлетовым на страницах «Вестника Каракалпакского филиала АН УзССР» опубликованы серии статей, посвященных развернутым и обособленным обстоятельствам в современном каракалпакском языке, структурно-формальным типам однородных членов предложения, простым предложениям с однородными глагольными сказуемыми и сложносочиненным предложениям и др.

М. Давлетов является соавтором стабильных учебников по морфологии и синтаксису для средних школ Каракалпакстана, которые выдержали ряд изданий, активно участвует в составлении учебников для студентов филологического факультета Нукусского госуниверситета.

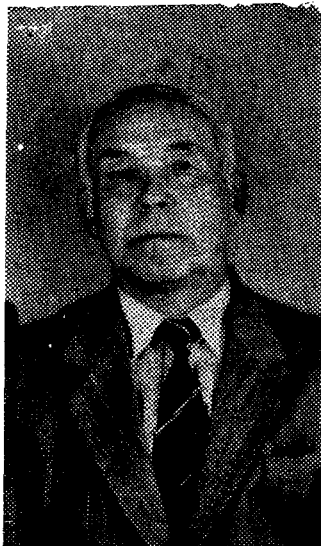
Плодотворную научно-исследовательскую деятельность М. Давлетов успешно сочетает с общественной работой. Он член научного совета по проблеме «Каракалпакский язык» и Терминологической комиссии при Совете Министров Каракалпакстана.

Поздравляя неутомимого и талантливого ученого с юбилеем, его коллеги и друзья желают ему новых творческих успехов, способствующих дальнейшему развитию каракалпаковедения.

У. Д. Доспанов

ЕСЕМУРАТ БЕРДИМУРАТОВИЧ БЕРДИМУРАТОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет заведующему кафедрой каракалпакского языка Нукусского государственного университета, заслуженному деятелю науки Каракалпакстана, доктору филологических наук, профессору Есемурату Бердимуратовичу Бердимуратову.

Е. Б. Бердимуратов родился в Чимбайском районе в крестьянской семье. По окончании Каракалпакского государственного педагогического института в течение 1957—1967 гг. работал в этом же институте преподавателем кафедры каракалпакского языка. В 1967—1968 гг. Есемурат Бердимуратович — заведующий сектором методики преподавания каракалпакского языка и литературы в Каракалпакском филиале Узбекского научно-исследовательского института педагогических наук, с 1968 по 1976 год — заместитель директора этого же института.

В 1964 г. Е. Б. Бердимуратов защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Очерк

лексикологии современного каракалпакского литературного языка», в 1973 г. — докторскую — «Развитие каракалпакской лексики в связи с развитием функциональных стилей литературного языка».

Почти вся научно-педагогическая деятельность Е. Б. Бердимуратова связана с Нукусским университетом, где он работает уже более четверти века. Перу ученого принадлежат более 100 научных работ, в частности монографии «Лексикология современного каракалпакского языка» (1968), «Развитие каракалпакской лексики в связи с развитием функциональных стилей литературного языка» (1973), «Современный каракалпакский язык. Фонетика, лексикология» (1979, в соавторстве), «Каракалпакская терминология» (1989) и другие, в которых всесторонне исследованы вопросы развития лексики, терминологических систем и стилистических норм каракалпакского литературного языка. Неоценимый вклад внес Е. Б. Бердимуратов в каракалпакскую лексикографию, будучи соавтором «Русско-каракалпакского словаря» (1967) и «Орфографического словаря каракалпакского языка» (1990). При участии Е. Б. Бердимуратова и под его руководством издан ряд школьных учебников по родному языку, различные методические пособия для учителей. Ученым-педагогом разработаны такие общевузовские курсы, как «Общее языкознание», «Лексикология каракалпакского языка», спецкурсы «Каракалпакская терминология», «Культура речи» и другие, которые читаются в Нукусском госуниверситете.

Много сил и энергии отдается им подготовке ученых-лингвистов. Его ученики успешно работают не только в Каракалпакстане, но и за его пределами. Научная, педагогическая и общественная деятельность Е. Б. Бердимуратова получила высокую оценку: он отличник народного образования Узбекской ССР.

Коллеги, друзья и ученики Е. Б. Бердимуратова сердечно поздравляют его со славным юбилеем, желают ему доброго здоровья и новых творческих успехов в научно-педагогической деятельности.

А. Б. Бекбергенов, К. Пахратдинов

ХАИРБОЛАТ МУКАНОВИЧ ЕСЕНОВ

(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет со дня рождения и 40 лет научно-педагогической деятельности: доктора филологических наук, заведующего отделом грамматики казахского языка Института языкознания им. А. Байтурсынова Академии наук Казахстана Хаирболату Мукановичу Есенову.

Свой трудовой путь Х. М. Есенов начал учителем казахского языка и литературы. После окончания Казахского государственного университета Х. М. Есенов возглавил кабинет казахского языка и литературы Кокчетавского областного института усовершенствования учителей (1955—1957). Здесь он составил и издал сборник статей, пропагандирующих опыт работы передовых учителей (1957).

В сентябре 1957 г. Х. М. Есенов был приглашен в Институт языкознания АН Казахстана, где получил возможность заняться непосредственно научной работой. В настоящее время он заведует отделом грамматики современного казахского языка в этом же институте.

В 1962 г. Х. М. Есенов защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Условные и уступительные придаточные предложения в современном казахском языке», а в 1983 г. — докторскую — «Основные вопросы осложненного предложения в современном казахском литературном языке».

Общее число опубликованных трудов Х. М. Есенова достигает почти двухсот, среди них четыре — монографии: «Условные и уступительные придаточные предложения в современном казахском языке»

(1969), «Осложненные предложения в казахском языке» (1974), «Структура сложноподчиненного предложения» (1982), «Синтаксические отношения в современном казахском языке». В настоящее время в издательстве «Наука» Казахстана готовится к печати еще одна его монография (на русском языке) — «Синтаксис осложненного предложения в казахском языке». Х. М. Есенов является одним из соавторов II тома академической грамматики казахского языка («Синтаксис», 1967), учебника «Изучаем казахский язык» (1989) и ряда других работ.

Х. М. Есенов специализируется в основном в области синтаксиса казахского языка. Им доказано существование между простым и сложным предложениями еще и осложненного предложения — вполне самостоятельной синтаксической единицы. В настоящее время эта категория предложения в некоторых учебных заведениях изучается в виде специального курса. Кроме того, Х. М. Есенов часто выступает в периодической печати со статьями и рецензиями, в которых высказывает свои соображения по актуальным вопросам развития современного казахского литературного языка и культуры речи.

Х. М. Есенов свои научные исследования тесно увязывает с практической деятельностью в области народного образования. Он читает лекции в Казахском государственном университете по курсу «Современный казахский язык. Синтаксис сложного предложения», проводит по нему семинарские занятия, осуществляет научное руководство дипломными и диссертационными работами.

Х. М. Есенов активно участвует в общественной и научно-организационной жизни как член специализированных советов по защите докторских диссертаций Института языкознания АН Казахстана, кандидатских в КазГУ, учебно-методического совета, республиканского Министерства народного образования и как член редколлегии филологической серии журнала «Известия АН Казахстана».

За плодотворную научно-педагогическую деятельность Х. М. Есенов награжден медалями, а также Почетной грамотой Министерства народного образования Казахской ССР.

Друзья и коллеги юбиляра искренне желают ему долгих лет жизни и дальнейших успехов в научно-педагогической работе на благо отечественной филологии.

Ф. Ф. Алиев

НЕКРОЛОГ

Н. Н. ПОППЕ*

Мировая алтаистика понесла тяжелую утрату: перестало биться сердце выдающегося монголиста и неумоимого тюрколога Н. Н. Поппе. Человек сложной судьбы, Н. Н. Поппе родился в 1897 г. в Китае (г. Чифу), получил университетское образование и сложился как ученый в Санкт-Петербурге, умер в США.

Сочетая в себе редкое научное дарование и великолепное знание не только русского, западно-европейских и восточных языков, но и почти всех живых и мертвых монгольских и тюркских языков, он отличался широтой и многогранностью научного творчества.

Заслуги Н. Н. Поппе как алтаиста и монголоведа хорошо известны в мировой науке о языке. Его работы послужили фундаментом для целого ряда исследований в области алтаистики. Однако имя его как талантливого исследователя важнейших проблем лексики, фонетической и морфологической структур многих тюркских языков (в частности чувашского, якутского и тувинского) в историческом освещении войдет и в историю лингвистической тюркологии.

Тюркологические труды Н. Н. Поппе можно разбить на следующие группы: 1 — период 1924—1929 гг.; 2 — период после второй мировой войны, включающий справочники по тюркским языкам; 3 — использование данных тюркских языков в алтаистике; 4 — рецензии на тюркологические труды.

В 1920-х годах ученый проявил большой интерес к чувашскому языку. Им были опубликованы «Чувашские звуковые законы», две статьи об отношении чувашского языка к тюркским языкам, о тюркских заимствованиях в чувашском языке и о чувашских местоимениях. (Много лет спустя, в 1974 г., он вновь вернулся к вопросу

о месте чувашского языка среди других тюркских языков).

Обратившись к сравнительно-историческому языкознанию, Н. Н. Поппе в те же годы издал следующие статьи: «Из области вокализма монголо-турского праязыка», «Об одной фонеме в тюрко-монгольском», «Алтайское и пратюркское», «Тюркские заимствованные слова в среднемонгольском» и др.

В 1926 г. увидела свет учебная грамматика якутского языка Н. Н. Поппе, основой для которой послужил известный труд О. Бетлингга 1857 г. После войны Н. Н. Поппе опубликовал также две статьи о якутском языке в известных сериях «Philologia Turcica Fundamenta» и «Handbuch der Orientalistik».

В западных странах, где материалы и словари тюркских языков труднодоступны, а знание русского языка среди студентов и ученых широко не распространено, появление двух справочников Н. Н. Поппе по татарскому и башкирскому языкам следует считать очень важным и полезным. Оба справочника были опубликованы в известной урало-алтайской серии, субсидированной американским правительством.

Н. Н. Поппе был также экспертом по среднетюркским языкам, столь необходимым для сравнительного изучения алтайских языков. Познания ученого особенно пригодились при создании его известного большого словаря «Мукаддимат ал-адаба» в 3-х частях, в котором он исследовал монгольский и тюркский языковой материал среднего периода. В 1958 г. Н. Н. Поппе на основании дневников и докладов русских путешественников подготовил свое исследование по саларскому языку.

Значительный вклад Н. Н. Поппе в тюркологию — это рецензирование им работ таких известных тюркологов, как К. Менгес, Г. Рамстедт, А. фон Габен, С. Е. Малов и А. М. Ряснен. Он критически оце-

* За исправление русского текста этого некролога выражаю благодарность моему другу д-ру Арашу Борманшинову.

нил «Введение в алтайское языкознание» Г. Рамстедта и морфологию тюркских языков Рясянена, древнетюркскую грамматику А. фон Габен и «Памятники древнетюркской письменности» С. Е. Малова. Из работ Менгеса он рецензировал труды о чагатайском и каракалпакском языках и большой справочник по тюркским языкам с историей тюркских народов.

Более подробные сведения об опубликованных работах Н. Н. Поппе можно по-

лучить из библиографии его публикаций, напечатанной в Сиэтле в 1977 г. в связи с его восьмидесятилетием.

Человечность Н. Н. Поппе, его научный поиск с целью выявления языковых фактов и умение ясной и логической интерпретации последних, теплота его отношений к коллегам и ученикам надолго останутся в памяти тех, кто знал великого ученого лично или по его многочисленным работам.

И. Е. Крюгер

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- Х. Г. Нигматов (Бухара). Фонологическая система современного узбекского языка и ее становление 3
- Х. С. Джанибеков (Нальчик). Актуальное членение и гетерогенность членов предложения в карачаево-балкарском языке 11
- Н. Н. Тыдыкова (Санкт-Петербург). К вопросу об адъективных формах глагола в алтайском языке 21

ФОЛЬКЛОР. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

- И. Г. Галяутдинов (Уфа). Язык фольклора как самостоятельная система 26
- М. Б. Мамедов (Баку). Диалектная лексика как одно из основных средств индивидуализации и типизации речи персонажей 41
- А. А. Джолдасова (Чимкент). Особенности функционирования казахско-русского двуязычия в сфере кино 46
- С. С. Каташ (Горно-Алтайск). К вопросу о поэтике алтайских благопожеланий — алкыш сөс 52

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- С. Г. Халипов (Санкт-Петербург). Этимология гидронима *Хонер* 55
- Т. Нафасов, Дж. Х. Жабборов (Карши). Древнеиранские реликты в гидронимии Южного Узбекистана 58
- В. А. Бушаков (Аскания-Нова). О происхождении названия крымского города-крепости Мангуп 64

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- М. К. Сембин (Алма-Ата). Север в казахской топонимии 69
- А. Т. Кайдаров (Алма-Ата). Культ слова у тюркских народов 74

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- А. М. Джавадов (Баку). Некоторые соображения по поводу топонима *Гыз галасы* 'Девичья башня' 80
- М. С. Фомкин (Санкт-Петербург). К вопросу о соотношении религиозного и этнического в самосознании анатолийских тюрков в XIII—XV веках 90

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Х. Арзikuлов, А. Бабанаров (Самарканд), Ш. Юсупова (Санкт-Петербург). О международной конференции «Статистическая оптимизация преподавания языков и компьютеризация обучения» 99

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Х. Ф. Исхакова, Г. Ф. Благова (Москва). Телеутская землица и ее коренные жители 101
- Ф. М. Хисамова (Казань). Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья 103
- Ф. Г. Хисамитдинова (Уфа). Р. Х. Халикова. Язык башкирских шежере и актовых документов XVIII—XIX вв. 104

PERSONALIA

- Н. Д. Доспанов (Нукус). Маденбай Давлетович Давлетов 106
- А. Б. Бекберенов, К. Пахратдинов (Нукус). Есемурат Бердимуратович Бердимуратов 107
- Ф. Ф. Алиев (Алма-Ата). Хаирболат Муканович Есенов 108

НЕКРОЛОГ

- И. Е. Крюгер (США, Блумингтон). Н. Н. Поппе 109

C O N T E N T S

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- Kh. G. Nigmatov* (Bukhara). Phonological system of the modern Uzbek language and its formation 3
- Kh. S. Janibekov* (Nalchik). Actual articulation and heterogeneity of the parts of sentence in the Karachai-Balkar language 11
- N. N. Tydykova* (St.-Peterburg). On the problem of the adjective forms of verb in the Altay language 21

FOLKLORE. LITERATURE. CULTURE

- I. G. Galyautdinov* (Ufa). The language of folklore as an independent system 26
- M. B. Mamedov* (Baku). Dialect vocabulary as one of the main means of personages 41
- A. A. Joldasova* (Chimkent). Peculiarities of functioning of Kazakh-Russian bilingualism in the sphere of cinema 46
- S. S. Katash* (Gorno-Altaysk). On the problem of poetry in good wish — алкыш cöc 52

ETHNOLINGUISTIC CONTACTS

- S. G. Khalipov* (St.-Peterburg). Etymology of the hydronym *Xonep* 55
- T. Naphasov, J. Kh. Jabborov* (Karshy). Old Iranian relics in the hydronyms of South Uzbekistan 58
- V. A. Bushakov* (Askaniya-Nova). On the origin of denomination of the Crimean fortress Мангун 64

MATERIALS AND REPORTS

- M. K. Sembir* (Alma-Ata). North in the Kazakh toponymy 69
- A. T. Kaydarov* (Alma-Ata). Worship of word among Turkic peoples 74

DISCUSSIONS

- A. M. Javadov* (Baku). Some considerations on the toponym *Гыз галасы* 'Maiden's Tower' 80
- M. S. Fomkin* (St.-Peterburg). On the question of correlation of religious and ethnic in selfconsciousness of Anatoly turks in the XIII—XV centuries 90

SCIENTIFIC AND CULTURAL LIFE

- Kh. Arzikulov, A. Babanarov* (Samarkand), *Sh. Yusupova* (St.-Peterburg). On the international conference «Statistical optimization of language teaching and computerization of training» 99

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

- Kh. F. Ishakova, G. F. Blagova* (Moscow). Телеутская земля и ее коренные жители 101
- F. M. Khisamova* (Kazan). Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья 103
- F. G. Khisamitdinova* (Ufa). Р. Х. Халикова. Язык башкирских шежере и архивных документов XVIII—XIX вв. 104

PERSONALIA

- U. D. Dospanov* (Nukus). Madenbay Davletovich Davletov 106
- A. B. Bekbergenov, K. Pakhratdinov* (Nukus). Yesemurat Berdimuratovich Berdimuratov 107
- F. F. Aliyev* (Alma-Ata). Khairbolat Mukanovich Yesenov 108

OBITUARY

- John R. Krueger* (Bloomington). N. N. Poppe 109

© «Тюркология», 1992 г.

Технический редактор Б. М. Абдуллаев
Корректор С. Дж. Эфендиева

Сдано в набор 29.05.91 г. Подписано к печати 19.10.92 г. Формат бумаги 70×108^{1/16}.
Бум. л. 3.5. Физ. печ. л. 9.5. Уч. изд. л. 9. Заказ 3541. Тираж 2262. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Азербайджан», Метбуат проспекти, 529-й квартал.

Индекс 70927

1 р. 10 к.

ГОСПОДА ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ И БИЗНЕСМЕНЫ!

Если Вам не безразлично изучение Вашего культурно-исторического прошлого, если Вы желаете получить новые научно обоснованные данные о своих истоках и предках, о связях и контактах последних в поступательном движении мировой цивилизации, то Вы можете навечно запечатлеть свои имена в этнокультурной летописи тюркских народов, став спонсорами международного научно-теоретического журнала «Тюркология» и получив взамен возможность помещать на страницах нашего журнала Вашу рекламу.

Заранее благодарим потенциальных спонсоров и рекламодателей.

Наш расчетный счет: 345921. МФО 501822, «Азманбанк» Октябрьского отделения Госбанка Азербайджана, г. Баку.

Издательством «Элм» Академии наук Азербайджана выпущен подготовленный Институтом языкознания им. И. Насими «Диалектологический атлас азербайджанского языка». Этот атлас, являющийся первым опытом в тюркологии, состоит из 128 карт, 43 из которых посвящены фонетике, 31 — морфологии, 4 — синтаксису, 50 — лексике. К каждой из карт приложен комментарий.

Атлас рассчитан на специалистов по диалектологии.

Объем — 87,6 печатных листов. Цена атласа — 99 руб. 70 коп. Оплата — наложенным платежом.

Все, кто интересуется, могут обращаться по адресу: 370143, г. Баку, пр. Азизбекова, 31, этаж 5, Институт языкознания им. Насими АН Азербайджана.